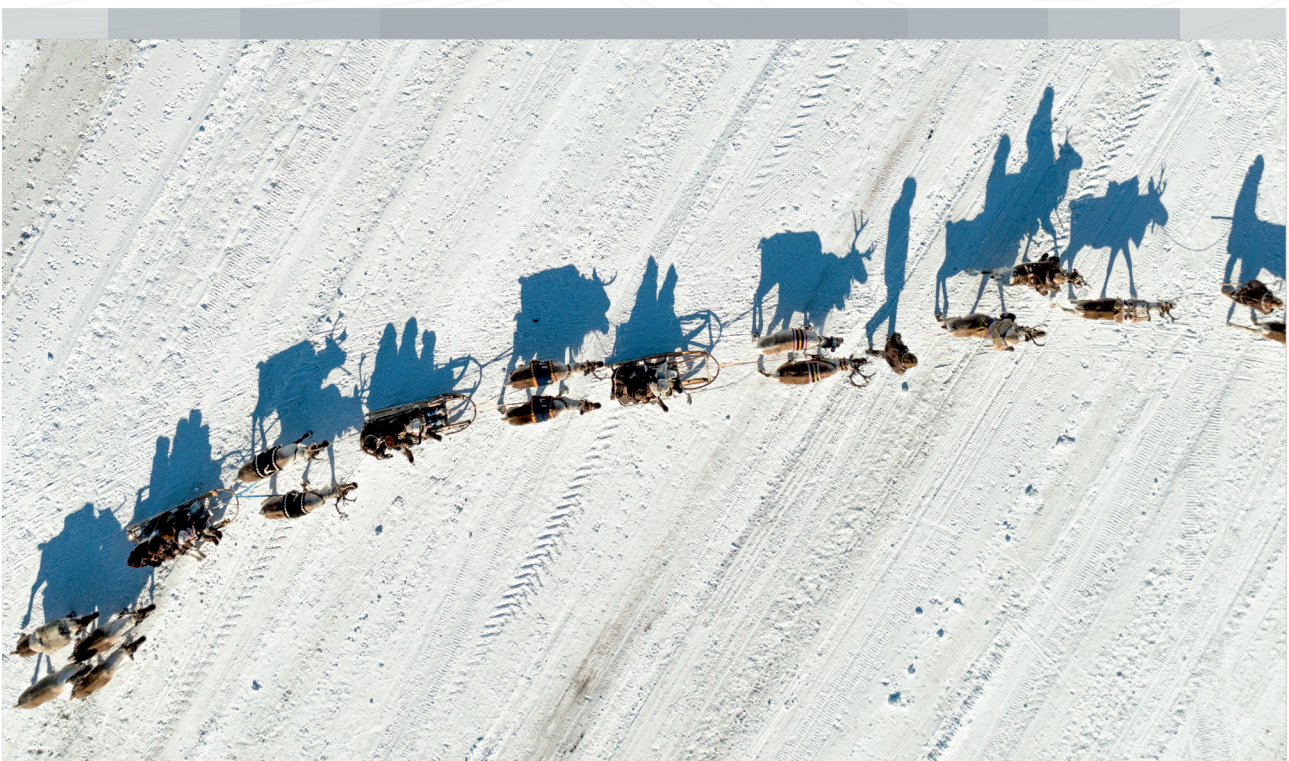

ARCTIC XXI CENTURY

АРКТИКА XXI ВЕК

4(42)2025

СЕВЕРЯНКА
АВТОР ФОТОГРАФИИ: ПРОТОПОВА Е. К.

ХРЕБТЫ СЕБЯН-КЮЭЛЬ
АВТОР ФОТОГРАФИИ: ПРОТОПОВА Е. К.

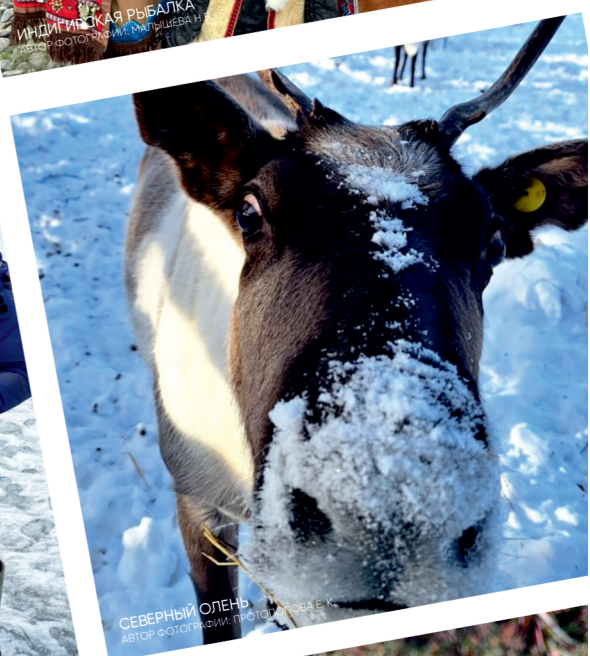
БУДНИ ОЛЕНЕВОДА
АВТОР ФОТОГРАФИИ: СПЕЦЦОВА Н. Н.

ИНДИГИТСКАЯ РЫБАЛКА
АВТОР ФОТОГРАФИИ: МАТЫШЕВА Н.

ПОДЛЕДНАЯ РЫБАЛКА
АВТОР ФОТОГРАФИИ: ПРОТОПОВА Е. К.

СЕВЕРНЫЙ ОЛЕНЬ
АВТОР ФОТОГРАФИИ: ПРОТОПОВА Е. К.

Научный журнал

Периодическое издание

Издается с 2013 года

До 16.09.2024 года журнал издавался под названием «Арктика XXI век. Гуманитарные науки»

Периодичность: 4 раза в год

Тираж: 25 экз., распространяется бесплатно

DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378>

Арктика XXI век – периодический рецензируемый журнал, посвященный актуальным проблемам изучения языков народов Севера и Арктики. Журнал публикует оригинальные научные исследования мирового уровня, отражающие современные тенденции в лингвистике и смежных дисциплинах.

Миссия журнала – содействие развитию и популяризации исследований, а также освещение ключевых достижений мировой науки в области возрождения, сохранения и развития языков народов Севера и Арктики.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

С 2025 года журнал публикует новейшие результаты междисциплинарных исследований российских и зарубежных ученых. Тематика охватывает широкий спектр областей, включая историю языка, лингвистическую палеонтологию, лингвистическую экологию, социолингвистику, антропологическую лингвистику, когнитивную лингвистику, ономастиологию, лингвогеографию и другие смежные дисциплины.

Целевая аудитория: научные работники, преподаватели вузов, аспиранты, магистранты и соискатели ученых степеней доктора и кандидата наук, а также российские и зарубежные ученые.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: *Н. В. Малышева*, д.филол.н., СВФУ, Якутск, Россия

Заместитель главного редактора: *Л. С. Заморщикова*, к.филол.н., СВФУ, Якутск, Россия;

Ответственный секретарь: *М. А. Осорова*, к.филол.н., СВФУ, Якутск, Россия

Члены редакционной коллегии:

Л. Гренобль, Ph.D., Университет Чикаго, Чикаго, США; *Ч. Месарош*, Ph.D., Институт этнологии, Будапешт, Венгрия; *Я. Эфендиев*, Ph.D., Техасский университет, Техас, США; *М. Ууганбаяр*, Ph.D., Национальный университет Монголии, Улан-Батор, Монголия; *Т. Загарпэрэнлэй*, Ph.D., Национальный университет Монголии, Улан-Батор, Монголия; *С. Ж. Тажибаева*, д.филол.н., Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан; *А. М. Фазылжан*, к.филол.н., Институт языкознания им. А. Байтурсынова, Алматы, Казахстан; *К. К. Уметов*, к.филол.н., Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына, Бишкек, Кыргызстан; *С. А. Мызников*, д.филол.н., член-корреспондент РАН, Институт славяноведения РАН, Москва, Россия; *А. Н. Биткеева*, д.филол.н., Институт языкознания РАН, Москва, Россия; *Д. А. Функ*, д.ист.н., Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия; *Н. Б. Кошкарева*, д.филол.н., Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия; *А. А. Петров*, д.филол.н., РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия; *Н. И. Данилова*, д.филол.н., ИГиИПМНС СО РАН, Якутск, Россия; *О. А. Мельничук*, д.филол.н., Северо-Восточный федеральный университет, Якутск, Россия; *В. Ю. Гусев*, к.филол.н., Институт языкознания РАН, Москва, Россия; *В. Г. Белолобская*, к.филол.н., Северо-Восточный федеральный университет, Якутск, Россия; *А. А. Ярзуткина*, к.ист.н., Чукотский филиал СВФУ, Анадырь, Россия

ISSN: 3034-7378 (печатная версия), 3034-7386 (онлайн-версия)

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова»

Адрес учредителя и издателя: 677000, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Белинского, 58

Адрес редакции: 677027, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Ойунского, 27, кабинет 508

Тел./факс: +7 (4112) 40-38-75

Сайт <https://www.arcticjournal.ru>

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-88190 от 16 сентября 2024 г.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Academic periodical

Published since 2013

Until 16.09.2024 the Journal was published under the name «Arctic XXI century. Humanitarian sciences»

Publication frequency: 4 times a year

Circulation: 25 copies, free distribution

DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378>

Arctic XXI Century is a peer-reviewed periodical focusing on current issues in the study of languages of the peoples of the North and the Arctic. The Journal publishes high-quality original research reflecting contemporary trends in linguistics and related disciplines.

The Journal's mission is to promote and advance scholarly research while spotlighting significant global progress in the revitalization, preservation, and development of Northern and Arctic Indigenous languages.

The periodical is included into the system of Russian Index of Science Citation (RISC).

Since 2025, the Journal has been publishing the latest findings from interdisciplinary research conducted by Russian and international scholars. Its scope covers a wide array of fields, including historical linguistics, linguistic paleontology, ecolinguistics, sociolinguistics, anthropological linguistics, cognitive linguistics, onomasiology, linguistic geography, and other related disciplines.

The Journal serves researchers, university professors, postgraduate students (Ph.D. candidates), master's students, and scholars pursuing doctoral (Dr. hab.) and candidate of sciences (Ph.D.) degrees, as well as the broader Russian and international scientific community.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: *Ninel V. Malysheva*, Dr. Sci. (Philol.), NEFU, Yakutsk, Russia

Deputy Editor-in-Chief: *Liudmila S. Zamorshchikova*, Cand. Sci. (Philol.), NEFU, Yakutsk, Russia;

Executive editor: *Marina A. Osorova*, Cand. Sci. (Philol.), NEFU, Yakutsk, Russia

Lenore Grenoble, Ph.D., University of Chicago, Chicago, USA; *Csaba Mészáros*, Ph.D., Institute of Ethnology, Budapest, Hungary; *Yalchin Efendiev*, Ph.D., Texas A&M University, Texas, USA; *Myagmarsuren Uuganbayar*, Ph.D., National University of Mongolia, Ulan-Bator, Mongolia; *Tumenbayar Zagarperenley*, Ph.D., National University of Mongolia, Ulan-Bator, Mongolia; *Saule Zh. Tazhibaeva*, Dr. Sci. (Philol.), L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan; *Anar M. Fazylzhan*, Cand. Sci. (Philol.), Institute of Linguistics named after A. Baitursunuly, Almaty, Kazakhstan; *Kenzhebay K. Umetov*, Cand. Sci. (Philol.), Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Bishkek, Kyrgyzstan; *Sergey A. Myznikov*, Dr. Sci. (Philol.), corresponding member of the Academy of Sciences, Institute of Slavic Studies of the RAS, Moscow, Russia; *Aysa N. Bitkeeva*, Dr. Sci. (Philol.), Institute for Linguistic Studies of the RAS, Moscow, Russia; *Dmitriy A. Funk*, Dr. Sci. (Hist.), Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; *Natalia B. Koshkareva*, Dr. Sci. (Philol.), Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russia; *Aleksandr A. Petrov*, Dr. Sci. (Philol.), Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia; *Nadezhda I. Danilova*, Dr. Sci. (Philol.), IHRISN SB RAS, Yakutsk, Russia; *Olga A. Melnichuk*, Dr. Sci. (Philol.), NEFU, Yakutsk, Russia; *Valentin Yu. Gusev*, Cand. Sci. (Philol.), Institute for Linguistic Studies of the RAS, Moscow, Russia; *Varvara G. Belolyubskaya*, Cand. Sci. (Philol.), NEFU, Yakutsk, Russia; *Anastasia A. Yartzutkina*, Cand. Sci. (Hist.), Chukotka branch of NEFU, Anadyr, Russia

ISSN: 3034-7378 (Print), 3034-7386 (Online)

The founder and publisher is the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «M.K. Ammosov North-Eastern Federal University»

Founder and publisher address: NEFU, 58 Belinskogo St., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russia, 677000

Editorial office address: NEFU, 508 office, 27 Oyunsokogo St., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russia, 677027

Telephone/Fax: +7 (4112) 40-38-75

Website <https://www.arcticjournal.ru>

Accreditation certificate ПИ № ФЦ77-88190 on September, 16, 2024 by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Гренобль Л., Игнатенко Л. А.</i> Языковой сдвиг: заимствование русских союзов в эвенкийской речи.....	6
<i>Имеева-Кысылбаикова М. И., Фергюсон Дж.</i> Языковой сдвиг в Среднеколымском улусе: социолингвистический анализ эвенского и якутского языков (на англ.)	26
<i>Осипов Б. Я.</i> Глоттализация гласных в говоре ламунхинских эвенов	38
<i>Степанов С. П., Чжан Д., Захаров Т. З., Алексеева А. А., Апросимов В. Л., Федоров Дь. А., Леверьев В. С., Новгородов Т. А., Подорожная Е. С.</i> Подходы к распознаванию и синтезу речи для якутского языка на основе нейросетей архитектуры Transformer (на англ.).....	56
<i>Турантаева Н. В., Т.-О. Эрдэнэ-Очир.</i> Бурятский компонент в диалектной лексике якутского языка (на материале названий диких животных).....	79
<i>Шенцова И. В.</i> Лексико-семантическая группа «Жилые постройки» в шорском языке на фоне общетюркской лексики.....	94
<i>Ярзуткина А. А.</i> В поиске эрыма: представления о лидерах и лидерстве в сельских сообществах Чукотки	111

CONTENTS

<i>Grenoble L., Ignatenko L. A.</i> Language shift: borrowing of Russian conjunctions in Evenki.....	6
<i>Imeeva-Kysylbaikova M. I., Ferguson J.</i> Language shift in the Srednekolymsky District: a sociolinguistic analysis of Even and Sakha languages	26
<i>Osipov B. Ya.</i> Glottalization of vowels in the dialect of Lamunkhin Evens.....	38
<i>Stepanov S. P., Zhang D., Zakharov T. Z., Alekseeva A. A., Aprosimov V. L., Fedorov Dj. A., Leveryev V. S., Novgorodov T. A., Podorozhnaya E. S.</i> Transformer-Based neural network approaches for speech recognition and synthesis in the Sakha language.....	56
<i>Turantaeva N. V., T.-O. Erdene-Ochir.</i> The Buryat component in the dialectal vocabulary of the Yakut language (based on the names of wild animals).....	79
<i>Shentsova I. V.</i> The lexico-semantic group “Residential buildings” in the Shor language against the background of common Turkic vocabulary.....	94
<i>Yarzutkina A. A.</i> In search for ‘erym’: views on leaders and leadership in rural communities of Chukotka	111

Дорогие читатели!

Перед вами четвертый номер журнала «Арктика 21 век» 2025 года, завершающий наш годовой цикл и одновременно открывающий перспективы для новых исследований. Это издание отражает актуальные тренды и динамику в изучении культурно-языкового многообразия Арктики и Севера. Мы рады представить подборку работ, каждая из которых вносит значимый вклад в осмысление уникальных феноменов этого региона.

География авторов выпуска охватывает пространство от Чикаго до Улан-Батора, от Цюйфу до Чукотки, что свидетельствует о глобальном интересе и растущем международном внимании к арктической повестке. Убедительным свидетельством этого выступает плодотворное сотрудничество российских ученых из ведущих научных центров с коллегами из США, Канады, Китая и Монголии, усиливающее дискурс новыми сравнительными и междисциплинарными подходами и отражающее растущий интерес к Арктике в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В центре внимания данного номера – широкий спектр языков и культур: тунгусо-маньчжурские (эвенкийский, эвенский), тюркские языки народов Севера и Сибири (якутский, шорский), монгольский, а также исследования, посвященные вопросам социальной организации коренных сообществ. Исследования охватывают как фундаментальную лингвистику, так и передовые исследования на стыке с прикладной математикой. Представленные материалы сочетают лингвистическую точность с антропологическим, социологическим и культурологическим анализом, рассматривая как системные изменения в фонетике, лексике и грамматике, так и современные концепты общественного сознания, и традиционные модели социальной организации. Такой синтез позволяет глубже понять механизмы адаптации и устойчивости северных сообществ в условиях глобальных и локальных трансформаций.

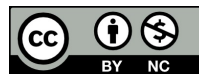
Миссия нашего журнала – способствовать развитию, популяризации и международному признанию исследований, направленных на сохранение, возрождение и устойчивое развитие языкового и культурного наследия народов Арктики. Каждая публикация в этом номере служит важным шагом на этом пути.

Мы выражаем искреннюю благодарность всем авторам за их вдумчивый труд и высокий уровень научных материалов. Надеемся, что представленные работы послужат стимулом для широкой профессиональной дискуссии, укрепления научных связей и появления новых совместных инициатив.

Искренне поздравляем всех читателей, авторов и партнеров журнала с наступающим Новым 2026 годом! Пусть он принесет новые открытия, плодотворные идеи и вдохновение для важных исследований.

*С уважением, Н.В. Малышева,
главный редактор журнала «Арктика XXI век»*

УДК 811.512.212

<https://doi.org/10.25587/3034-7378-2025-4-6-25>*Оригинальная научная статья*

Языковой сдвиг: заимствование русских союзов в эвенкийской речи

*Л. Гренобль*¹ , *Л. А. Игнатенко*² ¹Чикагский университет, Чикаго, США²Амурский государственный университет,

Благовещенск, Российская Федерация

 grenoble@uchicago.edu

Аннотация

Статья посвящена анализу заимствования русских союзов в спонтанной эвенкийской речи как проявлению языкового сдвига под влиянием доминирующего языка. Целью исследования является выявление закономерности употребления русских союзов *и*, *а*, *или*, а также оценка их влияния на синтаксис эвенкийского языка. Материалы были собраны в рамках экспедиций в промышленные районы республики в 2022–2023 гг. и представляют собой записи устной речи носителей восточного наречия, проживающих в селе Иенгра, Республики Саха (Якутия). Иенгринский эвенкийский национальный наслег является единственным из мест компактного проживания эвенков в регионе, где эвенкийский язык продолжает функционировать в сфере повседневного общения, однако здесь отмечается устойчивое русско-эвенкийское двуязычие. Полученные данные демонстрируют, что проникновение русских союзов в речь эвенков-билингвов носит не случайный, а систематический характер. Оно сопровождается замещением традиционных эвенкийских средств координации, что приводит к частичному изменению базового порядка слов. Эти трансформации демонстрируют изменение баланса языковой доминантности, под которой понимается не только количественное преобладание русского языка в повседневной коммуникации, но и его структурное воздействие на внутренние механизмы эвенкийской грамматики. Результаты исследования подчеркивают сложный характер синтаксической интерференции в условиях двуязычия и подтверждают, что заимствование дискурсивных маркеров, таких как союзы, является важным индикатором языкового сдвига. Перспективы исследования включают дальнейший детальный анализ роли каждого из заимствованных союзов и изучение влияния русской синтаксической модели на другие компоненты эвенкийского языка.

© Гренобль Л., Игнатенко Л. А., 2025

Ключевые слова: лингвистическая экология, языки малочисленных народов, эвенкийский язык, билингвизм, языковые контакты, языковой сдвиг, синтаксическая интерференция, заимствование дискурсивных маркеров, служебные слова, смешение кодов

Благодарности. Авторы выражают благодарность Н.Я. Булатовой, Т.Е. Андреевой и Т.Ф. Александровой за оказанную консультативную помощь и поддержку в подготовке статьи

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ в рамках реализации проекта «Языки и культуры народов Севера и Арктики РФ: комплексные социогуманитарные исследования (на основе анализа больших данных)» № 25-78-30006 от 22.05.2025 г.

Для цитирования: Гренобль Л., Игнатенко Л.А. Языковой сдвиг: заимствование русских союзов в эвенкийской речи. *Арктика XXI век*. 2025;(4):6–25. DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2025-4-6-25>

Original article

Language shift: borrowing of Russian conjunctions in Evenki

Lenore Grenoble¹ , Lyarido A. Ignatenko²

¹University of Chicago, Chicago, USA

²Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation

 grenoble@uchicago.edu

Abstract

This paper analyzes of borrowing of Russian conjunctions in Evenki speech, as a manifestation of ongoing language shift under the influence of the dominant language. The aim of the study is to identify patterns in the use of the Russian conjunctions *i* ('and'), *a* ('but'), *ili* ('or') and to assess their impact on Evenki syntax. The data come from recordings of oral speech of speakers of the Eastern dialect living in the village of Iengra, Republic of Sakha (Yakutia). The Iengrinskii Evenki National Nasleg (the smallest administrative unit in Yakutia) is the only place in the region where the Evenki language functions in daily informal settings; however, Russian has already become the language of primary communication here. Our research demonstrates that the Russian conjunctions are systematically used in Evenki, replacing the traditional means of coordination and partially changing basic word order. These changes are indicative of an overall shift in the balance of language dominance. The results underscore the complicated nature of syntactic influence in bilingual contexts and highlight that the borrowing of functional words, like conjunctions, can be an indication of language shift. Our study provides a detailed analysis of the role of each of the borrowed conjunctions and of the influence of Russian syntax on other components of Evenki.

Keywords: linguistic ecology, minority languages, Evenki, bilingualism, language contact, language shift, syntactic interference, discourse markers borrowing, function words, code-mixing

Acknowledgments. The authors express gratitude to N.Ya. Bulatova, T.E. Andreeva, T.F. Aleksandrova for their advisory assistance and support

Funding. Research was conducted with the financial support of the Russian Science Foundation “Languages and Cultures of the Peoples of the North and the Arctic of the Russian Federation: Comprehensive socio-humanitarian research (on the basis of big data)” No 25-78-30006 (22.05.2025)

For citation: Grenoble L., Ignatenko L.A. Language shift: Borrowing of Russian Conjunctions in Evenki. *Arctic XXI Century*. 2025;(4):6–25 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2025-4-6-25>

Введение

Проблемы языкового многообразия занимают доминирующее положение в исследованиях лингвистов [1]. Языковое разнообразие современного мира находится под угрозой: многие из примерно 7000 существующих языков к концу XXI века могут исчезнуть. Проблема сохранения и развития языков коренных народов получила международное признание: в 2022 году ЮНЕСКО провозгласила период 2022–2032 гг. Декадой языков коренных народов, что отражает растущую обеспокоенность процессами утраты языков. Данная проблема особенно актуальна для России, где языки многих коренных малочисленных народов находятся под угрозой исчезновения.

Происходит стремительный языковой сдвиг – носители чаще переходят на русский язык, а их родной язык перестает передаваться детям. Как показывает практика, языковой сдвиг может происходить чрезвычайно быстро – в течение двух-трех поколений. Однако исчезновению языка обычно предшествуют определенные изменения, которые могут служить индикаторами критического состояния языковой системы. Своевременное выявление этих признаков позволяет не только диагностировать угрозу, но и предпринять меры по ее предотвращению.

Современные исследования подтверждают комплексный характер языковых изменений. Заимствования в ситуациях языкового контакта – распространенное явление [2; 3]. Контакт языков чаще всего влечет структурные изменения: в таких условиях язык либо значительно трансформируется, либо ограничивается небольшими изменениями в лексике, фонетике или грамматике, не нарушая взаимопонимания. Исключений немного, и они обычно встречаются в тех контекстах, где социальные

условия разделяют языки. Однако и в таких случаях мы часто наблюдаем структурные изменения, где даже при сохранении лексики, происходит структурная конвергенция, как, например, в языках Амазонии [4].

Заемствования обычно делятся на две категории: перенос языкового материала, называемый заимствованием по материалу (*MAT borrowing*) [5; 6], и калькирование, перенос грамматики без языкового материала (заимствование по образцу или *PAT borrowing*). Ф. Гардани дает обзор терминологии и обсуждает различия и последствия заимствования морфологии [7]; Т. Кутева [8] рассматривает грамматические процессы. Я. Матрас уделяет особое внимание иерархиям заимствований: «Когда мы говорим о «легкости» заимствования, мы, по крайней мере неявно, имеем в виду коммуникативное поведение носителей языка в условиях двуязычия и изменения в этом поведении, которые оказывают продолжительное влияние на структуру используемого ими языка. В этой связи нас интересует вероятность того, что в отношении конкретной структуры, выполняющей определенную функцию в обработке языка, носители языка могут отказаться от разграничения двух подсистем в своем языковом репертуаре – двух «языков» – и начать использовать данную структуру независимо от выбора языка» [9, с. 31].

Союзы и соединительные элементы, согласно Я. Матрасу, являются грамматической категорией, наиболее подверженной заимствованию [9, с. 54]. Ни один язык не заимствует союз ‘и’ без параллельного заимствования союзов ‘а’ и ‘или’. Эта закономерность подтверждена на материале множества языков, находившихся в контакте с итальянским [10] и в исследовании [11] на примере цыганского языка (Romani). Эвенкийский язык демонстрирует то же: заимствование русского союза *и* сопровождается проникновением союзов *а* и *или*, что соответствует универсальной тенденции иерархического распространения заимствований.

При этом Я. Матрас подчеркивает, что заимствование союзов не ограничивается механическим перенесением форм, но отражает прагматические процессы, происходящие в коммуникации. Заимствование союзов связано с тем, что говорящие используют лингвистический репертуар, доступных им в условиях двуязычия.

Языковые границы, по мнению Я. Матраса, не являются четкими, а подвижны и могут быть переработаны носителями языков (*users' creativity*). Каждое структурное изменение начинается как локальная инновация, возникающая в реальной языковой практике. Следовательно, для понимания диахронических изменений необходимо учитывать индивидуальные коммуникативные мотивации говорящих и задачи, которые они решают в процессе общения.

Подобные процессы наблюдаются и в эвенкийском языке. В настоящем исследовании рассматривается ситуация эвенков, проживающих в селе Иенгра, Республики Саха (Якутия)¹. Изменения в грамматике и синтаксисе эвенкийского языка были зафиксированы и описаны Л. Гренобль и Н.Я. Булатовой в конце XX века [13], однако в настоящее время наблюдается более выраженная интеграция русских союзов в речь.

Цель настоящей работы – проанализировать случаи употребления русских союзов на материале речи эвенков Иенгры, выявить изменения в синтаксисе и грамматике, а также обсудить возможные причины и последствия этих изменений.

Репрезентативна ситуация с заимствованием союзов, которые не только замещают эвенкийские конструкции, но и способствуют изменению синтаксической структуры предложения. Нами рассмотрены заимствованные русские союзы *и*, *а*, *или* в эвенкийской речи. При этом заимствованные союзы остаются неизменными, не адаптируясь к морфологическим и фонетическим правилам эвенкийского языка, что может объясняться их однофонемной структурой.

Грамматика эвенкийского языка

Для анализа изменений в синтаксических конструкциях эвенкийского языка необходимо опираться на общие принципы его грамматики. Полное грамматическое описание стоит за пределами данной работы, и его можно найти в других источниках [14; 15; 16; 17 и др.]. В данном разделе приводится лишь краткий обзор тех лингвистических признаков, которые имеют отношение к текущему анализу заимствований.

Эвенкийский язык относится к северной подгруппе тунгусо-манчжурских языков алтайской языковой семьи и как все языки этой семьи является агглютинативным. Основным способом выражения грамматических и словообразовательных значений является аффиксация, преимущественно суффиксация, определяющая морфологическую специфику языка. Помимо суффиксов, дополнительные способы – это суффиксальные частицы, служебные слова и удвоение основ.

В эвенкийском языке границы слова определяются основой и словоизменяющей частью слова, которая может быть представлена одним или несколькими суффиксами [18].

Суффикс совместного падежа *-нун* [-nun], выражает функцию совместного действия обозначая участника, который совершает действие или находится в определенном состоянии совместно с другим лицом.

¹ Е.Л. Рудницкая [12] описывает недавние изменения в других говорах эвенкийского языка, однако говор с. Иенгра в ее исследовании не рассматривается.

(1) *Нуһан омонгинунми гиркилэдерэн* ‘Он дружит с моим сыном’.

(2) *Нуһан маталнунми доровалдычан* ‘Он поздоровался с гостями’ [19, с. 209].

А.В. Романова и А.Н. Мыреева [14] так же выделяют суффикс *-гали*, как форму совместного падежа. Однако Б.В. Болдырев считает, что суффикс *-гали* к числу падежных не относится, а является морфологическим вариантом суффиксов обладания. Независимо от его грамматического статуса, мы видим в примерах (3) и (4), что суффикс *-гали* соединяет два имени существительных, и таким образом относится к средству грамматического соединения.

(3) *Куһакар книгагали школала нэнэдерэ* ‘дети с книгами идут в школу’.

(4) *Бэе һинакингали дюда ирэн* ‘человек с собакой вошел в дом’ [19, с. 214].

Частицы в эвенкийском языке представлены служебными словами и суффиксами, выражающими дополнительные оттенки значения отдельных слов, словосочетаний или предложений. В своем обычном употреблении они не могут быть членами предложения, во всех случаях их употребления частицы постпозитивны по отношению к слову, с которым они взаимодействуют, образуя с ним единое лексическое целое.

Так частица *-да(-та)* выражает функцию соединения равноправных синтаксических единств, по значению может соответствовать русским частицам *тоже, также*.

(5) *Костя аминин, энинин-дэ эчэтын сарэ нуһан индериwэн, авгара́т тадук сэwдэпчут-тэ бидериwэн* ‘папа и мама Кости не знали, что он жив, здоров и даже весел’ [Там же, с. 847–848].

Частица *-ка* относится к числу эмфатических. Употребляется для усиления подчеркивания значения слова, после которого ставится, а также для усиления смыслового содержания высказывания, которое может быть утвердительным, вопросительным, побудительным и пр.

(6) *Нуһан алатчэча, нуһартын эмэмэлчэдэтын, нуһартын-ка хата эчэтын эмэдерэ* ‘она хотела, чтобы они поскорее пришли, а они все не шли’.

(7) *Бу-кэ сомамат нэлэлчэwун!* ‘а мы-то страху натерпелись’ [Там же, с. 868].

К союзам относятся служебные слова, функция которых заключается в выражении синтаксических отношений между однородными членами предложения, между частями сложносочиненного предложения, а также между целыми предложениями, которые разграничиваются или противопоставляются, и связи между придаточным и главным

предложениями. По морфологической структуре они могут быть простыми и составными *тадук* ‘и’, *тарит* ‘и (потому), вот (поэтому)’, *тэли* ‘и (тогда), то (тогда)’, *туги* ‘(с тем) и’.

Соединительный союз *тадук* ‘и’ по происхождению является от-наречным: *тадук* ‘потом, затем’. Употребляется для связи однородных членов предложения или целых предложений. При употреблении с глагольными словами обычно указывает на следование одного действия за другим [Там же, с. 885].

Социолингвистическая справка

Село Иенгра (Иенгринский эвенкийский национальный наслег) расположено на юге Республики Саха (Якутия) в Нерюнгринском районе. Основание села относят к 1926 году, когда после укрепления колхоза сюда съехались эвенки, ранее кочевавшие на прилегающих территориях. В селе проживают потомки ряда древних эвенкийских родов: Буллет, Нюрмаган, Сологон, Пуягир, Бута, Доной, Кэптукэ, Букачар, Дэнмэ, Лоңорки, Баттаки, Эмис, Нанаи. Основными видами традиционной хозяйственной деятельности для местного населения остаются оленеводство и охота [20].

По данным Всероссийской переписи населения 2020 года, численность населения села составляет 1036 человек. Среди местных эвенков доля владеющих эвенкийским языком достигает 80,95 %. При этом наблюдается тревожная тенденция: чем моложе возрастная группа, тем ниже в ней уровень языковой компетенции. Эта динамика свидетельствует о протекающем в сообществе языковом сдвиге и указывает на уязвимое положение эвенкийского языка [21].

Правовой статус и государственная поддержка языка определяются Законом Республики Саха (Якутия) «О языках в Республике Саха (Якутия)»². Согласно данному закону, языки коренных малочисленных народов республики признаются официальными в местах их компактного проживания [22]. В связи с этим эвенкийский язык обладает официальным статусом в селе Иенгра. В рамках реализации положений данного закона обеспечивается организация языкового образования, а также дублирование вывесок и указателей бюджетных учреждений на эвенкийском языке наряду с якутским и русским.

Эвенкийский язык и культура преподаются в образовательных учреждениях села – детском саду, средней школе-интернате и музыкальной школе. В селе функционирует этнокультурный центр «Эян», деятельность которого направлена на сохранение и развитие языка и

² Закон РС (Я) N 1170-XII «О языках в Республике Саха (Якутия)».

культуры. На его базе действуют клубные объединения различной направленности, которые обеспечивают преемственность традиций и способствуют включению детей и молодежи в традиционную культуру [23].

Школьное обучение ведется на русском языке, а эвенкийский долгое время преподавался на основе литературного стандарта, созданного на базе полигусовского говора эвенков Красноярского края (южное наречие). Это стало одной из причин затрудненного освоения языка школьниками, для которых родным является восточное наречие [Там же]. Однако в последние годы ситуация меняется: при поддержке Министерства образования РС(Я) Якутским филиалом Федерального института родных языков издаются учебные материалы на восточном наречии. Как отмечает ведущий специалист-эксперт института Феня Матвеевна Леханова, инициатива создания таких пособий исходила от старейшин. Впоследствии совместно с педагогами Иенгринской школы и научными сотрудниками Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН были разработаны, апробированы и изданы учебные пособия по языку и литературе, словари и дополнительные материалы.

Также наблюдается позитивная тренденция к включению эвенкийского языка в мероприятия районного, республиканского и международного уровней, проводимые в с. Иенгра или в г. Нерюнгри (районном центре). Так, в 2018 г. село стало площадкой проведения международного чемпионата Arctic Skills, в 2023 г. – Международного чемпионата по традиционному оленеводству. В 2025 г. республиканский праздник Ысыах Олонхо, проходивший в г. Нерюнгри, был открыт и закрыт постановками на эвенкийском языке, причем перевод и озвучивание осуществлялись жителями Иенгры. Кроме того, в репертуар Республиканского театра кукол включены постановки, основанные на эвенкийских легендах и мифах, с элементами оригинальной речи. Эти факты служат свидетельством расширения функционирования эвенкийского языка.

Иенгринский говор

Иенгринский говор относится к восточному (сибилянтно-спиратному) наречию. На сегодняшний день его описание остается неполным, в литературе он упоминается как тимптонский [15, с. 10], также его можно соотнести с чульманско-гилюйским [24, с. 230]. Дополнительную сложность для лингвистического описания создает внутренняя неоднородность, поскольку здесь сохраняется родовое деление, отражающее фонетические и лексические особенности говора родовой группы. Сами жители хорошо различают эти говоры и могут определить происхождение собеседника.

В начале XX века языковая ситуация в селе формировалась в условиях контакта с якутским языком. О чем свидетельствуют тексты интервью [ПМА], а также ряд заимствований из якутского языка: *комуй-ми* ‘собираться’, *эдэр* ‘молодой’, *кэргэн* ‘семья’ и др. В настоящее время для жителей характерно русско-эвенкийское двуязычие, отражающее историко-демографические процессы, происходившие в Нерюнгринском районе.

В условиях стремительно меняющегося мира новые реалии часто фиксируются в языке в русской форме, но при этом подчиняются эвенкийской морфологии и нередко фонетике: *вертолетыт* ‘на вертолете’, *докуменвар* ‘документы’, *сэмэлотылди* ‘на самолете’ и др.

По данным исследований языковой витальности, проведенных экспертами Института языкознания РАН, Иенгра отмечена как одно из поселений с наиболее благоприятной ситуацией, где, несмотря на проявления языкового сдвига, эвенкийский язык продолжает функционировать как средство межпоколенческого общения; он используется представителями старшего и частично среднего поколения, а в ряде семей продолжает передаваться детям [25].

Материалы и методы

Материалом для исследования служат устные рассказы, записанные в с. Иенгра в 2022–2023 гг. В анализ вошли фрагменты речи респондентов женского пола в возрасте от 65 до 86 лет (7 человек) с высоким уровнем владения эвенкийского языка (является для них первым усвоенным языком). Использованы расшифровки эксперимента по пересказу мультфильма и устные рассказы в свободной форме.

В собранных данных мы наблюдаем систематическое заимствование русских служебных слов, прежде всего союзов *а* и *и*. Эти элементы в эвенкийском, как правило, отсутствуют или имеют функциональные эквиваленты.

Результаты и обсуждение

Наиболее распространенным является заимствование союза *и*, выполняющего несколько функций, таких как соединение однородных членов в примерах³ (8-9), а также координацию целых клауз в (10) и (11).

³ Глоссы соответствуют Лейпцигским правилам глоссирования (<https://www.eva.mpg.de/lingua/pdf/Glossing-Rules.pdf>). Все глоссы, используемые в данной статье, можно найти в списке Сокращений в конце статьи.

- (8) Коңнорин **и** токи куиденэл мостадук
 Коңnorin-Ø **i^{rus}** toki-Ø kui-dʒe-ne-l mosta-duk
 bear-NOM and moose-NOM fight-IPFV-CVB.SIM-PL bridge-ABL
 бирала тыктэ
 bira-la tik-te-Ø
 river-LOC fall-AOR-PL
 ‘Медведь и лось дрались и упали с моста в реку.’
- (9) Туксаки **и** енот бакалдыра мостаду
 Tuksaki-Ø **i^{rus}** enot-Ø bakaldi-ra-Ø mosta-du
 rabbit-NOM and raccoon-NOM meet-AOR-PL bridge-DAT
 ‘Заяц и енот встретились на мосту.’
- (10) Эвэнкил Иеннэдук агиду эрэргэр бидевкил,
 Eʙenki-l Ieŋne-duk agi-du ereger bi-dʒe-βki-l
 Evenki-PL Iengra-ABL forest-DAT always be-IPFV-PTCP.HAB-PL
 агива эрэгэр аявдевкил **и** савкил
 agi-βa ereger ayaβ-dʒe-βki-l **i^{rus}** sa-βki-l
 forest-ACC always love-IPFV- PTCP.HAB-PL and know- PTCP.HAB-PL
 кэтэ улгурилва
 kete ulgur-i-l-βa
 many story-IF-PL-ACC
 ‘Эвенки из Иенгры всегда живут в лесу, всегда любят лес, и знают много рассказов.’
- (11) **И** енот муннуканун бира дулиндун
I^{rus} enot-Ø munnuka-pun bira-Ø dulin-du-n
And raccoon-NOM rabbit-COM river-NOM middle-DAT-3SG
 бакалдыча
 bakaldi-ča-Ø
 meet-PST-PL
 ‘И енот с зайцем встретились в середине реки.’

В традиционной морфологии подобные отношения выражаются либо аффиксом совместного падежа *-нун*, либо частицей *-да*, особенно при соединении подлежащих. Однако в данных примерах союз *и* последовательно замещает эти внутренние средства координации. В ряде

высказываний (9–10) фиксируется также изменение базового порядка слов с SOV на SVO, что, вероятно, отражает влияние русского как структурно доминирующего языка.

Союз *a*, напротив, функционирует преимущественно как маркер противопоставления примеры (12–13).

- (12) Енот тыкулыha уивэ мостанивэ гурэрэн
 Enot-Ø tikul-i-ha ui-βe mosta-ni-βe gure-re-n
 raccoon-NOM be.angry-IF-CVB.ANT rope-ACC bridge-POSS-ACC untie-AOR-3SG
a туксаки нян тыкулча уивэ кигдикаран.
a^{rus} tuksaki-Ø nan tikul-ča-Ø ui-βe kigdžika-ra-n.
 and rabbit-NOM also be.angry-PST-3SG rope-ACC chomp-AOR-3SG
 ‘Рассердившись, енот развязал веревку моста, а заяц тоже рассердился, перегрыз веревку.’

- (13) Только эдындерэн, **a** сунду, наверное
 Tol’ko^{ru} edyn-dže-re-n **a^{rus}** sun-du naverno^{rus}
 Only-NOM wind-IPFV-AOR-3SG and 2PL-DAT probably
 иманналан, ијинилэн.
 imanna-l-a-n iјini-l-e-n
 snow-INCH-IF-3SG frost-INCH-IF-3SG
 ‘Только стало ветрено, а у вас, наверное, пошел снег, похолодало.’

В данных примерах союз *a* занимает позицию, характерную для эвенкийской частицы *-кэ*, которая обычно следует после подлежащего во второй клаузе. Несмотря на замещение служебного элемента, общая структура высказывания остается эвенкийской. Таким образом, в случае *a* мы видим избирательное заимствование, которое не нарушает синтаксис.

Менее частотным, но показательно используемыми являются союзы *или* и *чтоб*, как в примерах (14), (15).

- (14) Алдандук Нагорнайла дурусь почтава
 Aldan-duk Nagornaj-la durus^{rus} počta^{rus}-βa
 Aldan-ABL Nargornaj-LOC груз mail-ACC
 дюһучамиһал 27 **или** 6 почтава
 dzuhu-ča-mi-ha-l 27 **ili^{rus}** 6 počta^{rus}-βa
 carry-STAT-EVAL-PTCP.ANT-PL 27 or 6 mail-ACC
 ‘В 27 или 26, они перевозили грузовую почту из Алдана в Нагорный’

- (15) Оттон, би тынэвэ эвэдыт турэтчэллим эчэ
 Otton bi tinebe ebedy-t turet-če-l-li-m eče
 So 1SG yesterday Evenki-INS speak-IPFV-INCH-PST-1.SG PRT
чтоб тураттатын синун
čtob^{rus} turat-ta-tin si-jun
 in.order.to speak-CVB.PURP-3PL 2SG-COM
 ‘Так, вчера я стала говорить по-эвенкийски, чтобы разговаривали с тобой’

Употребление русского подчинительного союза *чтоб* в (15) подчеркивает сильное влияние русского языка. Во-первых, деепричастие цели (*тураттатын*) само по себе передает значение цели, которое передается в русском языке словом *чтоб(ы)*. Во-вторых, употребление союзов или других слов для связи подчиненного предложения с главным предложением вообще отсутствует в традиционном или литературном эвенкийском языке. В отличие от русского языка, «мысль выражается сложноподчиненным предложением» [16, с. 151–152]. И в-третьих, подчинительные союзы редко заимствуются через контакт с русским языком; скорее заимствована структура (pattern borrowing), а не сам лексический подчинительный союз [26, с. 279].

Оба диалога, где они встречаются, происходят между носителями с высоким уровнем владения языком, предполагаемое «ориентирование на слушателя» здесь не объясняет появления русского элемента. Возможно, при планировании высказывания говорящий сначала формирует русскую структуру, а затем переводит на эвенкийский язык.

Заключение

В целом данные подтверждают, что проникновение русских союзов в эвенкийскую речь не является случайным. Детальная роль каждого из этих заимствованных элементов будет проанализирована и описана в нашей следующей статье.

Ранее подобные изменения отмечались в исследованиях лингвистов, однако в то время они касались преимущественно изменения порядка слов в предложении под влиянием русского языка [13; 27; 28]. В представленном материале, напротив, проявляется более глубокий уровень синтаксической адаптации, затрагивающий не только структуру высказывания, но и средства выражения синтаксических связей.

Заимствование русских союзов в эвенкийском языке – закономерное следствие доминирования русского языка. Понятие “*pragmatically dominant language*” описывает ситуацию, когда язык, на котором говорящий чаще думает или взаимодействует, спонтанно вмешивается в речь

на другом языке. Носители эвенкийского языка демонстрируют аналогичный механизм, все чаще применяя русские синтаксические паттерны в повседневном общении. К этому, вероятно, приводит прагматическая доминантность русского языка в сочетании с когнитивной доступностью его союзов. Подобное смешение кодов, как правило, наблюдается у билингвов с высоким уровнем владения обоими языками, которые свободно переключаются между ними в зависимости от коммуникативной ситуации.

Если ранее употреблялись эвенкийские союзы, такие как *тадук* 'потом' для грамматического соединения, то сегодня эту функцию взяли на себя русские союзы. Это соответствует модели Я. Матраса 4-М [29], согласно которой дискурсивные маркеры особенно уязвимы к заимствованию, поскольку активируются на ранней стадии планирования речи.

Интересно, что дети старшего школьного возраста, принимавшие участие в эксперименте, сознательно избегают русских заимствований и русскоязычного порядка слов, рассматривая это как признак недостаточного владения родным языком и испытывая определенный психологический дискомфорт при включении русской лексики в эвенкийскую речь. В то же время представители старшего поколения в Иенгре, напротив, не фиксируют подобных переключений/смешений, воспринимая их как естественные проявления живой речи. В данном случае наблюдается, так называемый «школьный эвенкийский», то есть влияние школьного образования. В контексте языкового сдвига, когда школа становится основным местом освоения языка, это не является редкостью. Различия между «школьным» и «аутентичным» языком обнаруживаются и в других языковых контекстах, например, в баскском или гавайском [30].

Следует подчеркнуть, что эвенкийский и русский языки типологически различны и тем не менее их контакт демонстрирует, что даже при структурной несопоставимости возможна глубокая синтаксическая интерференция.

Таким образом, повседневное использование русского языка среди эвенков села Иенгра оказывает системное воздействие на функционирование эвенкийского языка. В речи носителей прослеживаются процессы упрощения и редукции синтаксических структур, что может интерпретироваться как этап адаптации языка к билингвальной среде.

Сокращения

ПМА – полевые материалы авторов
ABL – отложительный падеж
ACC – винительный падеж
AOR – аорист
COM – совместный падеж
CVB – деепричастие
CVB.PURP – деепричастие цели
CVB.SIM – деепричастие одновременное
EVAL – оценочный
IF – интерфикс (interfix)
INCH – начинательный вид
INS – творительный падеж
IPFV – несовершенный вид
LOC – местный падеж
NOM – именительный падеж
PL – множественное число
PRT – частица
PTCP – причастие
PTCP.HABT – причастие обычного действия
STAT – вид состояния

Литература

1. Биткеева А.Н., Хохолова И.С. Ресурсы этничности в городской идентичности северян. *Арктика XXI век*. 2025;(2):32–47. DOI: <https://doi.org/10.25587/2310-5453-2025-2-32-47>
2. Thomason S.G., Kaufman T. *Language contact, creolization and genetic linguistics*. Berkeley: University of California Press. 1988 (на англ.).
3. Курилова С.Н. Заимствования в юкагирском языке: якутский словообразовательный аффикс -лаа в речи тундровых юкагиров. *Арктика XXI век*. 2025; 39(1):32–53. DOI: <https://doi.org/10.25587/2310-5453-2025-39-1-32-53>
4. Epps P., Michael L. The areal linguistics of Amazonia. *The Cambridge handbook of areal linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press. 2017:934–963 (на англ.).
5. Matras Y., Sakel J. Introduction. *Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter. 2007:1–3 (на англ.).
6. Sakel J. Types of loan: Matter and pattern. *Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter. 2007:15–29 (на англ.).

7. Gardani F. Borrowing matter and pattern in morphology. An overview. *Morphology*. 2020;(30):263–282. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11525-020-09371-5> (на англ.)
8. Kuteva T. Contact and borrowing. *The Cambridge handbook of historical linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press. 2017:163–186. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781107279070.009> (на англ.).
9. Matras Y. The borrowability of structural categories. *Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective*. Berlin, New York: De Gruyter Mouton. 2007:31–74. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110199192.31> (на англ.).
10. Stolz T. Re: duplication. Iconic vs. counter-iconic principles (and their areal correlates). *Europe and the Mediterranean as Linguistic Areas. Convergencies and typological perspectives*. Amsterdam: John Benjamins. 2007 (на англ.).
11. Elšík V., Matras Y. *Grammatical relations in Romani*. Amsterdam: John Benjamins. 2000 (на англ.).
12. Рудницкая Е.Л. *Общая характеристика морфосинтаксиса устного эвенкийского языка начала XXI века*. Санкт-Петербург: Нестор-История. 2019.
13. Grenoble L.A. Morphosyntactic change: The impact of Russian on Evenki. *Studies in Slavic and General Linguistics*. 2000;(28):105–120 (на англ.).
14. Романова А.В., Мыреева А.Н. *Очерки токинского и томмотского говоров*. М., Л.: Изд-во АН СССР. 1962.
15. Булатова Н.Я. *Говоры эвенков Амурской области*. Л.: Наука. 1987.
16. Василевич Г.М. *Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка*. Л.: Госучпедгиз. 1940.
17. Мыреева А.Н. *Диалектология эвенкийского языка: учеб. пособие*. Якутск: Офсет. 2006.
18. Андреева Т.Е., Захарова Н.Е., Кудрина Л.Е. и др. *Словообразовательный словарь эвенкийского языка. Глагол = Эвды турэн словообразовательный турэрукин. Глагол*. Новосибирск: Наука, Издательство СО РАН. 2018.
19. Болдырев Б.В. *Морфология эвенкийского языка*. Новосибирск: Наука. 2007.
20. Стручков К.Н. Коммуникативная культура эвенков села Иенгра в современных условиях. *Теоретическая и прикладная лингвистика*. 2018;4(2):91–98. DOI: https://doi.org/10.22250/24107190_2018_4_2_91_98
21. Данилов И.А., Захарова Н.Е., Захарова А.Е. Символическая мощь эвенкийского языка в контексте устойчивости этнической идентичности эвенков Якутии. *Новые исследования Тувы*. 2024;(4):348–359. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.22>
22. Собакина И.В. Функционирование закона «О языках в Республике Саха (Якутия)» в поселке Батагай Верхоянского улуса (результаты исследования)

таты работы Летней научной школы «Юные исследователи Верхоянья»). *Арктика XXI век. Гуманитарные науки*. 2024;2(36):5–40. DOI: <https://doi.org/10.25587/2310-5453-2024-2-5-40>

23. Биткеева А.Н., Хохолова И.С., Данилова Р.А. Языковая ситуация в промышленных районах Республики Саха (Якутия) (на материале полевых исследований 2022–2023 гг.). *Социолингвистика*. 2024;4(20):41–70. DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-4-20-41-70>

24. Василевич Г.М. *Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка*. Л.: Госучпедгиз. 1948.

25. Казакевич О.А., Будянская Е.М., Евстигнеева А.П. и др. Шкалы языковой витальности и их применимость к материалу конкретных языковых ситуаций. *Вопросы языкознания*. 2022;(4):7–47. DOI: <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2022.4.7-47>

26. Forker D., Grenoble L.A. Some structural similarities in the outcomes of language contact with Russian. *Language Contact in the Territory of the Former Soviet Union*. Amsterdam: John Benjamins. 2021:259–287 (на англ.).

27. Grenoble L.A. Switch or shift: code-mixing, contact-induced change and attrition in Russian-Evenki contacts. *Instrumentarium of Linguistics. Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian. Slavica Helsingiensia*. 2010;(4):147–161 (на англ.).

28. Malchukov A.L. Russian interference in Tungusic languages in an areal-typological perspective. *Studies in Eurolinguistics, vol. Convergence and Divergence of European Languages*. Berlin: Logos Verlag. 2003:235–251 (на англ.).

29. Matras Y., Adamou E. Borrowing. *The Routledge Handbook of Language Contact*. London, New York: Routledge. 2020:237–251. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781351109154-17> (на англ.).

30. Urla J., Amorrotub E., Ortega A., Goirigolzarri J. Authenticity and linguistic variety among New Speakers of Basque. *Language Documentation & Conservation. Special Publication No. 9: Language Documentation and Conservation in Europe*. 2016:1–12 (на англ.).

References

1. Bitkeeva AN, Khokholova IS. The resources of ethnicity in the urban identity of Northerners. *Arctic XXI Century*. 2025;(2):32–47. DOI: <https://doi.org/10.25587/2310-5453-2025-2-32-47> (in Russian).

2. Thomason SG, Kaufman T. *Language contact, creolization, and genetic linguistics*. Berkeley: University of California Press. 1988.

3. Kurilova SN. Borrowings in the Yukaghir language: Yakut derivational affix -laa in the speech of the Tundra Yukaghirs. *Arctic XXI Century*. 2025;39(1):32–53. DOI: <https://doi.org/10.25587/2310-5453-2025-39-1-32-53> (in Russian).

4. Epps P, Michael L. The areal linguistics of Amazonia. *The Cambridge handbook of areal linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press. 2017.
5. Matras Y, Sakel J. Introduction. *Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter. 2007.
6. Sakel J. Types of loan: Matter and pattern. *Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter. 2007.
7. Gardani F. Borrowing matter and pattern in morphology. An overview. *Morphology*. 2020;(3):263–282. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11525-020-09371-5>
8. Kuteva T. Contact and borrowing. *The Cambridge handbook of historical linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press. 2017. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781107279070.009>
9. Matras Y. The borrowability of structural categories. *Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective*. Berlin, New York: De Gruyter Mouton. 2007. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110199192.31>
10. Stolz T. Re: duplication. Iconic vs. counter-iconic principles (and their areal correlates). In: *Europe and the Mediterranean as Linguistic Areas. Convergencies and typological perspectives*. Amsterdam: John Benjamins. 2007.
11. Elšík V, Matras Y. *Grammatical relations in Romani*. Amsterdam: John Benjamins. 2000.
12. Rudnitskaya EL. *General characteristics of the morphosyntax of the spoken Evenki language at the beginning of the 21st century*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 2019 (in Russian).
13. Grenoble LA. Morphosyntactic change: The impact of Russian on Evenki. *Studies in Slavic and General Linguistics*. 2000;(28):105–120.
14. Romanova AV, Myreeva AN. *Essays on the Tokkinsky and Tommot dialects*. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House. 1962 (in Russian).
15. Bulatova NYa. *Dialects of the Evenki of the Amur Region*. Leningrad: Nauka. 1987 (in Russian).
16. Vasilevich GM. *Outline of Evenki (Tungus) grammar*. Leningrad: Uchpedgiz. 1940 (in Russian).
17. Myreeva AN. *Dialectology of the Evenki language: a textbook*. Yakutsk: Offset. 2006 (in Russian).
18. Andreeva TE, Zakharova NE, Kudrina LE et al. *Word-formational dictionary of the Evenki language. Verb*. Novosibirsk: Nauka, Siberian Branch of RAS. 2018 (in Russian).
19. Boldyrev BV. *Morphology of the Evenki language*. Novosibirsk: Nauka. 2007 (in Russian).
20. Struchkov KN. Communicative culture of the Evenks of Iengra village in modern conditions. *Theoretical and Applied Linguistics*. 2018;4(2):91–98. DOI: https://doi.org/10.22250/24107190_2018_4_2_91_98 (in Russian).

21. Danilov IA, Zakharova NE, Zakharova AE. The symbolic power of the Evenki language in the context of the sustainability of the ethnic identity of the Evenks of Yakutia. *New Research of Tuva*. 2024;(4):348–359. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.22> (in Russian).

22. Sobakina IV. Functioning of the Law “On Languages in the Republic of Sakha (Yakutia)” in Batagai settlement, Verkhoyansky district (results of the Summer Scientific School “Young Researchers of Verkhoyansk”). *Arctic XXI century. Humanitarian sciences*. 2024;2(36):5–40. DOI: <https://doi.org/10.25587/2310-5453-2024-2-5-40> (in Russian).

23. Bitkeeva AN, Khokholova IS, Danilova RA. The language situation in the industrial regions of the Republic of Sakha (Yakutia) (based on field research 2022–2023). *Sociolinguistics*. 2024;4(20):41–70. DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-4-20-41-70> (in Russian).

24. Vasilevich GM. *Essays on the dialects of the Evenki (Tungus) language*. Leningrad: Uchpedgiz. 1948 (in Russian).

25. Kazakevich OA, Budyanskaya EM, Evstigneeva AP et al. Language vitality scales and their applicability to the material of specific language situations. *Voprosy Jazykoznanija*. 2022;(4):7–47. DOI: <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2022.4.7-47> (in Russian).

26. Forker D, Grenoble LA. Some structural similarities in the outcomes of language contact with Russian. *Language Contact in the Territory of the Former Soviet Union*. Amsterdam: John Benjamins. 2021.

27. Grenoble LA. Switch or shift: code-mixing, contact-induced change and attrition in Russian-Evenki contacts. *Instrumentarium of Linguistics. Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian. Slavica Helsingiensia*. 2010;(40):147–161.

28. Malchukov AL. Russian interference in Tungusic languages in an areal-typological perspective. *Studies in Eurolinguistics. Vol. Convergence and Divergence of European Languages*. Berlin: Logos Verlag. 2003.

29. Matras Y, Adamou E. Borrowing. *The Routledge Handbook of Language Contact*. London, New York: Routledge. 2020. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781351109154-17>

30. Urla J, Amorrortu E, Ortega A, Goirigolzarri J. Authenticity and linguistic variety among New Speakers of Basque. *Language Documentation & Conservation*. Special Publication No. 9: *Language Documentation and Conservation in Europe*. 2016:1–12.

Об авторах

ГРЕНОБЛЬ А. Ленора – Ph.D. (славянское языкознание), заслуженный профессор имени Джона Мэтьюза Мэнли, Чикагский университет, Чикаго, США, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8810-7395>, WoS ResearcherID: H-5469-2017, Scopus Author ID: 6506649857, Elibrary AuthorID: 1258891, SPIN 3405-6850, e-mail: grenoble@uchicago.edu

ИГНАТЕНКО Ляридо Андреевна – магистрант, Амурский государственный университет, Благовещенск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7145-4734>, WoS ResearcherID: GRO-5265-2022, Elibrary AuthorID: 1218897, SPIN: 4573-5262, e-mail: lyaridoign@yandex.ru

About the authors

Lenore GRENOBLE – Ph.D. (Slavic Linguistics), John Matthews Manly Distinguished Service Professor, University of Chicago, Chicago, USA, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8810-7395>, WoS ResearcherID: H-5469-2017, Scopus Author ID: 6506649857, SPIN 3405-6850, e-mail: grenoble@uchicago.edu

Lyarido A. IGNATENKO – Master's student, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7145-4734>, WoS ResearcherID: GRO-5265-2022, SPIN: 4573-5262, e-mail: lyaridoign@yandex.ru

Вклад авторов

Гренобль Л. – разработка концепции, методология, верификация данных, проведение исследования, проведение статистического анализа, администрирование данных, редактирование рукописи, руководство исследованием, администрирование проекта

Игнатенко Л.А. – разработка концепции, методология, верификация данных, проведение исследования, администрирование данных, создание черновика рукописи, редактирование рукописи

Authors' contribution

Grenoble L. – conceptualization, methodology, validation, investigation, formal analysis, data curation, writing – review & editing, supervision, project administration

Ignatenko L.A. – conceptualization, methodology, validation, investigation, data curation, writing – original draft, writing – review & editing

Конфликт интересов

Один из авторов Гренобль Л. является членом редакционной коллегии журнала «Арктика XXI век». Авторам неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью

Conflict of interests

One of the authors Grenoble L. is a member of editorial board of the journal “Arctic XXI Century”. The authors are not aware of any other potential conflict of interest relating to this article

Поступила в редакцию / Submitted 29.10.2025

Поступила после рецензирования/Revised 28.11.2025

Принята к публикации / Accepted 12.12.2025

УДК 81'27

<https://doi.org/10.25587/3034-7378-2025-4-26-37>

Original article

Language shift in the Srednekolymsky District: a sociolinguistic analysis of Even and Sakha languages

Marina I. Imeeva-Kysylbaikova¹ , Jenanne Ferguson²

¹M.K. Ammosov North-Eastern Federal University,
Yakutsk, Russian Federation

²MacEwan University, Alberta, Canada
 kysylbaikova@mail.ru

Abstract

Within the context of the global crisis of language shift, investigating the mechanisms of language shift in vulnerable language ecologies, such as the Russian Arctic, is of paramount importance. This article presents a sociolinguistic analysis of the dynamics of language shift among the Even and Sakha-speaking population of the Srednekolymsk District, Republic of Sakha (Yakutia). The primary aim of this research was to identify the specific features of language shift and the extent of this process based on original field materials. The empirical foundation comprises data collected during expeditions to eight settlements in the district in 2025. A mixed-methods approach was employed, which included linguistic biographies, a picture description task to analyze spontaneous Sakha speech, and the narrative “Bridge Story” task to assess the language proficiency of the younger generation. The theoretical framework is grounded in the principles of critical sociolinguistics and Lenore Grenoble’s multi-level model of language shift, which considers the interplay of macro-, meso-, and micro-factors. The results reveal a profound, multi-level shift in these settlements: the Even language has almost completely lost its everyday communicative function, surviving only in marginal symbolic and ritual niches, while the Sakha language is undergoing intense Russian influence, manifesting in syntactic calquing, lexical interference, and simplification of the morphological system, particularly in the speech of children and adolescents. A significant finding is the identified potential for establishing stable everyday bilingualism among a portion of high school students. Practically, the study provides evidence for developing Arctic language policies and revitalization programs that promote functional bilingualism through coordinated institutional, educational, and community measures.

Keywords: language shift, language revitalization, bilingualism, Even language, Sakha language, language ideology, language contact, Arctic sociolinguistics, critical sociolinguistics, language ecology

© Imeeva-Kysylbaikova M. I., Ferguson J., 2025

Funding. This study was funded by the grant of the Russian Science Foundation “Languages and Cultures of the Peoples of the North and Arctic of the Russian Federation: Comprehensive Socio-Humanitarian Research (based on Big Data Analysis)” No. 25-78-30006 (22.05.2025)

For citation: Imeeva-Kysylbaikova M.I., Ferguson J. Language shift in the Srednekolymsky District: a sociolinguistic analysis of Even and Sakha languages. *Arctic XXI Century*. 2025;(4):26–37. DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2025-4-26-37>

Оригинальная научная статья

Языковой сдвиг в Среднеколымском улусе: социолингвистический анализ эвенского и якутского языков

М. И. Имеева-Кысылбаикова¹ , Дж. Фергюсон²

¹Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова,
Якутск, Российская Федерация

²Университет Макьюэна, Альберта, Канада
 kysylbaikova@mail.ru

Аннотация

В контексте глобального кризиса языкового разнообразия исследование механизмов языкового сдвига в уязвимых лингвистических экосистемах, таких как Арктическая зона России, приобретает особую актуальность. Данная статья посвящена социолингвистическому анализу динамики языкового сдвига среди эвенского и якутскоязычного населения Среднеколымского улуса Республики Саха (Якутия). Основной целью работы является выявление специфических черт и глубины данного процесса на основе оригинальных полевых материалов. Эмпирическую базу составили данные, собранные в ходе экспедиций 2025 года в восьми населенных пунктах улуса; использовались качественные и количественные методы, включая сбор языковых биографий (239 респондентов), эксперимент по описанию визуальных стимулов для анализа спонтанной якутской речи и нарративное задание «История про мост» для оценки языковой компетенции молодого поколения. Теоретической основой выступили принципы критической социолингвистики и многоуровневая модель языкового сдвига Леноры Гренобль, рассматривающая взаимодействие макро-, мезо- и микро-факторов. Результаты демонстрируют глубокий и многоуровневый сдвиг: эвенский язык практически полностью утратил повседневную коммуникативную функцию, сохранившись лишь в маргинальных символических и ритуальных нишах, в то время как якутский язык испытывает интенсивное влияние рус-

ского, что проявляется в синтаксических кальках (нарушение порядка SOV), лексической интерференции и упрощении морфологической системы, особенно в речи детей и подростков. Важным выводом является констатация потенциала для формирования стабильного бытового билингвизма у части старшеклассников, что указывает на возможные точки приложения усилий. Практическая значимость исследования заключается в предоставлении детализированной эмпирической основы для разработки адресной языковой политики и программ ревитализации, направленных на поддержку функционального билингвизма через согласованные меры на институциональном, образовательном и семейно-общинном уровнях в арктических регионах.

Ключевые слова: языковой сдвиг, ревитализация языка, билингвизм, эвенский язык, якутский язык, языковая идеология, языковой контакт, арктическая социолингвистика, критическая социолингвистика, языковая экология

Финансирование. Работа выполнена в рамках научного проекта РНФ «Языки и культуры народов Севера и Арктики РФ: комплексные социогуманитарные исследования (на основе анализа больших данных)» по соглашению № 25-78-30006 от 22.05.2025

Для цитирования: Имеева-Кысылбаикова М.И., Фергюсон Дж. Языковой сдвиг в Среднеколымском улусе: социолингвистический анализ эвенского и якутского языков. *Арктика XXI век*. 2025;(4):26–37 (на англ). DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2025-4-26-37>

Introduction

The relevance of the study is driven by the global crisis of language shift and the need to investigate language shift mechanisms in regions with a diverse linguistic ecology, such as the Arctic zone of Russia. Despite existing theoretical works, empirical data on actual language practices in communities undergoing intensive shift remains insufficient. Current scholarship is characterized by a shift in focus from structural description to a critical analysis of language as a social practice embedded in systems of power and inequality.

The aim of this research is to analyze the specifics of language shift among the Even and Sakha-speaking population of the Srednekolymsk District based on field data. There were three objectives that were part of this study: to determine the status and functional domains of the Even language through the analysis of linguistic biographies; to identify features of grammar and lexicon in spontaneous Sakha speech using a picture description method; to assess the level of Sakha proficiency among the younger generation based on narrative analysis.

The practical significance of the findings of this study lie in their capacity to provide crucial data for the development and implementation of targeted

language planning and revitalization policies in the Srednekolymsk District and analogous Arctic communities. By identifying the precise functional domains where Even persists (ritual, traditional economy) and diagnosing the specific nature of interference in Sakha (syntactic calquing, lexical borrowing), the research offers concrete points of intervention. The evidence of potential for stable bilingualism among youth indicates that educational programs and community initiatives can be effective if they are integrated across macro (state policy), meso (school curricula, local media), and micro (family language practices) levels, as per Grenoble's framework. This work can directly inform educators, cultural organizations, and policymakers in the Republic of Sakha (Yakutia) on designing measures to support functional, rather than solely symbolic, use of indigenous and minority languages.

Theoretical Significance. This research contributes to several key areas within sociolinguistic theory. First, it provides robust empirical validation and contextual application of Lenore Grenoble's multi-level model of language shift, demonstrating its utility in analyzing complex Arctic language ecologies. Second, by employing a critical sociolinguistic lens, the study moves beyond simple descriptions of language loss to analyze shift as embedded in social practices and power dynamics, particularly in terms of the pressure from the dominant Russian language. The detailed documentation of grammatical and discursive interference in Sakha enriches theories of language contact and change, showing how language shift manifests not just in lexicon but in core syntactic and morphological structures. Finally, the study contributes to the growing field of Arctic sociolinguistics by providing a detailed case study of a bilingual community in transition, highlighting the interplay between ethnic identity, symbolic language value, and communicative practice.

Materials and Methods

Theoretical framework: critical sociolinguistics and language shift

Modern sociolinguistics has moved beyond a structural approach to language and increasingly employs a critical analysis of the role of language in constructing social differences and inequality [1]. This approach views language not as an autonomous system but as a social practice embedded in processes of resource production, distribution and consumption. In this context, bilingualism, language contact and linguistic ecology are examined not as neutral phenomena but as arenas where power relations are formed and contested [2; 3].

Critical sociolinguistics provides a powerful theoretical and methodological toolkit for studying bilingualism, language contacts and linguistic ecology. Through ethnography, discourse analysis, and reflexivity, it reveals how language becomes an instrument of power and resistance in the modern world [1].

Bilingualism and language contact

Bilingualism has traditionally been studied from the perspective of proficiency in two languages, but critical sociolinguistics shifts the focus to how bilingual practices are interwoven with social, economic, and political processes [1]. For example, in Catalonia [4] or Francophone Canada [5], bilingualism becomes a site of struggle for symbolic and material resources. The phenomenon of language contact here is not merely a matter of code-mixing but rather reflects a conflict of ideologies related to national identity, social class, and access to power.

Linguistic ecology and language dynamics

An approach grounded in linguistic ecology emphasizes the interconnectedness of language with the social, economic, and political environment [1]. In the context of late capitalism and globalization, linguistic resources are often commodified, for instance, in the tourism industry, as shown by Sari Pietikäinen's research in the Sámi region [6], we can see how authenticity becomes a marketable commodity. The dynamics of language are manifested in how languages lose or gain value depending on shifts in the economy, migration, and cultural trends.

Methodological approach

Critical sociolinguistics relies on ethnographic and discourse-analytic methods, allowing for the study of language in action within specific social contexts [1]. Ethnography, as the primary approach, enables the investigation of social practices in their natural unfolding, which is crucial for understanding how language participates in creating and reproducing inequality. In this study, ethnography provides a basis to a research ethic as it requires deep immersion in the field and reflection on the researcher's position (researcher is Sakha speaker from another part of the Sakha Republic) [7].

Key data collection methods included:

1. Observation: The researcher became part of the social practice to observe how people use language in everyday life.
2. Interviews and Elicitation (Linguistic Biographies): Interviews were used not to obtain "objective" data but to analyze how people construct their narratives about language and identity.
3. Analysis of Material Traces: This involved collecting textual artifacts from official documents to photographs and social media posts that reflect how language is used and valued in society [1].

Methods of Lenore Grenoble

The study also employs methods developed by Lenore Grenoble, a sociolinguist specializing in contact linguistics, sociolinguistics, language ecology, and language preservation. Grenoble views language shift not

merely as a transition from one language to another but as a multi-level process influenced by macro- (state policy, education, economy), meso- (local institutions, community attitudes), and micro-factors (family practices, individual choices) [8].

In her work “Saving Languages: An Introduction to Language Revitalization” (co-authored with L. Whaley), she emphasizes that reversing language shift requires simultaneous action across all these levels. It is insufficient to simply open a school that teaches the language if parents do not transmit it to their children at home, and if the language lacks socio-economic value in society [9].

In challenging simplified notions of language revitalization, Grenoble consistently challenges simplified notions of language revitalization. She points out that the goal of revitalization need not necessarily be to recreate a monolingual speech community. For many communities, especially those that have undergone decades of language shift, a more realistic and achievable aim is the development of stable bilingualism, where the minority language occupies an important niche in a range of communicative domains (e.g., rituals, communication with elders, traditional livelihoods, art) [10; 11].

The role of language ideology

One of the central concepts in her work is language ideology. These are deeply rooted, often subconscious beliefs about a language, its value, correctness, and social role. For example, ideologies such as “the local dialect is a corrupted version of the standard language” or that “children will get confused if they learn two languages from birth” are powerful drivers of language shift. Grenoble demonstrates how identifying and deconstructing such ideologies is a crucial step for any revitalization efforts [10].

Specific field methods

The empirical base comprises data from field expeditions in 2025 to settlements in the Srednekolymsk District (Ebyakh, Aleko-Kyuyol', Svatay, Nalimsk, Sylgy-Ytyar, Khatyngnaakh, Beryozovka, and the town of Srednekolymsk). A mixed-methods approach involved 239 respondents of different ages.

1. Linguistic Biographies: Semi-structured interviews to assess language competence, domains of use, and attitudes.

2. Picture Description Task: An adapted methodology [12] to elicit spontaneous Sakha speech and identify grammatical and lexical interference.

3. Narrative Elicitation (“The Bridge Story”): A method developed by Lenore Grenoble [13] to analyze discourse structure and language proficiency among younger speakers.

All 239 respondents provided informed consent for the use of their personal material for research purposes.

Results and Discussion

Analysis of linguistic biographies: symbolic status vs. functional marginalization of Even

The results of interviews revealed a paradoxical situation typical for many communities undergoing language shift.

— Ethnic Self-Identification vs. Language Competence: The vast majority of respondents identified as Even, confirming their connection to culture and history. However, the direct correlation between ethnic self-awareness and command of the ancestral language was broken. The Even language is in a state of extreme functional reduction. Active oral proficiency was virtually absent among respondents; the competence of most was limited to passive knowledge of individual lexemes (e.g., numerals: *umun* ‘one’, *dyur* ‘two’, *ilan* ‘three’) and set phrases.

— Narrowing of Functional Domains: The analysis of domains of Even language use fully corresponds to the model described by Grenoble, where a language is preserved in strictly limited, often symbolically charged domains. These include:

1. Ritual and ceremonial sphere (weddings, funerals, national holidays). Here the language functions as a marker of cultural identity.

2. Sphere of traditional economic practices (reindeer herding, fishing). The preservation of terminology in these domains is due to its utilitarian necessity and connection to specific activities.

3. Everyday communication within the older generation. This indicates that a complete language shift has occurred within the lifespan of 2-3 generations. This picture confirms the thesis that a language can retain high symbolic value while almost completely losing its communicative function in daily life.

Picture description experiment: Language shift at the level of Sakha syntax and lexicon

The experiment, in which respondents constructed sentences in Sakha based on pictures, revealed signs of profound influence from Russian the dominant societal language on Sakha speech.

— Violation of Syntactic Norms: A persistent non-normative word order was observed, calquing the structure of the Russian sentence (SVO instead of the SOV characteristic of Sakha):

• “*Uol oĝo byraĝar eder uolga meečigi*” (уол оĝо быраĝар эдэр уолга мээчиги) instead of the grammatically correct “*Uol oĝo eder uolga meečigi*

byraḡar” (уол оҕо эдэр уолга мээчиги быраḡар) – ‘The boy throws the ball to the young man’ – a calque from Russian.

- “*Er kihi balygy tutar kuögu*” (эр киһи балыгы тутар күөгү ‘The man catches fish fishing rod’) instead of “*Er kihi kuögünän balygy tutar*” (эр киһи күөгүнэн балыгы тутар ‘The man catches fish with a fishing rod’).

– Lexical Interference: The active use of Russian words instead of Sakha equivalents directly indicates code-switching and a narrowing of the active Sakha vocabulary:

- “*Koroche onno muosta baar...*” (короче онно муоста баар ‘In short, there is a bridge there...’).

These data indicate that even in Sakha speech, which is more stable than Even, processes of grammatical structure erosion and lexical replacement are occurring, which is a classic manifestation of language shift.

Analysis of narratives (“The Bridge Story”): stable everyday bilingualism with features of interference

The analysis of children’s retellings allowed for an assessment of the level of spontaneous speech and features of bilingual consciousness formation.

– Lexical and Morphological Interference: Children’s speech exhibited lexical interference (“*muosta*” *муоста* from Russian мост ‘bridge’), as well as reduced grammatical forms:

- “*Kiren biher*” (кирэн биһэр ‘bites’) instead of “*kiren kebiher*” (күрэн кэбиһэр ‘bites’) (morphological interference),

- “*Turaalar*” (тураалар ‘standing up’) instead of “*turan khaalar*” (туран хаалар ‘standing up’ - phasal aspect),

- “*Ald’ataaspittere*” (алдьатааспиттерэ ‘they have broken’) instead of “*ald’atan kebispitte*” (алдьатан кэбиспиттерэ ‘they have broken’). This suggests that the complex system of the Sakha verb is being simplified under the influence of the more analytic Russian language.

– Discursive Features: The active use of connectives “*onuokha*” (онуоха ‘furthermore’) and “*onton*” (онтон ‘then’) indicates an attempt to build a linear, sequential narrative, which may be a consequence of the influence of the Russian discursive model.

– Positive Findings: It is important to note that high school students demonstrated a fairly rich descriptive Sakha language. This allows for a cautiously optimistic conclusion that with targeted support (e.g., in the education system), it may be possible to see the formation of stable everyday bilingualism – emphasized by L. Grenoble.

General conclusions of the practical part

1. The study that has been conducted clearly demonstrates a multi-level language shift in the Srednekolymsk District. The Even language is almost

completely displaced into symbolic and ritual niches, corresponding to the final stage of shift, except the oldest adult generation.

2. The Sakha language, under strong pressure from Russian, shows signs of change at syntactic, morphological and lexical levels, especially in the spontaneous speech of the younger generation.

3. Nevertheless, the preservation of a relatively high level of Sakha proficiency among some high school students indicates potential for language planning aimed at supporting functional bilingualism. For this, in accordance with Lenore Grenoble's conclusions [8; 9], efforts are needed at all levels: from family communication to the integration of the language into modern communicative spheres (education, digital environment).

Conclusion

As mentioned, this research has established that the language situation in the Srednekolymsk District is a model of multi-level language shift. The Even language has almost completely lost its communicative function, surviving in marginal and symbolic niches. Sakha speech exhibits systemic changes caused by Russian interference at syntactic and morphological levels. The significance of the results obtained here lies in the empirical confirmation of L. Grenoble's theoretical models and the demonstration of the depth of grammatical erosion [14]. The identified potential for forming stable bilingualism among part of the youth indicates the necessity of developing comprehensive language planning measures aimed at integrating minority languages into modern socio-communicative spheres.

As mentioned previously in this article, Grenoble's work stresses that language shift is a complex process operating simultaneously across macro-, meso-, and micro-levels of social ecology.

At the macro-level, the dominant position of the Russian language, reinforced by state institutions, media, and education, creates an overarching pressure that shapes the linguistic ecology. The meso-level of local community practices and attitudes reveals a critical disconnect: while ethnic Even identity remains strong, the ancestral Even language has been functionally relegated to a limited set of symbolic and ritual domains, such as ceremonies and traditional economic activities like reindeer herding. This consigns it to the final stages of a language shift, having lost its role as a vehicle for everyday communication within a span of 2-3 generations.

The situation with the Sakha language, while more robust, is also indicative of an ongoing shift under pressure. The analysis of spontaneous speech through picture description and narrative tasks revealed systematic interference from Russian, manifesting in non-normative SVO word order (calqued from Russian), lexical borrowings, and simplification of the complex

Sakha verbal system. These findings are significant as they move beyond the common focus on lexical borrowing to document the erosion of core grammatical and syntactic structures, a deeper marker of language change.

However, the research also identifies a crucial point of potential intervention. The relatively high proficiency in descriptive Sakha among some high school students suggests that the younger generation retains a functional competency that could serve as a foundation for stable bilingualism. This cautiously optimistic finding underscores Grenoble's argument that the goal of revitalization in such contexts may not be a return to monolingualism but the fostering of balanced, functional bilingualism where the minority language holds value in modern communicative spheres.

Therefore, the theoretical significance of this work lies in its empirical contribution to models of language shift and contact, particularly in vulnerable Arctic linguistic ecologies. It validates a critical sociolinguistic approach by linking grammatical patterns directly to social power dynamics. Practically, it provides a diagnostic map for language planners, emphasizing that effective interventions must be holistic. To support Sakha and reclaim Even within spheres of everyday language use, coordinated efforts are essential: from state-level policies that legitimize minority languages, through educational curricula that integrate them meaningfully, down to initiatives that empower families and communities to use these languages in digital, creative, and daily contexts. The future of linguistic diversity in Srednekolymsk depends on recognizing and nurturing this potential for bilingualism across all levels of social life.

References

1. Heller M, Pietikäinen S, Pujolar J. *Critical Sociolinguistic Research Methods: Studying Language Issues That Matter*. London: Routledge. 2024.
2. Heller M, Duchêne A. *Discourses of Endangerment. Interest and Ideology in the Defense of Languages (Advances in Sociolinguistics)*. London: Continuum. 2007.
3. Labov W. *Principles of Linguistic Change. Social Factors. Vol. 2*. Oxford: Blackwell. 2001.
4. Wray A, Grace GW. The consequences of talking to strangers: evolutionary corollaries of socio-cultural influences on linguistic form. *Lingua*. 2007;117(3):543–578. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2005.05.005>
5. Fleming A. Linguistic Justice: Rights, Resources and Recognition. *Annual Review of Anthropology*. 2022;(51):455–472. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-anthro-041420-104450>

6. Grenoble LA, Whaley LJ. *Saving Languages: An Introduction to Language Revitalization*. Cambridge: Cambridge University Press. 2006.
7. Grenoble LA. Language management in the Russian Federation: The Arctic and Far North. *The Routledge Handbook of Language Policy and Planning*. London: Routledge. 2021:525–538.
8. Kantarovich J, Grenoble LA, Vinokurova AA, Nesterova EV. Complexity and simplification in language shift. *Frontiers in Communication*. 2021;(6). DOI: <https://doi.org/10.3389/fcomm.2021.638118>
9. Grenoble LA, Osipov B. The dynamics of bilingualism in language shift ecologies. *Linguistic Approaches to Bilingualism*. 2023;13(1):1–39. DOI: <https://doi.org/10.1075/lab.22035.gre>
10. Pietikäinen S. Powered by assemblage: language for multiplicity. *International Journal of the Sociology of Language*. 2021;267–268:235–240. DOI: <https://doi.org/10.1515/ijsl-2020-0074>
11. Pujolar J. Bilingualism and the nation-state in the post-national era. *Bilingualism: A Social Approach*. London: Palgrave Macmillan. 2007:71–95.
12. Ammosov DA, Efendiev Ya, Grenoble L. Modeling Language Shift Based on Identity. *Arctic XXI century*. 2025;(1):6–18. DOI: <https://doi.org/10.25587/2310-5453-2025-39-1-6-18> сдвига через призму носителей)
13. Grenoble L. Sociolinguistics and language shift: toward understanding the processes of shift through the prism of speakers (Гренобль Л. Социолингвистика и языковой сдвиг: к пониманию процессов сдвига через призму носителей). *Sociolinguistics*. 2021;2(6):9–35. DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-2-6-10-36>

About the authors

Marina I. IMEEVA-KYSYLBAIKOVA – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Institute of Modern Languages and International Studies, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2082-3883>, WoS ResearcherID: K-3771-2017, Scopus Author ID: 56436579300, Elibrary AuthorID: 787961, SPIN: 5410-9192, e-mail: kysylbaikova@mail.ru

Jenanne FERGUSON – Ph.D. (Anthropology), Associate Professor, Department of Anthropology, Economics and Political Science, MacEwan University, Edmonton, Canada, ORCID: 0000-0003-0249-2638, e-mail: fergusonj73@macewan.ca

Об авторах

ИМЕЕВА-КЫСЫЛБАЙКОВА Марина Ильинична – кандидат филологических наук, доцент, Институт зарубежной филологии и регионоведения, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2082-3883>, WoS ResearcherID: K-3771-2017, Scopus Author ID: 56436579300, Elibrary AuthorID: 787961, SPIN: 5410-9192, e-mail: kysylbaikova@mail.ru

ФЕРГЮСОН Джанан – Ph.D. (антропология), доцент, кафедра антропологии, экономики и политических наук, Университет Макьюэна, Эдмонтон, Канада, ORCID: 0000-0003-0249-2638, e-mail: fergusonj73@macewan.ca

Authors' contribution

Marina I. Imeeva-Kysylbaikova – conceptualization, methodology, investigation, resources, writing – review & editing, visualization

Jenanne Ferguson – validation, data curation, writing – original draft, writing – review & editing

Вклад авторов

Имеева-Кысылбаикова М.И. – разработка концепции, методология, проведение исследования, ресурсное обеспечение исследования, редактирование рукописи, визуализация

Фергюсон Дж. – верификация данных, администрирование данных, создание черновика рукописи, редактирование рукописи

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Submitted / Поступила в редакцию 15.09.2025

Revised / Поступила после рецензирования 24.10.2025

Accepted / Принята к публикации 17.11.2025

УДК 811.512.211

<https://doi.org/10.25587/3034-7378-2025-4-38-55>*Оригинальная научная статья*

Глоттализация гласных в говоре ламунхинских эвенов

Б. Я. Осипов

Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН,
Якутск, Российская Федерация
✉ b_osipov@rambler.ru

Аннотация

В статье представлен акустический анализ глоттализованной реализации гласных звуков в говоре ламунхинских эвенов. Проблема экспериментального исследования вокализма и консонантизма эвенских говоров до настоящего времени остается нерешенной, поскольку их описание в течение долгого времени осуществлялось путем слухового восприятия и субъективной оценки. Есть угроза, что в ближайшем будущем звуковые особенности ламунхинского говора эвенского языка могут исчезнуть без должного исследовательского внимания. Цель работы – изучить разовую глоттальную вставку (смычку, клик), глоттализацию, а также глоттальную щель (приступ, отступ) с помощью точных объективных методов. Произведены аудитивный анализ звучания гласных и визуальная интерпретация их иллюстраций – спектрограмм и осциллограмм. Новизна работы обусловлена тем, что впервые на материале эвенского языка предпринято специальное изучение разных видов дополнительной гортанной артикуляции, образуемых при сужении и закрытии голосовой щели. Проведенный анализ позволил сформулировать следующие заключения: для глоттальных смычных и щелевых согласных облигаторной является препозиция к инициальным гласным и постпозиция к финальным гласным; глоттальная вставка может выступать пограничным швом между двумя вокальными ядрами у гласных сложного образования; в спонтанной речи глоттальная смычка спорадически появляется на месте переднеязычных согласных, таких как [t] и [d]. В артикуляционном плане все эти явления моделируются истинными голосовыми складками. Результаты исследования могут быть использованы в расширении теоретических закономерностей и принципов по фонетике эвенского языка, в создании учебных и методических пособий для преподавателей и студентов-филологов высших учебных заведений.

© Осипов Б. Я., 2025

Ключевые слова: эвенский язык, ламунхинский говор, экспериментальная фонетика, звуковой строй, вокализм, дополнительная артикуляция, глоттализация, глоттальная вставка, глоттальный приступ, акустические параметры

Для цитирования: Осипов Б.Я. Глоттализация гласных в говоре ламунхинских эвенов. *Арктика XXI век*. 2025;(4):38–55. DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2025-4-38-55>

Original article

Glottalization of vowels in the dialect of Lamunkhin Evens

Boris Ya. Osipov

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yakutsk, Russian Federation

✉ b_osipov@rambler.ru

Abstract

The article presents an acoustic analysis of glottalized vowels and glottal consonants of the Lamunkhin dialect of the western dialect of the Even language. The problem of the experimental study of vocalism and consonantism of Even dialects remains unresolved to date, since their description has long been carried out through auditory perception and subjective assessment. There is a threat that in the near future the sound features of the Lamunkhin dialect of the Even language may disappear without proper research attention. The purpose of the work is to study a one-time glottal insertion (explosion, bow, click), glottalization, as well as the glottal gap (attack, indentation) using accurate objective methods. The novelty of this work is due to the fact that for the first time on the material of the Even language, a special study of various types of additional laryngeal articulation, formed when the glottis is narrowed and closed, was undertaken. An auditive analysis of the sound of vowels and a visual interpretation of their illustrations – spectrograms and oscillograms were made. The analysis made it possible to formulate the following conclusions: for glottal bowed and gap consonants, the obligatory is the preposition to initial vowels and the postposition to final vowels; the glottal insertion can act as a borderline suture between two vocal nuclei in the vowels of a complex formation; in spontaneous speech, the glottal bow appears sporadically in place of anterolingual consonants such as [t] and [d]. In articulatory terms, all these phenomena are modeled by true vocal folds. The results of the study can be used in expanding the theoretical laws and principles of the phonetics of the Even language, in creating educational and methodological manuals for teachers and philologists of higher educational institutions.

Keywords: Even language, Lamunkhin dialect, experimental phonetics, sound structure, vocalism, additional articulation, glottalization, glottal insertion, glottal attack, acoustic parameters

For citation: Osipov B.Ya. Glottalization of vowels in the dialect of Lamunkhin Evens. *Arctic XXI Century*. 2025;(4):38–55 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2025-4-38-55>

Введение

По оценкам специалистов, витальность родного языка у ламунхинских эвенов села Себян-Кюель (Кобяйский район, Республика Саха (Якутия)) является более или менее стабильной благодаря его функционированию в быту, производстве, образовательной и культурной сферах. Важным показателем положительной языковой ситуации в этом населенном пункте является то, что среди местного населения сохраняется межпоколенческая передача родного языка у значительного количества эвенских семей [1, с. 123; 2, с. 51; 3, с. 306; 4, с. 120]. Тем не менее, говор ламунхинских эвенов, как и любой другой идиом локальной группы малочисленного народа, подвержен влиянию со стороны доминантных языков. Определенное воздействие на специфику их говора также оказывает литературный эвенский язык, преподаваемый в школе села Себян-Кюель. Например, характерная черта ламунхинского вокализма, а именно, замена гласной фонемы /a/ на /ɔ/ (лит. амкан ~ лам. омкон ‘холм’, лит. магдили ~ лам. мовдили ‘червь’, лит. олра ~ лам. олдо), реализация гласной /ɜ/ в качестве варианта [œ] (лит. энму ~ лам. ёйму ‘моя мать’, лит. нэлкэ ~ лам. нөлкэ ‘весной’, лит. нюнэн ~ лам. нюнөн) в слабых позициях словоформ, становится большой редкостью. В связи с этим следует отметить, что «в зону риска» могут попасть и другие особенности звучащей речи эвенов-ламунхинцев.

Новизна данной работы обусловлена тем, что впервые на материале эвенского языка предпринято специальное изучение разных видов дополнительной гортанной артикуляции, образуемых при сужении и закрытии голосовой щели. Цель работы – изучить разовую глоттальную смычку, глоттальную щель, глоттализацию с помощью точных инструментальных методов. Для достижения поставленной цели проведена визуальная и аудитивная интерпретация обработанного материала с учетом их спектральных параметров.

С точки зрения Н.С. Трубецкого, «сильный приступ» является афонематическим пограничным сигналом, и, «это не фонема, а лишь само собой разумеющийся способ произнесения гласного в начале морфемы»

[5, с. 288–289; 6, с. 53]. По сложившейся традиции условно относят «работу голосовых связок, языка и губ при образовании гласных к основной, а работу небной занавески и фаринкса – к дополнительной артикуляции» [7, с. 194]. Согласно Н.С. Уртегешеву, «...гласные и глоттальные согласные имеют общее место образования: во время артикулирования первых вторые могут встраиваться в фонацию. Обычно это происходит в самом начале или в конце звучания гласного – полное или частичное закрытие голосовой щели во время произнесения другого звука, зашумление. Бывает разовая вставка, такие фонемы мы называем звуки с глоттальной вставкой ..., а бывают с повторяющимися вставками – такой эффект мы называем глоттализацией ... Таким образом, мы различаем глоттальную вставку и глоттализацию. На слух звуки с глоттальной вставкой и глоттализованные воспринимаются как фонемы с каким-то компонентом в начале или в конце фонемы, с приглушением, с сжатием, с эффектом сдавленности. Тот же акустический эффект, что и с глоттальным согласным в препозиции к гласному... Есть вставка глоттального согласного в гласный иного рода, между двух вокальных ядер, такие гласные называем двоядерными прерывистыми...» [8, с. 20–21]. На наш взгляд, упомянутые термины содержат более точную понятийную нагрузку и конкретно отражают работу той или иной части гортани. В ламунхинском говоре эвенского языка глоттальные согласные встречаются в контексте гласных, относящихся к разным подтипам вокалической системы.

Материалом исследования послужили словоформы из монологических рассказов носителей ламунхинского говора западного наречия эвенского языка. Сбор звукового материала производился весной 2021 года в селе Себян-Кюель Кобяйского района Республики Саха (Якутия). Испытуемыми стали пять женщин в возрасте от 50 до 70 лет. В соответствии с традицией, принятой в экспериментальной фонетике, мы будем называть их дикторами (Д1, Д2, Д3, Д4, Д5). Все дикторы свободно владеют своим родным говором и используют его в повседневном общении.

В спектрографировании и осциллографировании аудиозаписей использованы компьютерные программы Praat 6.3.09 и Speech Analyzer 3.1.2.0. Выполнены замеры акустических параметров – резонансных частот F1 и F2, абсолютной длительности. Осуществлен анализ огибающей интенсивности. Далее, акустический эксперимент подразумевал слуховую идентификацию гласных звуков с учетом их данных по формантам и абсолютной длительности. Артикуляционные признаки гласных (ряд и подъем) были установлены по классификации основных настроек гласных В.М. Наделяева. Градация численных значений, выражающих

долготу вокальных звуков, оценивалась по относительной длительности [9, с. 156]. Записи транскрибировались символами и диакритическими знаками Международного фонетического алфавита – МФА и Универсальной унифицированной фонетической транскрипции – УУФТ.

Результаты и обсуждение

Ниже представлены примеры глоттализованной реализации гласных звуков в говоре ламунхинских эвенов (рис. 1–9)

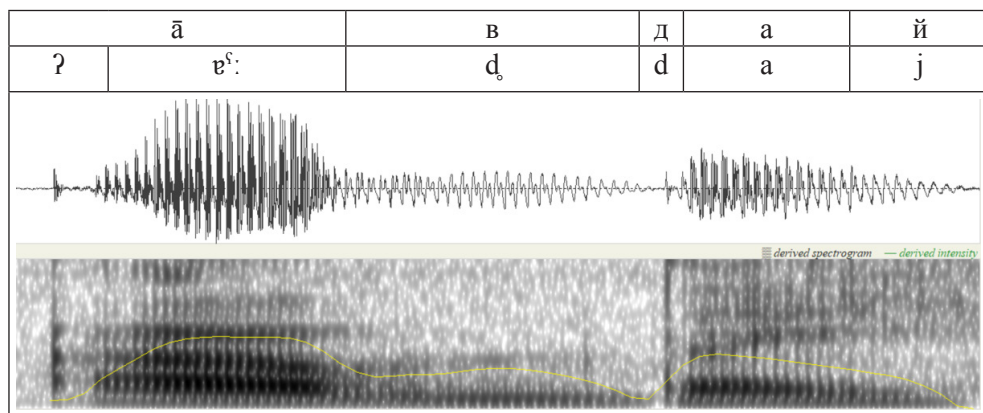

Рис. 1. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности в слове *āвдай* [ʔeː:vd̥daʃj] ‘мыть’, Д5

Fig. 1. Oscillogram, spectrogram and intensity envelope in the word *āвдай* [ʔeː:vd̥daʃj] ‘wash’ (D5)

Акустические параметры прерывистого гласного [ʔeː:] и гласного [aʃ] иллюстрированы в следующих численных показателях: F1=782 Гц, F2=1568 Гц и 645=Гц, F2=1740 Гц соответственно. Количественные значения их абсолютной (мс) и относительной (%) длительности таковы: [ʔeː:] – 184 мс, 160,2 %; [aʃ] – 66,7 мс, 58 %. Исходя от количественных данных, следует отметить, что в слове *āвдай* (Д5) ‘мыть’ гласный первого слога является долгим, а гласный второго слога – кратким. В контексте сопоставления эвенских прерывистых гласных с аналогичными гласными сургутского диалекта хантыйского языка устанавливается определенное сходство, в котором глоттальная вставка встречается в сочетании с прерывистыми гласными. Часто ларингальный сонант внедряется в структуру двудерных гласных, образуя пограничный шов [9, с. 161–162].

Глоттальный приступ – это работа голосовых складок, в результате которых перед гласным образуется некоторое препятствие, которое

предает вольной настройке напряженность в начале фонации. Другими словами, это импульс, часто возникающий перед инициальными гласными в отсутствии звучания [8, с. 25]. На материале ламунхинского говора такие сонанты часто встречаются не только в абсолютном начале, но и в конце слов с открытым слогом.

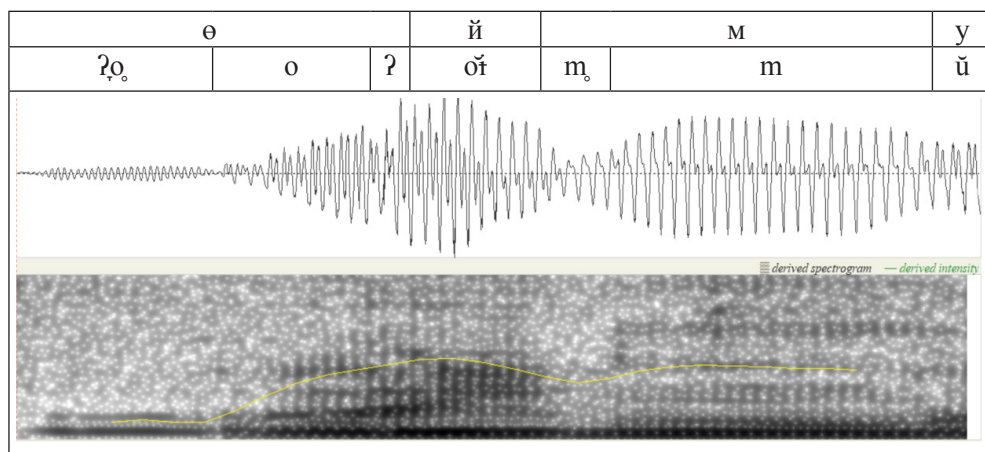

Рис. 2. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности в слове *өйму* [ʔoʔoɪm̥m̥u] ‘моя мать’ (Д2)

Fig. 2. Oscillogram, spectrogram and intensity envelope in the word *өйму* [ʔoʔoɪm̥m̥u] ‘my mother’ (D2)

В инициальной позиции первого слога слова *өйму* ‘моя мать’ показана реализация гортанно-округленного слабо лабиализованного гласного типа «о» (рис. 2). Его внутренняя структура представлена двумя вокальными ядрами [ʔo] и [oɪ], между которыми находится глоттальный глухой щелевой согласный [ʔ]. Фазы двугласного соответствуют трем сегментам: первая фаза – [ʔo]; вторая фаза – [ʔ]; третья фаза – [oɪ].

Интенсивность в начале первой фазы [ʔo] находится на минимуме. Фонация гласного в зачаточном состоянии имеет слабый шум, который воспринимается на слух как «шепот». В плане артикуляции глоттальный приступ моделируется при определенной конфигурации речевых органов. По данным ларингоскопии, проведенной зарубежными исследователями С. Мойсик, М. Хейн, Дж. Эслингв, при шепоте происходит одновременное сужение гортани и глоттиса [10, с. 220–224]. На спектрограмме (см. рис. 2) это показано двумя горизонтальными полосками, расположенными в пределах от 0.1 до 1.7 кГц. Резонансные

частоты и продолжительность гласного в начале первой фазы прослеживаются довольно четко, о чем свидетельствуют количественные данные: F1= 474 Гц, F2= 1339 Гц, абсолютная длительность – 68 мс. Интенсивность в конце первой фазы плавно возрастает. Фонацию исследуемого гласного при текущем состоянии сопутствует прерывистость, которая отождествляется фарингализацией, образуется в результате сужения черпалонадгортанных складок и надгортанника [8, с. 25]. Акустические параметры в конце первой фазы представлены следующими значениями: F1=500 Гц, F2=1568 Гц, абсолютная длительность – 52,2 мс.

Вторая фаза представлена глоттальным глухим щелевым согласным [ʔ] или медиалем между двумя вокальными ядрами. Интенсивность гласного в третьей фазе [õi] иллюстрирует размеренное колебание, в котором усиление фиксируется в начале, а ослабление наблюдается в самом конце. Максимум в диапазоне интенсивности приходится на пограничном состоянии, где отмечается качественное изменение гласного [ʔõ] > [ʔi] под консонантным воздействием. Акустические параметры третьей фазы выражены в следующих значениях – [õ]: F1=500 Гц, F2=1416 Гц, D=15 мс; [i]: F1=488 Гц, F2=1950 Гц, D=37,4 мс. Продолжительность двудерного гортанно-округленного гласного [ʔõõʔõi] представлены в следующих численных показателях: абсолютная длительность – 167 мс, относительная длительность – 195,6 %.

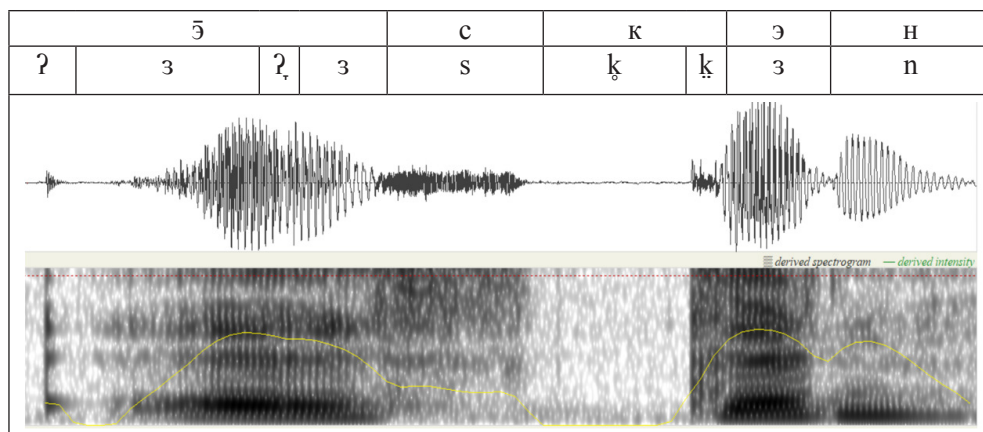

Рис. 3. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности в слове *ᑭскэн* [ʔʔʔsk̚k̚n] ‘хвала’ Д3

Fig. 3. Oscillogram, spectrogram and intensity envelope in the word *ᑭскэн* [ʔʔʔsk̚k̚n] ‘praise’ (D3)

В абсолютном начале двусложного слова отмечается глоттальный приступ, за которым следует гортанно-неокругленный гласный типа «э» (рис. 3). По внутренней структуре этот гласный состоит из двух вокальных ядер [ʔз] и [з]. Пограничным швом между ядрами выступает глоттальный щелевой сонант [ʔ]. Длительность гортанного приступа [ʔ] – 40,5 мс. Диапазон интенсивности, вдоль которого проходит линия первой форманты, составляет 500–800 Гц. В данном сегменте интенсивность демонстрирует уверенный спад, доходящий до минимума. Такой случай возникает при оторванности звуков друг от друга. Как показывает спектральный анализ, в последующем сегменте наблюдается синхронный прогресс звучности и интенсивности. Вместе с тем происходит усиление дополнительной артикуляции – прерывистости или фарингализации. Резонансные частоты гласного в первой фазе имеют следующие численные значения: F1=550 Гц, F2=1874 Гц, абсолютная длительность – 116,7 мс.

В начале второй фазы интенсивность усиливается и достигает максимального пика, находящегося в пределах от 2.7 до 3 Гц. В конце второй фазы интенсивность показывает умеренное ослабление. Гласный [з] в текущем состоянии отличается наибольшей звучностью. Фонация гласного сопровождается прерывистостью, идущей от предыдущего сегмента. Фаза завершается глоттальным глухим щелевым согласным [ʔ], возникновение которого связано с сужением в голосовой щели и прохождением через нее воздушной струи. Абсолютная длительность данного сегмента равна 77 мс, значения первой и второй формант составляют 525 Гц и 1925 Гц соответственно. Анализ огибающей интенсивности в третьей фазе гласного показывает убывающую траекторию. В конце второй фазы утрачиваются акустические настройки. Абсолютная длительность в начале сегмента составляет 61 мс, F1 =550 Гц, F2=2026 Гц. Продолжительность гласного типа «э» в начале слова *эскэн* демонстрирует следующие значения: абсолютная длительность – 254,5 мс, относительная длительность – 180 %.

Приглушенность гласного. Приглушение или шепот «включает в себя активацию сужения гортани, вызывая одновременное сужение глоттиса, что при частичном сокращении голосовых складок приводит к характерной Y-образной форме, видимой при ларингоскопии. В частности, изменение формы глоттиса от V-образной при дыхании до Y-образной при шепоте зависит исключительно от аддукции (эпи)гортанного констриктора, т.е. сжимателя. С одновременным сжатием черпалонадгортанных складок и надгортанника» [8, с. 25–26].

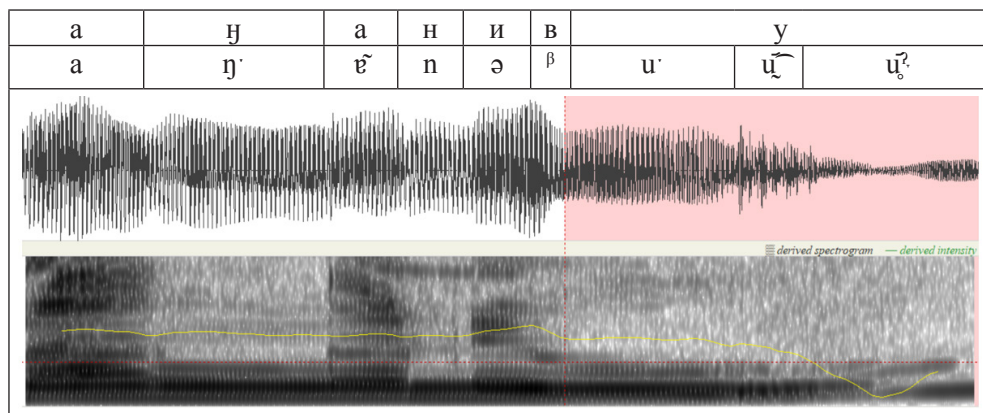

Рис. 4. Осциллограмма, сонограмма и интенсивность слова *āṇṇаниву* [ãṇ'ɸ̃nə̃β(u'·ũũ')] 'мой возраст' Д4
Fig. 4. Oscillogram, spectrogram and intensity envelope in the word *āṇṇаниву* [ãṇ'ɸ̃nə̃β(u'·ũũ')] 'my age' (D4)

В позиции конца слова, показанного на рис. 4, реализуется гортанно-округленный слабо лабиализованный сложный гласный. По внутренней структуре он является одноядерным. Его интенсивность в первой фазе [u[̃]] иллюстрирует ровную траекторию. Монофтонг артикулирован при слабом напряжении губ и, как следствие, приблизился к более нейтральному звуку. Фонация сложного гласного в данном состоянии обладает следующими резонансными частотами: F1=500 Гц, F2=1212 Гц. Абсолютная долгота первой фазы [u[̃]] составляет 192,7 мс.

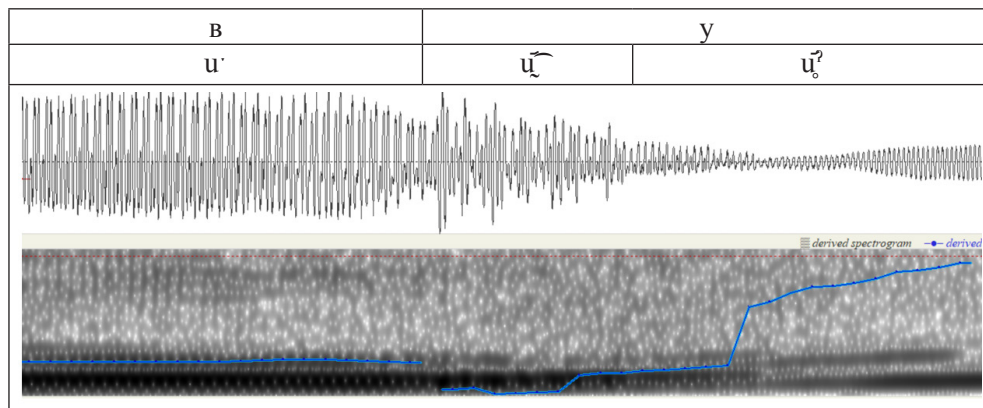

Рис. 5. Осциллограмма, спектрограмма и частота основного тона одноядерного гласного [ũũ'] в финале слова *āṇṇаниву* 'мой возраст' (Д4)
Fig. 5. Oscillogram, spectrogram and envelope of the fundamental frequency of mononuclear vowel [ũũ'] in the final position of the word *āṇṇаниву* 'my age' (D4)

В завершающих двух фазах одноядерного гортанно-округленного гласного [u̥ᵘᵘᵘ] отмечаются признаки качественного расщепления (см. 5), отождествляемые как с обрывами на линии второй форманты в акустическом плане [u̥], так и с возникновением глухого отступа в артикуляционном [u̥ᵘᵘᵘ]. Причиной таких условий является напряжение голосовых связок при прохождении остаточного воздуха. В текущем примере приглушенность [u̥ᵘᵘᵘ] отмечается в пределах от 140 до 1700 Гц и имеет абсолютную длительность 183,4 мс. Также в конечных фазах с характерной дополнительной артикуляцией наблюдается повышение основного тона.

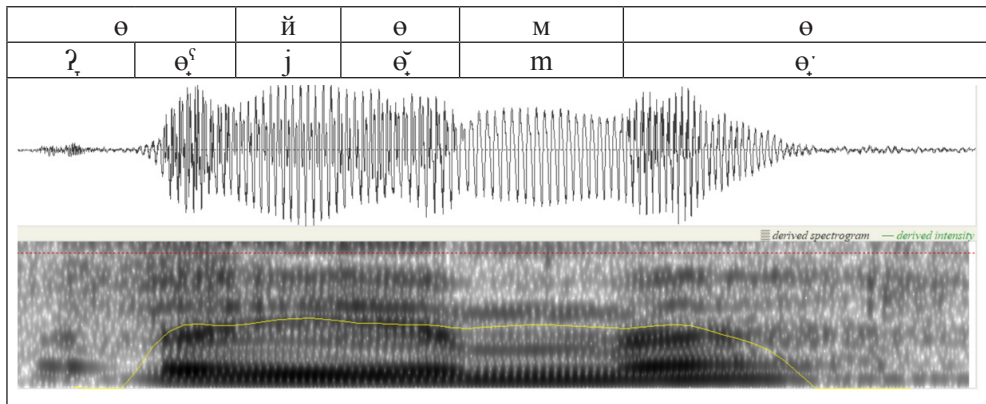

Рис. 6. Спектрограмма, осциллограмма и огибающая интенсивности в слове *ə̥jə̥mə̥* [ʔə̥jə̥mə̥] ‘полынь’ (D4)

Fig. 6. Spectrogram and oscillogram and intensity envelope in the word *ə̥jə̥mə̥* [ʔə̥jə̥mə̥] ‘ice-hole’ (D4)

На рис. 6 показана реализация гортанно-округленного слабо лабиализованного краткого гласного типа «о» в позиции начала слова. По внутренней структуре он является одноядерным. Фонация состоит из двух отчетливо проявленных фаз. В первой фазе или экскурсии [ʔə̥] наблюдается глухой щелевой приступ в пределах от 0.4 до 2 кГц. Во второй фазе данного гласного отмечается усиление звучности. Далее, отмечена коартикуляция, т.е. переход гласного к среднеязычному [j]. Вокальные сегменты, относящиеся к данному гласному, выражены глотталилизацией: первому сегменту свойственна оглушенная щелевая глотталилизация [ʔ], а второму – звонкая [j]. Таким образом, глотталилизация здесь трансформируется, подчиняясь качественной характеристике гласного. Максимальный подъем огибающей интенсивности до 2.1 кГц зафиксирован во

втором сегменте гласного [ʔə̃^с]. Акустические параметры инициального гласного типа «о» в слове *өйөмө* ‘полюнья’ таковы: F1= 423 Гц, F2= 1619 Гц. Длительность гласной фонемы [ʔə̃^с] выражена следующими количественными данными: абсолютная длительность – 138 мс, относительная длительность – 105,6 %. В соответствии с изложенным констатируем, что [ʔə̃^с] является полудолгим гласным.

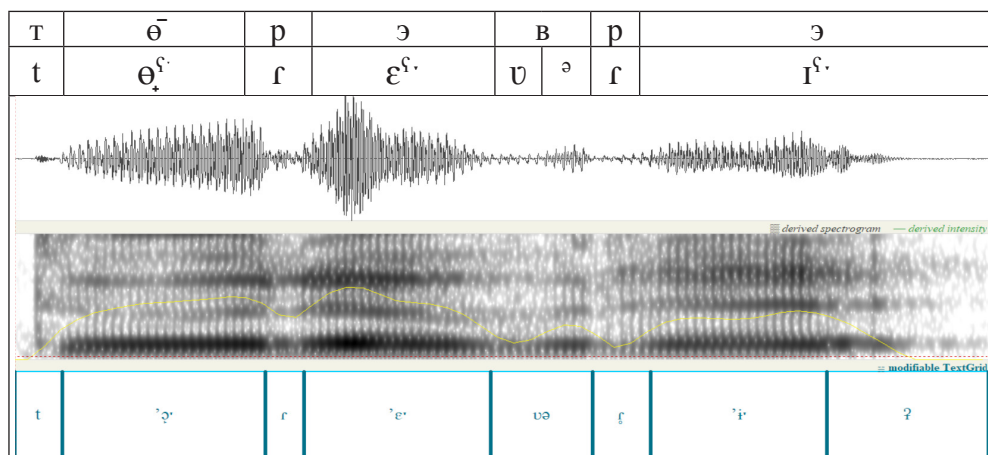

Рис. 7. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности в слове *төрөврэ* [tə̃^сɾɛ̃^сʊɾɪ̃^с] ‘говорят’ (D1)

Fig. 7. Oscillogram, spectrogram and intensity envelope in the word *төрөврэ* [tə̃^сɾɛ̃^сʊɾɪ̃^с] ‘they say’ (D1)

Во всех слогах слова (рис. 7) реализованы полудолгие прерывистые гласные звуки. В постпозиции к переднеязычному согласному [t] реализован гортанно-округленный слабо огубленный гласный [ə̃^с]. В интерконсонантной позиции между переднеязычным альвеолярным [ɾ] и губно-зубным [ʊ] согласными продуцирован полудолгий гортанно-неокругленный гласный [ɛ̃^с]. За переднеязычным согласным [ɾ] следует полудолгий узкий гласный [ɪ̃^с]. В пределах первого и третьего слогов интенсивность показывает небольшое повышение, его максимальное значение, 2866 Гц, находится во втором слоге. Следует отметить, что практически все гласные данной словоформы с открытым слогом являются прерывистыми, за исключением финального гласного. В пределах реализации конечного согласного показано ослабление напряженности вокальной фонации и разделение глоттализации на две отдельные вставки.

Значения первой и второй формант анализируемых гласных показаны в следующих количественных данных: [ə̃^с] – F1= 449 Гц,

F2= 1645 Гц; [ɛ^с] – F1= 474 Гц, F2= 1696 Гц; [i^г] – F1= 525 Гц, F2= 1950 Гц. Абсолютная (мс) и относительная (%) длительность гласных таковы: [ʔ^с] – 130 мс, 147,6 %; [ʔ^г] – 119 мс, 135 %; [i^г] – 112,3 мс, 127,5 %.

Последующие два примера (рис. 8, 9) транскрибировались знаками и диакритикой УУФТ.

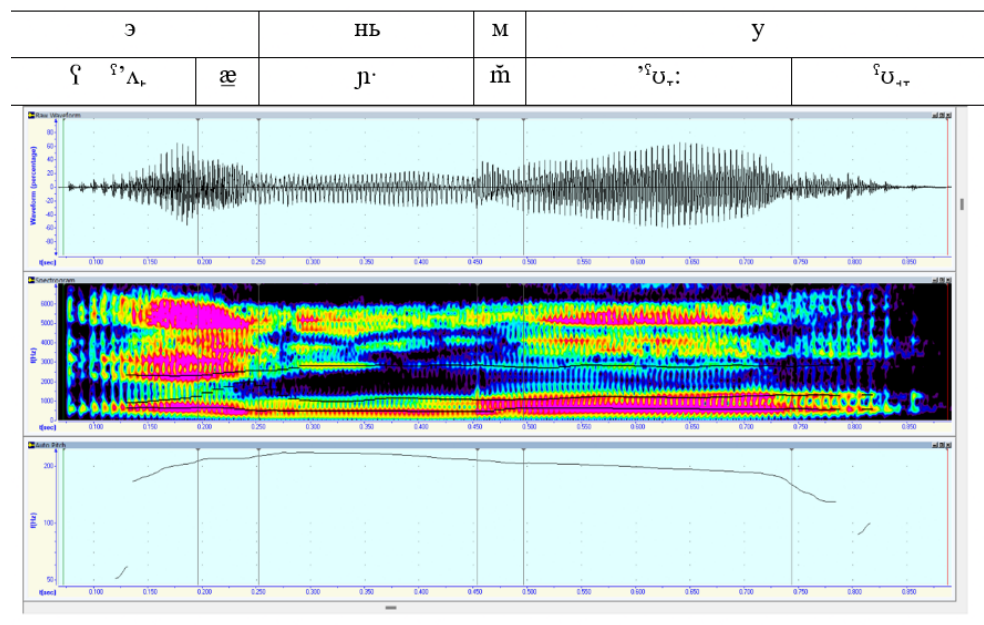

Рис. 8. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая ЧОТ

слова *эньму* [(ʔ^сΛ_гæ)ɲ·ᶤᵁ(ᶤᵁ_гᶤᵁ_г)] ‘моя мать’ Д1

Fig. 8. Oscillogram, spectrogram and envelope of the fundamental frequency of the word *эньму* [(ʔ^сΛ_гæ)ɲ·ᶤᵁ(ᶤᵁ_гᶤᵁ_г)] ‘my mother’ Д1

Как продемонстрировано на рис. 8, в пределах реализации всех гласных, состоящих из двух компонентов, словоформы *эньму* ‘моя мать’ (Д1) отмечено одновременное усиление фарингализации и глоттализации. Начальная фаза инициального гласного и конечная фаза финального гласного, где вокальная фонация обладает наименьшей звучностью, состоит из глоттальных смычек или вставок, показанных на спектрограмме вертикальными полосками.

Два типа дополнительной артикуляции могут идти параллельно с основной артикуляцией в пределах реализации одного высказывания. В материале данного исследования немало примеров с переходом от глоттальной смычки или глоттальной щели к глоттализации (рис. 8). Бывает эпиглоттализация заменяется фарингализацией.

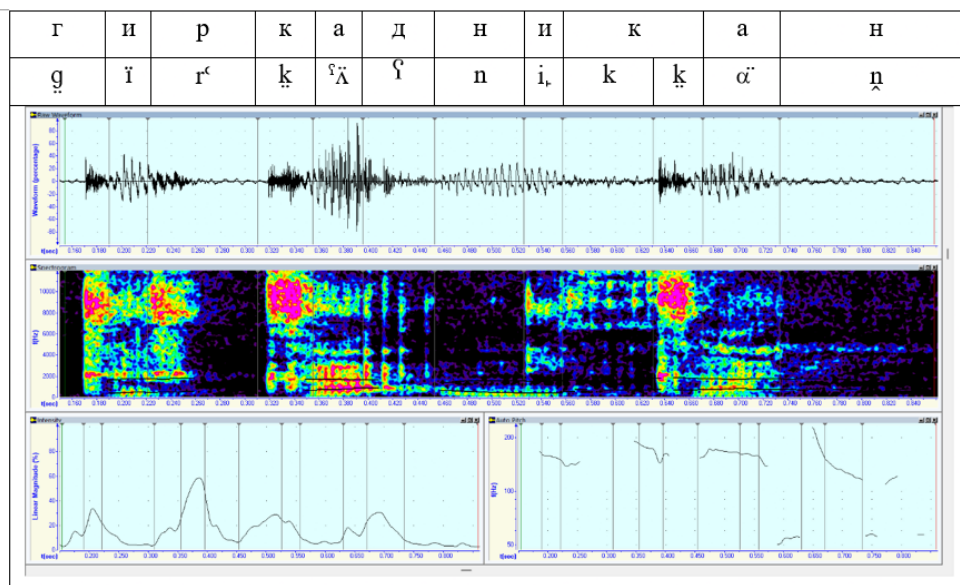

Рис. 9. Осциллограмма, спектрограмма и огибающие интенсивности и ЧОТ слова *гиркадника* [g̊r̥k̥ʌ̥n̥i̯kk̥ʌ̥n̥] ‘шагая’ Д2

Fig. 9. Oscillogram, spectrogram and envelope of the fundamental frequency and intensity of the word *гиркадника* [g̊r̥k̥ʌ̥n̥i̯kk̥ʌ̥n̥] ‘шагая’ ‘walking’ Д2

На материале спонтанной речи ламунхинских эвенов иногда встречаются примеры, где переднеязычные согласные [d] или [t] продуцируются как глоттальный смычный согласный [ʔ]. На рис. 9 мы показываем один из таких примеров с реализацией глоттальных вставок (на спектрограмме отображены в виде вертикальных рядов), находящихся во втором слоге после широкого гласного типа «а».

Заключение

Расшифровка звукового материала с помощью специализированных компьютерных программ для обработки речевого сигнала позволила нам выявить новые артикуляционно-акустические особенности, которые придают вокальным настройкам дополнительную качественную окраску. Изученные типы дополнительной гортанной артикуляции открывают иной взгляд, иные представления о внутренней структуре гласных звуков ламунхинского говора эвенского языка.

Образование гортанной дополнительной артикуляции связана с работой истинных голосовых складок. Глоттальная вставка (смычка, взрыв, щелчок), придающая звучанию эффект напряженности, формируется при закрытии голосовой щели, а глоттальный приступ/отступ, который создает эффект приглушенности, – при ее сужении.

Наиболее часто гортанная смычка, приступ/отступ встречаются как в препозиции к инициальным гласным, так и в постпозиции к финальным гласным, маркируя границы произнесенных слов. Кроме того, глоттальная вставка при спонтанном произнесении sporadически появляется на месте переднеязычных согласных [d] и [t], противопоставленных по принципу звонкости-глухости, а также выступает в качестве пограничного шва между двумя вокальными ядрами у гласных сложного образования.

В таблице ниже показаны видовые настройки рассмотренных гласных по классификации Н.С. Уртегешева [11, с. 79; 12, с. 160].

Таблица

Видовые настройки гласных ламунхинского говора эвенского языка, реализующихся с гортанной дополнительной артикуляцией

Table

Species settings of the vowels of the Lamunkhin dialect of the Even language, realized with guttural additional articulation

Написание и значение слова, диктор	Транскрипция, позиция	Звуко-тип	Структура	ВК	Длительность	Доп. артикуляция
<i>āvдай</i> ‘мыть’, Д5	[^ʔ v ^ʰ :vɔdɔɔ ^ʰ] (МФА), VC-	«а»	простая	один	долгая	есть
<i>əймү</i> ‘моя мать’, Д2	[(^ʔ o ^ʰ ɔ ^ʰ ɔ ^ʰ ɔ ^ʰ)m ^ʰ ɔ ^ʰ] (МФА), VC-	«о»	сложная	два	долгая	есть
<i>əскэн</i> ‘хвала’, Д3	[(^ʔ z ^ʰ z ^ʰ z ^ʰ)skk ^ʰ zn], (МФА), VC-	«э»	сложная	два	долгая	есть
<i>āнуниву</i> ‘мой возраст’, Д4	[a ^ʰ ŋ ^ʰ v ^ʰ nə ^ʰ β(u ^ʰ ·u ^ʰ u ^ʰ)] (МФА), -CV	«у»	простая	два	долгая	есть
<i>əймө</i> ‘полынья’, Д4	[^ʔ ə ^ʰ :jə ^ʰ mə ^ʰ] (МФА), VC-	«ө»	простая	один	полудолгая	есть

төрэрэ ‘говорят’, Д1	[tə̌ːrɛ̌ːv̌ːřː] (МФА), -CV	«э»	простая	один	полудол- гая	есть
эньму ‘моя мать’, Д1	[(ʔ(ʔ ^ʔ Λ ₊ æ)ɲ·m̌ː ʔ ^ʔ ʊ ₊ ːʔ ^ʔ ʊ ₊)] (УУФТ), -VC, -CV	«э»	услож- ненная	два	полудол- гая	есть
		«у»	услож- ненная	два	долгая	есть
гиркадникан ‘шагая’, Д2	[ǧːřːǩːΛ̌ːňːǩːα n] (УУФТ), -CVC	«э»	простая	один	полудол- гая	есть

Сокращения

ВК – вокальный компонент

Гц – герц

кГц – килогерц

лит. – литературный язык

лам. – ламунхинский говор

мс – миллисекунда

МФА – Международный фонетический алфавит

УУФТ – Универсальная унифицированная фонетическая транскрипция

ЧОТ – частота основного тона

Д – диктор

F1 – первая форманта

F2 – вторая форманта

« » – в кавычки заключены звукотипы

/ / – в косые линии заключены фонемы

[] – в квадратные скобки заключены фоны

Литература

1. Шарина С.И. Языковая ситуация у коренных малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия). *Коренные малочисленные народы Российской Федерации*. Якутск: ФИЦ «Якутский научный центр СО РАН». 2019:121–130.
2. Коряков Ю.Б., Давыдюк Т.И., Харитонов В.С., Евстигнеева А.П., Сюрюн А.А. *Список языков России и статусы их витальности*. М.: Институт языкознания РАН. 2022.

3. Pakendorf B. Paradigm copying in Tungusic: The Lamunkhin dialect of Even and beyond. *Paradigm Change. In the Transeurasian Languages and Beyond*. 2014;(13):280–310 (на англ.).
4. Осипов Б.Я., Хабаровская А.Н. Языковая ситуация в селе Сасыр Момского района и селе Березовка Среднеколымского района Республики Саха (Якутия). *Социолингвистика*. 2025;1(21):118–143. DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-1-21-118-143>
5. Трубецкой Н.С. *Основы фонологии*. М.: Аспект Пресс. 2000.
6. Карташевская Ю.В. Глоттализация как компонент системы просодических пограничных сигналов в английском языке. *Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки*. 2017;3(771):51–66.
7. Зиндер Л.Р. *Общая фонетика*. М.: Высшая школа. 1979.
8. Уртегешев Н.С. Гортань: основная и дополнительная артикуляция. *Родные языки и культуры в современном изменяющемся мире*. 2022;(3):16–30.
9. Уртегешев Н.С. Двухдверные гласные в шорском языке и языках Сибири. *Сибирский филологический журнал*. 2021;(4):154–167. DOI: <https://doi.org/10.17223/18137083/77/12>
10. Moisik S.R., Hejná M., Esling J.H. Abducted vocal fold states and the epilarynx: a new taxonomy for distinguishing breathiness and whisperiness. *Conference: 19th International Congress of Phonetic Sciences*. Melbourne. 2019:220–224 (на англ.).
11. Уртегешев Н.С. Ранее не описанный тип гласных: дуфоны. *Языки и фольклор коренных народов Сибири*. 2022;1(43):73–81. DOI: <https://doi.org/10.25205/2312-6337-2022-1-73-81>
12. *Вокализм звучащей речи народов России и зарубежья* / ред. О.Н. Морозова. Благовещенск: Изд-во Амурского гос. ун-та. 2024.

References

1. Sharina SI. The Linguistic Situation Among the Indigenous Peoples of the North in the Republic of Sakha (Yakutia). *Indigenous Small-Numbered Peoples of the Russian Federation*. Yakutsk: Federal Scientific Center “Yakut Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences” Press. 2019:121–130 (in Russian).
2. Koryakov YuB, Davydyuk TI, Kharitonov VS, Evstigneeva AP, Syuryun AA. *List of Languages of Russia and Their Vitality Statues*. Moscow: Institute of Linguistics RAS. 2022 (in Russian).
3. Pakendorf B. Paradigm copying in Tungusic: The Lamunkhin dialect of Even and beyond. *Paradigm Change. In the Transeurasian Languages and Beyond*. 2014;(13):280–310.

4. Osipov BYa, Khabarovskaya AN. The language situation in Sasyr village, Moma district, and Beryozovka village, Srednekolymsk district, Republic of Sakha (Yakutia). *Sociolingvistika*. 2025;1(21):118–143. DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-1-21-118-143> (in Russian).

5. Trubetskoy NS. *Fundamentals of phonology*. M.: Aspekt Press. 2000 (in Russian).

6. Kartashevskaya YuV. Glottalization as a prosodic word-boundary marker in English. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanitarian Sciences*. M. 2017;3(771):51–66 (in Russian).

7. Zinder LR. *General phonetics*. M.: Higher School. 1979 (in Russian).

8. Urtegeshev NS. Larynx: the main and additional articulation. *Native languages and cultures in a modern changing world*. 2022;3):16–30 (in Russian).

9. Urtegeshev NS. Binuclear vowels in the Shor language and the languages of Siberia. *Siberian Journal of Philology*. 2021;4):154–167. DOI: <https://doi.org/10.17223/18137083/77/12> (in Russian).

10. Moisik SR, Hejná M, Esling JH. Abducted vocal fold states and the epilarynx: a new taxonomy for distinguishing breathiness and whisperiness. *Conference: 19th International Congress of Phonetic Sciences*. Melbourne. 2019:220–224.

11. Urtegeshev NS. Previously undescribed vowel type: dufons. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2022;1(43):73–81. DOI: <https://doi.org/10.25205/2312-6337-2022-1-73-81> (in Russian).

12. *Vocalism of the sounding speech of the peoples of Russia and abroad* / ed. ON. Morozova. Blagoveshchensk: Publ. of Amur State University. 2024 (in Russian).

Об авторе

ОСИПОВ Борис Яковлевич – кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН – обособленное подразделение ФГБУН ФИЦ «Якутский научный центр Сибирского отделения Российской Академии наук», Якутск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1171-268X>, WoS ResearcherID: GRO-4341-2022, Scopus Author ID: 58197510300, Elibrary AuthorID: 1078149, SPIN: 2078-8055, e-mail: b_osipov@rambler.ru

About the author

Boris Ya. OSIPOV – Cand. Sci. (Philology), Research Associate, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1171-268X>, WoS ResearcherID: GRO-4341-2022, Scopus Author ID: 58197510300, Elibrary AuthorID: 1078149, SPIN: 2078-8055, e-mail: b_osipov@rambler.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 20.10.2025

Поступила после рецензирования / Revised 25.11.2025

Принята к публикации / Accepted 10.12.2025

УДК 004.8; 81'32

<https://doi.org/10.25587/3034-7378-2025-4-56-78>

Original article

Transformer-Based neural network approaches for speech recognition and synthesis in the Sakha language

***Sergei P. Stepanov¹ , Dong Zhang² , Timur Z. Zakharov¹,
Altana A. Alekseeva¹, Vladislav L. Aprosimov¹, Djuluur A. Fedorov¹,
Vladimir S. Leveryev¹, Tuygun A. Novgorodov¹, Ekaterina S. Podorozhnaya¹***

¹M.K. Ammosov North-Eastern Federal University,

Yakutsk, Russian Federation

²Qufu Normal University, Qufu, Shandong, P.R. China

 sp.stepanov@s-vfu.ru

Abstract

Recent breakthroughs in artificial intelligence and deep learning have fundamentally transformed the landscape of spoken language processing technologies. Automatic speech recognition (ASR) and text-to-speech (TTS) synthesis have emerged as essential components driving digital accessibility across diverse linguistic communities. The Sakha language, representing the northeastern branch of the Turkic language family, continues to face substantial technological barriers stemming from insufficient digital resources, limited annotated corpora, and the absence of production-ready speech processing systems. This comprehensive investigation examines the feasibility and effectiveness of adapting contemporary transformer-based neural architectures for bidirectional speech conversion tasks in Sakha. Our research encompasses detailed analysis of encoder-decoder frameworks, specifically OpenAI's Whisper large-v3 and Meta's Wav2Vec2-BERT for voice-to-text transformation, alongside Coqui's XTTS-v2 system for text-to-voice generation. Particular emphasis is placed on addressing linguistic and technical obstacles inherent to Sakha, including its complex agglutinative morphological structure, systematic vowel harmony patterns, and distinctive phonemic inventory featuring sounds absent from most Indo-European languages. Experimental evaluation demonstrates that comprehensive fine-tuning of Whisper-large-v3 achieves exceptional recognition accuracy with word error rate (WER) of 8%, while the self-supervised Wav2Vec2-BERT architecture attains 13% WER when augmented with statistical n-gram language modeling. The neural synthesis system exhibits robust performance despite minimal training data availability, achieving average loss of 2.49 following extended training optimization and practical deployment via Telegram messaging bot. Additionally, ensemble meta-

stacking combining both recognition architectures achieves 27% WER, demonstrating effective complementarity through learned hypothesis arbitration. These findings validate transfer learning methodologies as viable pathways for developing speech technologies serving digitally underrepresented linguistic communities.

Keywords: Sakha language, automatic speech recognition, text-to-speech synthesis, neural networks, Whisper, Wav2Vec2-BERT, Coqui XTTS-v2, transformer architecture, low-resource languages, transfer learning, agglutinative morphology

Funding. This research was conducted with financial support from the Artificial Intelligence Laboratory of the Republic of Sakha (Yakutia) and with the financial support of the Russian Science Foundation “Languages and Cultures of the Peoples of the North and the Arctic of the Russian Federation: Comprehensive socio-humanitarian research (on the basis of big data)” No 25-78-30006 (22.05.2025)

Acknowledgments. The authors express their gratitude to everyone who participated in data collection

For citation: Stepanov S.P., Zhang D., Zakharov T.Z., Alekseeva A.A., Aprosimov V.L., Fedorov Dj.A., Leveryev V.S., Novgorodov T.A., Podorozhnaya E.S. Transformer-Based neural network approaches for speech recognition and synthesis in the Sakha language. *Arctic XXI Century*. 2025;(4):56–78. DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2025-4-56-78>

Оригинальная научная статья

Подходы к распознаванию и синтезу речи для якутского языка на основе нейросетей архитектуры Transformer

С. П. Степанов¹ , Д. Чжан² , А. А. Алексеева¹,
В. Л. Апросимов¹, Дь. А. Федоров¹, В. С. Леверьев¹,
Т. А. Новгородов¹, Е. С. Подорожная¹, Т. З. Захаров¹

¹Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова,
Якутск, Российская Федерация

²Цюйфуский педагогический университет, Цюйфу, Шаньдун, КНР
 sp.stepanov@s-vfu.ru

Аннотация

Новейшие достижения в области искусственного интеллекта и глубокого обучения кардинально преобразовали ландшафт технологий обработки устной речи. Автоматическое распознавание речи (ASR) и синтез речи (TTS) стали ключевыми компонентами, обеспечивающими цифровую доступность для различных языковых сообществ. Якутский язык, представляющий северо-восточную ветвь тюркской языковой семьи, продолжает сталкиваться со значительными технологическими барьерами, вызванными недостаточностью цифровых ресурсов, ограниченностью размеченных корпусов и отсутствием

готовых к промышленному использованию систем обработки речи. В данном комплексном исследовании изучается целесообразность и эффективность адаптации современных нейросетевых архитектур на основе трансформеров для задач двунаправленного речевого преобразования в якутском языке. Наша работа включает детальный анализ encoder-decoder моделей, а именно: Whisper large-v3 от OpenAI и Wav2Vec2-BERT от Meta для преобразования голоса в текст, а также системы XTTS-v2 от Coqui для генерации речи из текста. Особое внимание уделяется решению лингвистических и технических проблем, присущих якутскому языку, включая его сложную агглютинативную морфологическую структуру, системные законы сингармонизма и уникальный фонемный состав, содержащий звуки, отсутствующие в большинстве индоевропейских языков. Экспериментальная оценка показывает, что полное дообучение модели Whisper-large-v3 обеспечивает исключительно высокую точность распознавания с коэффициентом ошибок по словам (WER) 8%, в то время как самообучаемая архитектура Wav2Vec2-BERT достигает WER 13% при использовании статистического n-граммного языкового моделирования. Нейросетевая система синтеза демонстрирует устойчивую производительность даже при ограниченном объеме обучающих данных, достигая среднего значения функции потерь 2,49 после длительной оптимизации обучения и практического развертывания через бот в мессенджере Telegram. Кроме того, ансамблевый мета-стэкинг, объединяющий обе архитектуры распознавания, позволяет достичь WER 27%, что доказывает их эффективную взаимодополняемость через арбитраж гипотез. Полученные результаты подтверждают, что методы трансферного обучения представляют собой жизнеспособный путь для создания речевых технологий, обслуживающих цифрово недостаточно представленные языковые сообщества.

Ключевые слова: якутский язык, автоматическое распознавание речи, синтез речи из текста, нейронные сети, Whisper, Wav2Vec2-BERT, Coqui XTTS-v2, архитектура Transformer, малоресурсные языки, трансферное обучение, агглютинативная морфология

Финансирование. Данное исследование было выполнено при финансовой поддержке Лаборатории искусственного интеллекта Республики Саха (Якутия), а также при финансовой поддержке РНФ в рамках реализации проекта «Языки и культуры народов Севера и Арктики РФ: комплексные социогуманитарные исследования (на основе анализа больших данных)» № 25-78-30006 от 22.05.2025 г.

Благодарности. Авторы выражают благодарность всем, кто участвовал в сборе данных

Для цитирования: Степанов С.П., Чжан Д., Захаров Т.З., Алексеева А.А., Апросимов В.Л., Федоров Дь.А., Леверьев В.С., Новгородов Т.А., Подорожная Е.С. Подходы к распознаванию и синтезу речи для якутского языка на основе нейросетей архитектуры Transformer. *Арктика XXI век*. 2025;(4):56–78 (на англ.). DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2025-4-56-78>

Introduction

The proliferation of voice-enabled computing interfaces has fundamentally reshaped human-machine interaction paradigms across virtually every domain of modern life. Intelligent virtual assistants, automated transcription services, real-time translation systems, and accessibility tools for individuals with disabilities increasingly depend on sophisticated speech processing algorithms capable of accurately interpreting and generating natural language in spoken form. These technologies have achieved remarkable performance levels for widely-spoken languages supported by extensive digital resources, yet remain largely inaccessible to speakers of linguistically marginalized communities worldwide [1].

The development of automatic speech recognition systems for underrepresented languages presents multifaceted challenges encompassing both technical and linguistic dimensions. From a technical perspective, the scarcity of annotated speech corpora, limited availability of text resources for language modeling, and absence of standardized evaluation benchmarks substantially constrain the applicability of data-intensive deep learning approaches that have proven successful for high-resource languages. Linguistically, many underrepresented languages exhibit structural properties that diverge significantly from the Indo-European languages dominating current speech technology research, necessitating specialized modeling strategies [2].

The Sakha language presents a particularly compelling case study for investigating low-resource speech technology development. As the northernmost representative of the Turkic language family, spoken by approximately 450,000 people primarily in the Republic of Sakha (Yakutia) within the Russian Federation, Sakha occupies a unique position both geographically and linguistically. The language exhibits distinctive phonological characteristics that differentiate it substantially from its Turkic relatives, having undergone extensive phonetic evolution during centuries of relative isolation in subarctic conditions [3].

Phonologically, Sakha maintains an extensive vowel inventory encompassing both short and long variants with systematic phonemic length distinctions affecting lexical meaning. The language preserves productive vowel harmony patterns governing the distribution of front and back vowels across morpheme boundaries, creating long-distance phonotactic dependencies that pose challenges for acoustic modeling approaches optimized for languages lacking such phenomena. Additionally, Sakha has developed several consonantal innovations absent from other Turkic languages, including distinctive realizations of historical uvular and velar segments [4].

Orthographically, the Sakha writing system employs several graphemes absent from standard Russian Cyrillic, representing sounds requiring specialized acoustic modeling: ‘*ə*’ denoting the front rounded mid vowel [œ], ‘*ʏ*’ representing the front rounded high vowel [y], ‘*һ*’ marking the velar nasal consonant [ŋ], ‘*ҕ*’ indicating the voiced uvular fricative [ɣ], and ‘*h*’ signifying the glottal fricative [h]. Automatic recognition systems frequently confuse these characters with visually or phonetically similar alternatives from Russian, substantially degrading transcription accuracy and producing outputs that violate Sakha phonotactic constraints. Phonologically, Sakha maintains an extensive vowel inventory encompassing four diphthongs, short and long variants with systematic phonemic length distinctions affecting lexical meaning [5; 6].

Furthermore, Sakha demonstrates pronounced agglutinative morphological structure characteristic of Turkic languages, wherein lexical stems concatenate with extensive chains of suffixes encoding diverse grammatical information including case, number, possession, tense, aspect, mood, and evidentiality. This productive word-formation mechanism generates substantial vocabulary expansion, with theoretically unlimited numbers of distinct word forms derivable from individual roots. Such morphological complexity challenges conventional recognition approaches relying on fixed lexicons, as out-of-vocabulary rates become prohibitively high without appropriate subword modeling strategies [7].

This investigation pursues dual complementary objectives: systematically evaluating state-of-the-art neural architectures for Sakha speech processing and establishing reproducible benchmarks facilitating future research advancement. We comprehensively assess recognition performance across multiple training configurations examining the contributions of individual architectural components, while simultaneously developing synthesis capabilities demonstrating viable quality despite severely limited acoustic training data. The methodological framework and empirical findings presented herein provide foundational resources supporting continued development of speech technologies serving the Sakha-speaking community.

Related works

Substantial research investment has driven remarkable progress in speech technology capabilities over recent decades, though benefits remain unevenly distributed across the world’s linguistic diversity. This section surveys relevant prior work addressing speech recognition and synthesis for resource-constrained languages, with particular attention to approaches applicable to Turkic language family members sharing structural similarities with Sakha.

Neural approaches to automatic speech recognition

Deep learning methodologies have fundamentally restructured automatic speech recognition system design over the past decade. Traditional hybrid architectures combining hidden Markov [8] models with Gaussian mixture acoustic models have progressively yielded to unified neural frameworks capable of direct acoustic-to-linguistic mapping without intermediate phonetic representations. Contemporary end-to-end systems leverage attention mechanisms enabling dynamic alignment between variable-length acoustic observation sequences and corresponding textual outputs [9].

Self-supervised representation learning has emerged as particularly promising paradigm for resource-constrained recognition scenarios. These approaches exploit large quantities of unlabeled audio through contrastive or predictive pretraining objectives, learning general-purpose acoustic representations subsequently fine-tuned on limited transcribed data for specific target languages. Research demonstrates that representations acquired through such procedures transfer effectively across typologically diverse languages, enabling competitive recognition performance with dramatically reduced annotation requirements [10].

The Whisper system developed by OpenAI represents current state-of-the-art in multilingual speech recognition, trained on approximately 680,000 hours of weakly-supervised audio-text pairs harvested from internet sources spanning nearly 100 languages. The architecture implements sequence-to-sequence transduction via transformer encoder-decoder networks [11], demonstrating remarkable robustness to acoustic variation including background noise, reverberation, and speaker diversity. However, performance varies substantially across languages depending on representation within training data, with many underrepresented languages receiving minimal coverage [12].

Speech technology for Turkic languages

Languages belonging to the Turkic family share numerous structural properties presenting systematic challenges for speech technology adaptation. Vowel harmony systems require acoustic models capable of capturing long-distance phonotactic dependencies spanning multiple syllables, as vowel quality in suffixes depends on preceding vowels within the same phonological word. Agglutinative morphology produces extensive lexical inventories with highly skewed frequency distributions, wherein most word types occur rarely while substantial probability mass concentrates on common function words [13].

Prior investigations have explored multilingual training strategies leveraging cross-linguistic similarities among related Turkic languages. Shared phonetic inventories, similar phonotactic constraints, and parallel morphological processes enable positive transfer during model adaptation, though language-specific fine-tuning remains essential for achieving

optimal performance. Research on Kazakh, Kyrgyz, Uzbek and Turkish has demonstrated that models pretrained on related languages substantially outperform those initialized from unrelated linguistic material [14].

Text-to-speech synthesis for Turkic languages has received comparatively limited research attention, though recent work demonstrates promising results using neural vocoder approaches [15–19]. Zero-shot synthesis strategies utilizing phonetic transcription intermediaries have shown particular promise for extending coverage to new languages without requiring parallel audio-text training data, leveraging shared phonetic spaces across related languages [20].

Sakha language resources and prior work

Despite growing interest in documenting and digitalizing the Sakha language, available speech resources remain substantially limited compared to high-resource languages and even relative to some other Turkic family members (Table 1). The Mozilla Common Voice project [21] includes a Sakha contribution comprising approximately 20 hours of crowdsourced recordings with corresponding transcriptions, representing the largest publicly available annotated corpus. Additional resources exist within academic institutions but remain restricted in accessibility.

Table 1

Overview of available Sakha language speech resources

Таблица 1

Обзор доступных речевых ресурсов якутского языка

Resource Name	Content Description	Volume	Access Status
Mozilla Common Voice (Sakha)	Crowdsourced recordings with verified transcriptions	~10 hours	Open access
NEFU Internal Corpus	Studio-quality readings of literary texts	~5 hours	Institutional
Augmented Training Set	Original recordings with noise augmentation	29,000 samples	Institutional

Prior speech technology research specifically targeting Sakha remains limited, with most relevant work addressing broader Turkic language coverage without detailed analysis of Sakha-specific challenges. This investigation aims to address this gap by providing systematic evaluation of contemporary neural approaches adapted specifically for Sakha linguistic characteristics.

Materials and Methods

Corpus development and data preparation

Effective training of neural speech processing systems requires carefully curated datasets meeting stringent quality standards. Our corpus development efforts combined multiple data sources while implementing rigorous preprocessing protocols ensuring consistency across experimental conditions.

Raw audio recordings underwent systematic normalization procedures prior to model training. All files were resampled to 16 kHz mono format using high-quality interpolation algorithms implemented in the librosa library. Silence segments exceeding 500 milliseconds duration were trimmed from recording boundaries, while amplitude normalization ensured consistent volume levels across heterogeneous source materials. Audio quality filtering removed samples exhibiting excessive background noise, clipping artifacts, or unintelligible speech segments.

Textual transcriptions received comprehensive orthographic standardization addressing inconsistencies in punctuation conventions, numeral representation formats, and abbreviation usage. Character vocabulary construction enumerated all unique graphemes occurring within the training partition, enabling appropriate tokenizer configuration for Sakha-specific characters. The base dataset comprised approximately 6,710 utterance-transcription pairs drawn from Common Voice contributions and institutional recordings.

Data augmentation procedures [22] expanded training set diversity through systematic acoustic transformations. Augmentation strategies included additive noise injection at varying signal-to-noise ratios, tempo perturbation within $\pm 10\%$ range, and pitch shifting across semitone intervals. The augmented collection totaled approximately 29,000 training samples, substantially increasing effective dataset size while maintaining linguistic content validity.

For synthesis system development, specialized data collection targeted single-speaker consistency essential for voice cloning applications. Recordings captured readings of Sakha literary texts performed by university students under controlled acoustic conditions. Quality requirements mandated minimal background noise, consistent microphone positioning, and precise utterance boundary segmentation. The final synthesis training set comprised approximately 90 minutes of validated single-speaker audio.

Speech recognition system architectures

Whisper architecture and adaptation

The Whisper system implements sequence-to-sequence speech recognition via transformer encoder-decoder networks trained on massive

multilingual corpora. Acoustic inputs undergo mel-spectrogram feature extraction computing 80 frequency bins over 25-millisecond windows with 10-millisecond frame shifts at 16 kHz sampling rate. The encoder module processes spectrogram representations through 32 stacked transformer layers employing multi-head self-attention mechanisms, producing contextualized frame-level embeddings capturing both local acoustic detail and broader temporal context [12].

The decoder component generates output token sequences autoregressively, attending to encoder representations through cross-attention layers while maintaining causal masking preventing information leakage from future positions. Tokenization employs byte-pair encoding [23] with vocabulary size of 50,000 subword units supporting multilingual text generation. The complete Whisper-large-v3 configuration comprises approximately 1.55 billion trainable parameters distributed across encoder and decoder modules.

Our adaptation experiments examined multiple fine-tuning configurations to identify optimal strategies for Sakha recognition. The primary experimental condition performed comprehensive parameter updates across all model components, while comparison conditions explored partial adaptation strategies including encoder freezing and selective layer training. Training utilized AdamW optimization with learning rate warmup and cosine decay scheduling.

Wav2Vec2-BERT architecture

The Wav2Vec2-BERT framework combines self-supervised acoustic representation learning with transformer-based sequence modeling (Table 2). Unlike Whisper’s spectrogram-based approach, Wav2Vec2 processes raw audio waveforms through convolutional feature extraction layers producing latent representations at 50 Hz frame rate. These representations undergo quantization via learned codebook vectors enabling contrastive pretraining objectives [24].

The transformer encoder processes quantized representations through multiple self-attention layers, learning contextualized embeddings capturing phonetic and prosodic information. During fine-tuning, a linear projection layer maps encoder outputs to character-level probability distributions, with connectionist temporal classification (CTC) loss [25] enabling alignment-free training without requiring frame-level phonetic annotations.

Recognition accuracy benefits substantially from integration with external language models providing linguistic context during decoding. Our experiments employed KenLM toolkit for training n-gram language models on Sakha text corpora, with shallow fusion combining acoustic model posteriors and language model probabilities during beam search decoding.

Table 2

Comparative overview of recognition system architectures

Таблица 2

Сравнительный обзор архитектур систем распознавания

Architecture	Primary Advantages	Notable Limitations
Whisper-large-v3	Extensive multilingual pretraining; robust noise handling; integrated language identification; strong cross-lingual transfer	High computational requirements; substantial fine-tuning needed for rare languages; large model size
Wav2Vec2-BERT	Effective self-supervised learning; efficient acoustic feature extraction; flexible LM integration; moderate resource requirements	Requires substantial unlabeled audio; CTC limitations for long sequences; alignment challenges

Speech synthesis system configuration

Text-to-speech synthesis capabilities utilized the XTTS-v2 framework developed by Coqui, designed specifically for cross-lingual voice cloning scenarios with minimal target language training data. The architecture implements neural text-to-spectrogram conversion followed by vocoder-based waveform reconstruction [17], enabling high-fidelity speech generation from textual inputs [26].

Text encoding employs byte-pair tokenization supporting multilingual character inventories. For Sakha adaptation, tokenizer vocabulary required extension incorporating language-specific graphemes absent from default character sets. Custom preprocessing rules handled numeral verbalization, abbreviation expansion, and punctuation normalization according to Sakha orthographic conventions.

The acoustic modeling component predicts mel-spectrogram frames from encoded text representations using attention-based sequence-to-sequence architecture. Speaker conditioning enables voice characteristic control through reference embeddings extracted from short audio samples, supporting zero-shot voice cloning for new speakers not present in training data. The neural vocoder reconstructs time-domain waveforms from generated spectrograms, producing natural-sounding speech output.

Experimental results and Discussion

Speech recognition performance evaluation

Recognition system evaluation employed word error rate (WER) as the primary accuracy metric, computing minimum edit distance between hypothesized and reference transcriptions normalized by reference word count. This standard metric captures substitution, insertion, and deletion errors providing comprehensive assessment of transcription quality. Experiments systematically varied training configurations to isolate contributions of individual factors.

Table 3

Whisper-large-v3 recognition results across training configurations

Таблица 3

Результаты распознавания модели Whisper-large-v3 при различных конфигурациях обучения

Training Configuration	WER	Loss	Analysis Notes
Complete model fine-tuning	0.08	<0.1	Optimal configuration
Encoder parameters frozen	0.42	~0.2	Substantial degradation
Training with noise augmentation	0.35	–	Counterproductive effect

Complete model adaptation yielded markedly superior results compared to partial fine-tuning strategies. The comprehensive parameter update condition achieved word error rate of 8%, representing exceptional accuracy for a low-resource language scenario. Training loss converged below 0.1, indicating successful optimization without overfitting concerns.

Complementary experiments with Whisper-small architecture (approximately 244 million parameters) explored computational efficiency trade-offs for resource-constrained deployment scenarios. Training utilized approximately 12.0 hours of combined audio data from Common Voice corpus [21, 27] including original recordings and augmented samples. The optimal configuration achieved 47% WER through comprehensive hyperparameter optimization including learning rate scheduling, gradient accumulation, and curriculum learning strategies. While exhibiting higher error rates than the large model variant, Whisper-small demonstrates viable accuracy

for practical applications requiring reduced computational overhead, with training completable on consumer-grade GPU hardware within reasonable timeframes.

Freezing encoder parameters during fine-tuning – a common strategy for reducing computational requirements and preventing catastrophic forgetting – produced approximately five-fold error rate increase to 42%. This substantial degradation demonstrates that pretrained acoustic representations, while providing valuable initialization, require significant modification for effective Sakha speech processing. The encoder evidently performs critical acoustic normalization and phonetic discrimination functions that cannot be adequately compensated through decoder adaptation alone.

Contrary to initial expectations, noise augmentation during training degraded rather than enhanced recognition performance, producing 35% error rate. Detailed error analysis suggests that artificially introduced acoustic distortions interfered with the model's capacity to learn Sakha-specific phonemic contrasts, particularly affecting discrimination between phonologically similar vowel pairs distinguished primarily by subtle formant frequency differences.

Table 4

Wav2Vec2-BERT recognition results with language model integration

Таблица 4

Результаты распознавания модели Wav2Vec2-BERT с интеграцией языковой модели

System Configuration	WER	Analysis Notes
Acoustic model with KenLM language model fusion	0.13	Best configuration
Acoustic model only (no LM integration)	0.22	Baseline reference

The self-supervised Wav2Vec2-BERT architecture demonstrated competitive recognition performance, particularly when augmented with statistical language modeling. Integration of n-gram language model probability estimates during beam search decoding provided crucial disambiguation capabilities for morphologically complex word forms, reducing error rate by approximately 40% relative to acoustic-only baseline from 22% to 13% (Table 6).

Systematic error analysis across all recognition systems revealed characteristic failure patterns reflecting Sakha linguistic complexity. Word-

level substitutions predominantly affected morphologically complex forms where suffix boundaries require precise acoustic discrimination. Deletion errors frequently omitted grammatical markers in agglutinative constructions, while insertion errors typically involved spurious word boundaries within long compound formations. These patterns underscore the importance of language model integration for morphologically rich languages and identify priorities for future corpus expansion targeting underrepresented grammatical constructions.

This finding underscores the importance of linguistic context modeling for agglutinative language recognition, where acoustic ambiguity between phonetically similar suffix variants requires resolution through higher-level language structure knowledge. The result suggests promising directions for future work incorporating more sophisticated language models trained on larger Sakha text corpora.

Further investigation explored ensemble strategies combining Wav2Vec2-BERT and Whisper outputs through meta-stacking methodology [28; 29; 30]. This approach employs a logistic regression meta-classifier trained to select the optimal transcription hypothesis for each utterance based on features extracted from both model outputs, including hypothesis length, inter-model Levenshtein distance, and word-level agreement metrics. The ensemble system achieved substantial performance improvements, reducing WER to 27% on the Sakha test set compared to individual model baselines, demonstrating effective complementarity between architectural approaches.

Table 5

Ensemble recognition results via meta-stacking

Таблица 5

Результаты распознавания ансамблевой модели
с использованием мета-стэкинга

Model Configuration	WER	Improvement
Wav2Vec2-BERT standalone	0.34	Baseline
Whisper fine-tuned standalone	0.37	Baseline
Meta-stacking ensemble	0.27	21% relative reduction

The meta-stacking ensemble demonstrates that combining complementary model architectures through learned arbitration achieves superior recognition accuracy compared to either constituent system operating independently. The logistic regression classifier achieved approximately

85-90% accuracy in selecting the superior hypothesis, effectively leveraging the distinct error patterns exhibited by Wav2Vec2-BERT and Whisper across different acoustic conditions and morphological structures.

Speech synthesis quality assessment

Synthesis system evaluation monitored training loss progression as quantitative indicator of acoustic modeling quality, with lower loss values reflecting improved alignment between generated and target spectral representations. Additionally, perceptual assessment examined naturalness, intelligibility, and phonetic accuracy of synthesized outputs.

Table 6

XTTS-v2 synthesis system training progression

Таблица 6

Процесс обучения системы синтеза XTTS-v2

Data Preparation Stage	Average Loss	Quality Impact
Initial training with unprocessed recordings	2.67	Baseline performance
After noise removal and amplitude normalization	2.59	Measurable improvement

Data preprocessing yielded measurable quality improvements reflected in approximately 3% reduction in training loss. Systematic noise elimination and amplitude standardization enabled the model to focus learning capacity on linguistically relevant acoustic patterns rather than fitting recording artifacts and volume inconsistencies present in heterogeneous source materials.

Extended training over 22 epochs with optimized hyperparameters (batch size 1 with gradient accumulation of 64, learning rate 5e-7, AdamW optimizer) [31; 32] achieved final average loss of 2.486, representing additional 4% improvement over initial preprocessing optimization. Training was conducted on NVIDIA GeForce RTX 4060 GPU over approximately 19 hours. The trained synthesis system was deployed as a Telegram messaging bot, providing accessible speech generation capabilities for Sakha language users and demonstrating practical applicability of the developed technology.

Perceptual evaluation through informal listening tests confirmed acceptable naturalness and intelligibility for most synthesized utterances. Generated speech exhibited natural prosodic contours with appropriate phrase-level intonation patterns and reasonable speaking rate. Phonetic accuracy

proved particularly strong for Sakha vowel qualities, successfully reproducing front rounded variants absent from the model's primary pretraining languages.

Consonantal accuracy demonstrated greater variability, with occasional substitution errors affecting uvular and glottal segments representing phonemes rare in the multilingual pretraining distribution. Emotional expressiveness remains limited, with generated speech exhibiting relatively neutral affect regardless of textual content. These limitations represent priorities for future development efforts.

Comparative analysis and discussion

Cross-architecture comparison reveals complementary strengths across evaluated recognition systems. Whisper achieves superior raw accuracy when computational resources permit comprehensive model adaptation, benefiting from extensive multilingual pretraining providing rich acoustic and linguistic knowledge transferable to Sakha. The 8% word error rate represents exceptional performance for a low-resource language, approaching accuracy levels typically observed only for high-resource languages with abundant training data.

Wav2Vec2-BERT offers more computationally efficient training path with competitive results through language model integration, achieving 13% error rate with substantially lower resource requirements. This architecture may prove preferable for deployment scenarios with constrained computational budgets or when rapid iteration cycles are desired during system development.

Both recognition architectures substantially outperform baseline expectations for low-resource scenarios, validating transfer learning efficacy for Sakha speech processing. The synthesis system demonstrates viable quality despite extremely limited training data, suggesting that neural vocoder approaches effectively leverage cross-lingual acoustic knowledge to produce intelligible speech from minimal language-specific resources.

Conclusions and Future Directions

This investigation systematically evaluated transformer-based neural network approaches for speech recognition and synthesis in the Sakha language, establishing benchmark results and identifying effective adaptation strategies for this low-resource Turkic language. The comprehensive experimental evaluation yields several principal findings with implications for future research and practical system development.

Key conclusions from our experimental work include:

1. Complete fine-tuning of Whisper-large-v3 achieves 8% word error rate, demonstrating that comprehensive encoder adaptation is essential for optimal low-resource recognition performance. Partial fine-tuning strategies substantially degrade accuracy.

2. Wav2Vec2-BERT with statistical language model integration reaches 13% error rate, offering computationally efficient alternative with strong accuracy suitable for resource-constrained deployment scenarios.

3. XTTS-v2 produces intelligible synthesis from minimal training data, validating cross-lingual transfer learning effectiveness for speech generation tasks in underrepresented languages.

– Ensemble meta-stacking combining Wav2Vec2-BERT and Whisper outputs achieves 27% WER, demonstrating 21% relative improvement over individual model baselines through learned hypothesis selection.

– Practical deployment through Telegram bot interface validates real-world applicability of developed synthesis capabilities, providing accessible voice generation for Sakha language community.

4. Data preprocessing quality significantly impacts both recognition and synthesis performance, emphasizing importance of careful corpus curation for low-resource language work.

These results confirm that contemporary neural architectures, when appropriately adapted through transfer learning methodologies, can deliver practical speech technology capabilities for linguistically underserved communities despite severe data limitations. The methodological framework and empirical benchmarks established herein provide foundation for continued Sakha language technology advancement.

Future research directions include corpus expansion through community crowdsourcing initiatives, integration of morphological analysis for improved language modeling capturing Sakha agglutinative structure, development of emotionally expressive synthesis capabilities, and exploration of end-to-end speech translation systems connecting Sakha with major world languages. Collaborative efforts across research institutions and community organizations will accelerate progress toward comprehensive speech technology infrastructure serving Sakha speakers.

References

1. Besacier L, Barnard E, Karpov A, Schultz T. Automatic speech recognition for under-resourced languages: A survey. *Speech Communication*. 2014;(56): 85–100. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.specom.2013.07.008>
2. Joshi P, Santy S, Buber A, Bali K, Choudhury M. The state and fate of linguistic diversity and inclusion in the NLP world. *Proceedings of the 58th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*. 2020:6282–6293.
3. Pakendorf B. *Contact in the prehistory of the Sakha (Yakuts): Linguistic and genetic perspectives*. LOT Publications: Utrecht. 2007.

4. Johanson L, Csató ÉA. *The Turkic Languages*. Routledge Language Family Series. Routledge: London. 2021. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003243809>
5. Dyachkovsky ND. *Sound structure of the Yakut language. Part 1: Vocalism* (Дьячковский Н.Д. Звуковой строй якутского языка. Вокализм). Yakutsk: Yakutsk publishing house. 1971.
6. Dyachkovsky ND. *Sound structure of the Yakut language. Part 2: Consonantism* (Дьячковский Н.Д. Звуковой строй якутского языка. Консонантизм). Yakutsk: Yakutsk publishing house. 1977.
7. Mussakhoyayeva S, Dauletbek K, Yeshpanov R, Varol HA. Multilingual speech recognition for Turkic languages. *Information*. 2023;14(2): 74. DOI: <https://doi.org/10.3390/info14020074>
8. Rabiner LR. A tutorial on hidden Markov models and selected applications in speech recognition. *Proceedings of the IEEE*. 1989;77(2):257–286. DOI: <http://dx.doi.org/10.1109/5.18626>
9. Graves A, Mohamed A, Hinton G. Speech recognition with deep recurrent neural networks. *Proceedings of International Conference on Acoustics, Speech and Signal Processing*. 2013:6645–6649. DOI: <https://doi.org/10.1109/ICASSP.2013.6638947>
10. Conneau A, Baevski A, Collobert R, Mohamed A, Auli M. Unsupervised cross-lingual representation learning for speech recognition. *In Proceedings of Interspeech*. 2021:2426–2430. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2006.13979>
11. Vaswani A, Shazeer N, Parmar N, Uszkoreit J, Jones L, Gomez AN, Kaiser Ł, Polosukhin I. Attention is all you need. *Proceedings of the 31st International Conference on Neural Information Processing Systems*. 2017:5998–6008. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.1706.03762>
12. Radford A, Kim JW, Xu T, Brockman G, McLeavey C, Sutskever I. Robust speech recognition via large-scale weak supervision. *In Proceedings of International Conference on Machine Learning*. 2023:28492–28518. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2212.04356>
13. Du W, Maimaitiyiming Y, Nijat M, Li L, Hamdulla A, Wang D. Automatic speech recognition for Uyghur, Kazakh, and Kyrgyz: An overview. *Applied Sciences*. 2023;13(1):326. DOI: <https://doi.org/10.3390/app13010326>
14. Yeshpanov R, Mussakhoyayeva S, Khassanov Y. Multilingual text-to-speech synthesis for Turkic languages using transliteration. *In Proceedings of Interspeech*. 2023:5521–5525. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2305.15749>
15. Kim J, Kim S, Kong J, Yoon S. Glow-TTS: A generative flow for text-to-speech via monotonic alignment search. *In Proceedings of the International Conference on Neural Information Processing Systems*. 2020:8067–8077. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2005.11129>
16. Kim J, Kong J, Son J. Conditional variational autoencoder with adversarial learning for end-to-end text-to-speech. *In Proceedings of the International*

Conference on Machine Learning. 2021:5530–5540. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2106.06103>

17. Kong J, Kim J, Bae J. HiFi-GAN: Generative adversarial networks for efficient and high fidelity speech synthesis. In *Proceedings of the International Conference on Neural Information Processing Systems*. 2020:17022–17033. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2010.05646>

18. Shen J, Pang R, Weiss RJ, Schuster M, Jaitly N, Yang Z, Chen Z, Zhang Y, Wang Y, Skerrv-Ryan R., et al. Natural TTS synthesis by conditioning WaveNet on Mel spectrogram predictions. In *Proceedings of IEEE ICASSP*. 2018:4779–4783. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.1712.05884>

19. Ren Y, Hu C, Tan X, Qin T, Zhao S, Zhao Z, Liu T-Y. FastSpeech 2: Fast and high-quality end-to-end text to speech. In *Proceedings of ICLR*. 2021. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2006.04558>

20. Karibayeva A, Karyukin V, Abduali B, Amirova D. Speech recognition and synthesis models and platforms for the Kazakh language. *Information*. 2025;16(10):879. DOI: <https://doi.org/10.3390/info16100879>

21. Ardila R, Branson M, Davis K, Kohler M, Meyer J, Henretty M, Morais R, Saunders L, Tyers F, Weber G. Common Voice: A massively-multilingual speech corpus. In *Proceedings of LREC*. 2020:4218–4222. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.1912.06670>

22. Park DS, Chan W, Zhang Y, Chiu C-C, Zoph B, Cubuk ED, Le QV. SpecAugment: A simple data augmentation method for automatic speech recognition. In *Proceedings of Interspeech*. 2019:2613–2617. DOI: <https://doi.org/10.21437/Interspeech.2019-2680>

23. Kudo T, Richardson J. SentencePiece: A simple and language independent subword tokenizer and detokenizer for neural text processing. In *Proceedings of EMNLP System Demonstrations*. 2018:66–71. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.1808.06226>

24. Baevski A, Zhou Y, Mohamed A, Auli M. wav2vec 2.0: A framework for self-supervised learning of speech representations. In *Proceedings of the 34th International Conference on Neural Information Processing System*. 2020:12449–12460. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2006.11477>

25. Graves A, Fernández S, Gomez F, Schmidhuber J. Connectionist temporal classification: Labelling unsegmented sequence data with recurrent neural networks. In *Proceedings of ICML*. 2006:369–376. DOI: <https://doi.org/10.1145/1143844.1143891>

26. Casanova E, Weber J, Shulby C, Junior AC, Gölge E, Müller MA. XTTS: A massively multilingual zero-shot text-to-speech model. In *Proceedings of Interspeech*. 2024. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2406.04904>

27. Panayotov V, Chen G, Povey D, Khudanpur S. LibriSpeech: An ASR corpus based on public domain audio books. *In Proceedings of IEEE ICASSP*. 2015:5206–5210. DOI: <https://doi.org/10.1109/ICASSP.2015.7178964>

28. Dyakonov AG. Ensembles in machine learning: Methods and applications. Data Science Course Materials (Дьяконов А.Г. Ансамбли в машинном обучении). 2019. Available at: <https://alexanderdyakonov.wordpress.com> (accessed 07.09.2025).

29. Wolpert DH. Stacked generalization. *Neural Networks* 1992;5(2): 241–259. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0893-6080\(05\)80023-1](https://doi.org/10.1016/S0893-6080(05)80023-1)

30. Breiman L. Stacked regressions. *Machine Learning*. 1996;24(1):49–64.

31. Wolf T, Debut L, Sanh V, Chaumond J, Delangue C, Moi A, Cistac P, Rault T, Louf R, Funtowicz M, et al. Transformers: State-of-the-art natural language processing. *In Proceedings of the Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing: System Demonstrations*. 2020:38–45. DOI: <https://doi.org/10.18653/v1/2020.emnlp-demos.6>

32. Paszke A, Gross S, Massa F, Lerer A, Bradbury J, Chanan G, Killeen T, Lin Z, Gimelshein N, Antiga L, et al. PyTorch: An imperative style, high-performance deep learning library. *In Proceedings of the International Conference on Neural Information Processing Systems*. 2019:8026–8037. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.1912.01703>

About the authors

Sergei P. STEPANOV – Cand. Sci. (Physics and Mathematics), Head, the Laboratory “Computational Technologies and Artificial Intelligence”, Institute of Mathematics and Information Science, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9445-2726>, WoS ResearcherID: F-7549-2017, Scopus Author ID: 56419440700, Elibrary AuthorID: 856700, SPIN 2943-2640, e-mail: sp.stepanov@s-vfu.ru

Dong ZHANG – Cand. Sci. (Physics and Mathematics), Associate Professor, Qufu Normal University, Qufu, Shandong, P.R. China, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4688-7762>, WoS ResearcherID: ACW-5232-2022, Scopus Author ID: 57212194896, e-mail: dz_zhangdong@163.com

Timur Z. ZAKHAROV – Research Assistant, laboratory “Computational Technologies and Artificial Intelligence”, Institute of Mathematics and Information Science, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, e-mail: timu.zaxarov40@gmail.com

Altana A. ALEKSEEVA – Research Assistant, laboratory “Computational Technologies and Artificial Intelligence”, Institute of Mathematics and Information Science, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, e-mail: altana.alexeeva@gmail.com

Vladislav L. APROSIMOV – Research Assistant, laboratory “Computational Technologies and Artificial Intelligence”, Institute of Mathematics and Information Science, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, e-mail: malysay88@gmail.com

Djuluur A. FEDOROV – Research Assistant, laboratory “Computational Technologies and Artificial Intelligence”, Institute of Mathematics and Information Science, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, e-mail: fjuluur@mail.ru

Vladimir S. LEVEREV – Research Assistant, laboratory “Computational Technologies and Artificial Intelligence”, Institute of Mathematics and Information Science, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, e-mail: leverev.vs@svfu.ru

Tuygun A. NOVGORODOV – Research Assistant, laboratory “Computational Technologies and Artificial Intelligence”, Institute of Mathematics and Information Science, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, e-mail: tuygun2000@gmail.com

Ekaterina S. PODOROZHNYA – Research Assistant, laboratory “Computational Technologies and Artificial Intelligence”, Institute of Mathematics and Information Science, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, e-mail: ekpodor@gmail.com

Об авторах

СТЕПАНОВ Сергей Павлович – кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель, лаборатория «Вычислительные технологии и искусственный интеллект», Институт математики и информатики, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9445-2726>, WoS ResearcherID: F-7549-2017, Scopus Author ID: 56419440700, Elibrary AuthorID: 856700, SPIN 2943-2640, e-mail: sp.stepanov@s-vfu.ru

ЧЖАН Дун – кандидат физико-математических наук, доцент, Цюйфуский педагогический университет, Цюйфу, Шаньдун, КНР, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4688-7762>, WoS ResearcherID: ACW-5232-2022, Scopus Author ID: 57212194896, e-mail: dz_zhangdong@163.com

ЗАХАРОВ Тимур Захарович – лаборант, лаборатория «Вычислительные технологии и искусственный интеллект», Институт математики и информатики, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Российская Федерация, e-mail: timu.zaharov40@gmail.com

АЛЕКСЕЕВА Алтана Александровна – лаборант, лаборатория «Вычислительные технологии и искусственный интеллект», Институт математики и информатики, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Российская Федерация, e-mail: altana.alexeeva@gmail.com

АПРОСИМОВ Владислав Леонидович – лаборант, лаборатория «Вычислительные технологии и искусственный интеллект», Институт математики и информатики, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Российская Федерация, e-mail: malysay88@gmail.com

ФЕДОРОВ Дьулуур Андрианович – лаборант, лаборатория «Вычислительные технологии и искусственный интеллект», Институт математики и информатики, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Российская Федерация, e-mail: fjuluur@mail.ru

ЛЕВЕРЬЕВ Владимир Семенович – лаборант, лаборатория «Вычислительные технологии и искусственный интеллект», Институт математики и информатики, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Российская Федерация, e-mail: _leverev.vs@svfu.ru

НОВГОРОДОВ Туьгун Александрович – лаборант, лаборатория «Вычислительные технологии и искусственный интеллект», Институт математики и информатики, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Российская Федерация, e-mail: tuYGON2000@gmail.com

ПОДОРОЖНАЯ Екатерина Сергеевна – лаборант, лаборатория «Вычислительные технологии и искусственный интеллект», Институт математики и информатики, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Российская Федерация, e-mail: ekpodor@gmail.com

Authors' contribution

Sergei P. Stepanov – conceptualization, methodology, software, validation, formal analysis, investigation, data curation, writing – review & editing, supervision, project administration

Dong Zhang – methodology, validation, investigation, data curation, writing – original draft, writing – review & editing, visualization

Timur Z. Zakharov – formal analysis, investigation

Altana A. Alekseeva – formal analysis, investigation

Vladislav L. Aprosimov – formal analysis, investigation

Djuluur A. Fedorov – formal analysis, investigation

Vladimir S. Leveryev – formal analysis, investigation

Tuygun A. Novgorodov – formal analysis, investigation

Ekaterina S. Podorozhnaya – formal analysis, investigation

Вклад авторов

Степанов С.П. – разработка концепции, методология, программное обеспечение, верификация данных, проведение статистического анализа, проведение исследования, администрирование данных, редактирование рукописи, руководство исследованием, администрирование проекта

Чжан Д. – методология, верификация данных, проведение исследования, администрирование данных, создание черновика рукописи, редактирование рукописи, визуализация

Захаров Т.З. – проведение статистического анализа, проведение исследования

Алексеева А.А. – проведение статистического анализа, проведение исследования

Апросимов В.Л. – проведение статистического анализа, проведение исследования

Федоров Дь.А. – проведение статистического анализа, проведение исследования

Леверьев В.С. – проведение статистического анализа, проведение исследования

Новгородов Т.А. – проведение статистического анализа, проведение исследования

Подорожная Е.С. – проведение статистического анализа, проведение исследования

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests

Конфликт интересов

Авторы заявляет об отсутствии конфликта интересов

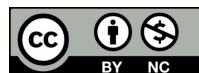
Submitted / Поступила в редакцию 09.11.2025

Revised / Поступила после рецензирования 08.12.2025

Accepted / Принята к публикации 17.12.2025

УДК 811.512.157

<https://doi.org/10.25587/3034-7378-2025-4-79-93>

Оригинальная научная статья

Бурятский компонент в диалектной лексике якутского языка (на материале названий диких животных)

Н. В. Турантаева¹ , Т.-О. Эрдэнэ-Очир²

¹Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
Якутск, Российская Федерация

²Монгольский государственный университет, Улан-Батор, Монголия
 nv.turantaeva@svfu.ru

Аннотация

В статье рассматривается бурятский компонент в диалектной зоонимической лексике якутского языка на материале названий диких животных. Актуальность исследования обусловлена необходимостью уточнения стратификации монгольских заимствований в якутском языке и выявления роли бурятского языка как источника позднего заимствованного пласта монголизмов. Цель работы заключается в выявлении, систематизации и комплексном анализе диалектных зоонимов бурятского происхождения, а также в определении их семантических, фонетических и ареальных особенностей. Материал исследования составляют диалектные данные якутского языка, зафиксированные в лексикографических и диалектологических источниках, а также сопоставительный материал по бурятскому и другим монгольским языкам. В работе применяются сравнительно-исторический, диалектологический и семасиологический методы, приемы лексико-семантического и фонетического анализа, а также элементы ареальной лингвистики. В результате исследования установлено, что в ряде случаев именно бурятские формы выступают ближайшими соответствиями якутским диалектным названиям животных, что позволяет объяснить, как семантические сдвиги, так и особенности фонетической адаптации заимствований. Выявлено, что бурятский компонент наиболее отчетливо представлен в говорах южных и западных районов Якутии и отражает поздний этап языковых контактов. Показано, что заимствованные единицы характеризуются различной степенью семантической адаптации – от сохранения исходного значения до метонимических и зооморфных переосмыслений, обусловленных новой природной средой. Полученные результаты уточняют представления о механизмах монголо-якутских языковых контактов, дополняют стратификацию монгольских заимствований в якутском языке и расширяют

© Турантаева Н. В., Эрдэнэ-Очир Т.-О., 2025

эмпирическую базу исследований диалектной зоонимии. Материалы статьи могут быть использованы в дальнейших этимологических и диалектологических исследованиях, лексикографической практике, а также при цифровом документировании диалектной лексики.

Ключевые слова: якутский язык, диалектная лексика, бурятский компонент, монгольские заимствования, зоонимы, семантическая адаптация, фонетическая адаптация, ареальная лингвистика, языковые контакты, сравнительно-историческое языкознание

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ в рамках реализации проекта «Языки и культуры народов Севера и Арктики РФ: комплексные социогуманитарные исследования (на основе анализа больших данных)» № 25-78-30006 от 22.05.2025 г.

Для цитирования: Турантаева Н.В., Эрдэнэ-Очир Т.-О. Бурятский компонент в диалектной лексике якутского языка (на материале названий диких животных). *Арктика XXI век*. 2025;(4):79–93. DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2025-4-79-93>

Original article

The Buryat component in the dialect vocabulary of the Yakut language (based on the names of wild animals)

Nina V. Turantaeva¹ , T.-O. Erdene-Ochir²

¹M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

²National University of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia

 nv.turantaeva@svfu.ru

Abstract

The article examines the Buryat component in the dialectal zoonymic lexicon of the Yakut language, based on the names of wild animals. The relevance of the study is determined by the need to clarify the stratification of Mongolic borrowings in Yakut and to identify the role of the Buryat language as a source of the later layer of Mongolisms. The aim of the research is to identify, systematize, and conduct a comprehensive analysis of dialectal zoonyms of Buryat origin, as well as to determine their semantic, phonetic, and areal characteristics. The research material consists of dialectal data of the Yakut language recorded in lexicographic and dialectological sources, as well as comparative data from Buryat and other Mongolic languages. The study employs the comparative-historical, dialectological, and semasiological methods, along with techniques of lexical-semantic and phonetic analysis and elements of areal linguistics. The results demonstrate that in a number

of cases Buryat forms serve as the closest correspondences to Yakut dialectal animal names, which makes it possible to explain both semantic shifts and features of the phonetic adaptation of borrowings. It is established that the Buryat component is most clearly represented in the southern and western dialects of the Yakut language and reflects a later stage of language contacts. The borrowed units are shown to exhibit varying degrees of semantic transformation, ranging from preservation of the original meaning to metonymic and zoomorphic reinterpretations conditioned by a new natural environment. The findings refine current views on the mechanisms of Mongolic–Yakut language contacts, contribute to the stratification of Mongolic borrowings in the Yakut language, and expand the empirical basis for studies of dialectal zoonymy. The materials of the article may be used in further etymological and dialectological research, lexicographic practice, and in the digital documentation of dialectal vocabulary.

Keywords: Yakut language, dialect vocabulary, Buryat component, Mongolic borrowings, zoonyms, semantic adaptation, phonetic adaptation, areal linguistics, language contact, comparative-historical linguistics

Funding. Research was conducted with the financial support of the Russian Science Foundation “Languages and Cultures of the Peoples of the North and the Arctic of the Russian Federation: Comprehensive socio-humanitarian research (on the basis of big data)” No 25-78-30006 (22.05.2025)

For citation: Turantaeva N.V., Erdene-Ochir T.-O. The Buryat component in the dialect vocabulary of the Yakut language (based on the names of wild animals). *Arctic XXI Century*. 2025;(4):79–93 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2025-4-79-93>

Введение

Формирование якутского языка происходило в условиях интенсивных межэтнических контактов, что нашло отражение прежде всего в его лексическом составе. Особое место в системе якутской лексики занимает пласт наименований объектов природного окружения, включающий зоонимическую лексику. Данный пласт является одним из наиболее архаичных и репрезентативных, поскольку именно в нем сохраняются лексические реликты и фиксируются следы языковых взаимодействий, позволяющие реконструировать исторические связи предков якутов с различными этническими сообществами. В сравнительно-исторической и контактной лингвистике лексика природного окружения традиционно рассматривается как важный источник для выявления направлений и хронологии языковых контактов, а также для реконструкции этнокультурных реалий прошлого.

Обширный пласт заимствований в якутском языке связан с монгольским языковым влиянием, представленным несколькими историческими слоями, различающимися по времени заимствования, источнику и степени адаптации. В его составе выделяется бурятский компонент, отражающий специфику позднего этапа монголо-якутских контактов. Он демонстрирует как семантические преобразования, так и ареальные особенности функционирования отдельных лексем, что позволяет рассматривать бурятские заимствования как самостоятельный и структурно значимый сегмент монгольского пласта. С позиции теории языковых контактов и ареальной лингвистики анализ бурятского компонента позволяет уточнить механизмы заимствования, выявить модели семантической адаптации и определить роль диалектной среды в сохранении и адаптации заимствованных единиц. Проведенный сопоставительный анализ показывает, что именно бурятские формы в ряде случаев выступают ближайшими соответствиями якутским диалектным названиям животных.

Проблема происхождения якутского языка и характера его взаимодействия с родственными и неродственными языками сохраняет актуальность на протяжении длительного времени. Одним из центральных аспектов научных дискуссий является вопрос о степени и формах влияния монгольских языков на якутский, что находит отражение прежде всего в его лексике, в том числе в зоонимической подсистеме.

Первые предположения о южном происхождении якутов и их контактах с монголоязычными племенами были высказаны еще в конце XVII века в историко-этнографических записках И. Идеса. Наличие в якутском языке существенного пласта монгольской лексики и отдельных грамматических элементов, свидетельствующих о длительных и интенсивных языковых контактах, получило лингвистическое обоснование в исследованиях О.Н. Бетлингга [1]. В.В. Радлов выдвинул гипотезу о не-тюркском происхождении якутского языка, предполагая его развитие через этапы монголизации и последующей тюркизации [2]. Е.И. Убрятова, анализируя позицию В.В. Радлова, приходит к выводу о тюркской основе якутского языка, при этом подчеркивая значительную роль длительного двуязычия с монголоязычными и тунгусскими этносами в формировании лексического состава якутского языка [3, с. 76]. В сравнительно-сопоставительных исследованиях Н.Н. Широбоковой отражено, что вопрос о времени и источниках монгольских заимствований остается дискуссионным; в качестве возможного источника бурятский заимствований исследователем рассматривается язык хори-бурят, что подчеркивает сложный и многоуровневый характер якутско-монгольских контак-

тов [4]. Системное изучение монголизмов в якутском языке связано с работами Н.К. Антонова, в которых на основе сравнительно-исторического метода анализируются заимствования в области хозяйственной терминологии, топонимии и лексики материальной культуры, а также формулируется гипотеза о раннем присутствии монгольских племен на территории Якутии [5; 6; 7; 8]. Ключевым этапом в исследовании монгольских элементов стала монография Ст. Калужиньского «*Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache*», где на широком лексическом материале были описаны фонетические и морфологические особенности монголизмов и предложена их хронологическая стратификация [9; 10]. Вопросы поздних монгольских заимствований и их распространения в сибирских тюркских языках рассматривались А.М. Щербаком, который подчеркивает особую восприимчивость якутского языка к монгольскому влиянию в условиях миграции и ареальных контактов [11; 12]. Существенный вклад в разработку проблемы монголизмов и бурятизмов внесен В.И. Рассадным, обосновавшим представление о древнем и неоднородном характере монгольского пласта в якутском языке и его связи с хозяйственно-культурными реалиями [13; 14].

В современных исследованиях проблематика якутско-монгольских языковых контактов получает дальнейшее развитие в трудах Г.Г. Левина [15], А.Е. Шамаевой [16], в докторской диссертации Н.В. Малышевой, посвященной лексике живой природы [17] и др. Несмотря на значительный объем накопленных данных, бурятский компонент в диалектной зоонимии якутского языка по-прежнему остается недостаточно систематизированным, особенно в аспекте ареального распределения и хронологической стратификации, что и определяет актуальность настоящего исследования.

Цель исследования заключается в выявлении и комплексном описании бурятского компонента в диалектной лексике якутского языка на материале названий диких животных, а также в определении его места и значимости в системе монгольских заимствований. Для достижения поставленной цели предполагается систематизировать диалектные зоонимы бурятского происхождения, проанализировать их семантические и фонетические особенности в сопоставлении с бурятскими и другими монгольскими формами, а также выявить функционирование бурятизмов в разных диалектных зонах якутского языка.

Теоретическая значимость работы состоит в уточнении стратификации монгольских заимствований в якутском языке и в развитии представлений о механизмах языковых контактов в тюрко-монгольском ареале, а также в расширении эмпирической базы исследований по

диалектной зоонимии. Практическая значимость исследования определяется возможностью использования полученных результатов в лексикографической практике, диалектологических и этимологических исследованиях, а также при подготовке учебных курсов по истории и диалектологии якутского языка и в дальнейшем цифровом документировании диалектной лексики.

Материалы и методы

Эмпирическую основу исследования составляют диалектные данные якутского языка, зафиксированные в лексикографических и диалектологических источниках. Материалы репрезентируют различные диалектные зоны и позволяют проследить особенности функционирования зоонимической лексики в территориальном аспекте.

Сравнительный материал привлечен из лексикографических и этимологических источников по монгольским языкам, а также из фундаментальных работ по сравнительно-историческому языкознанию и алтаистике. Используемый корпус данных обеспечивает возможность сопоставительного анализа лексических единиц, выявления источников заимствований, их семантической и фонетической адаптации, а также уточнения хронологической и ареальной стратификации заимствованного пласта в системе якутского языка.

В исследовании применяются сравнительно-исторический, диалектологический и семасиологический методы, позволяющие установить хронологию заимствований и выявить механизмы их адаптации в системе якутского языка. Используются приемы лексико-семантического и фонетического анализа, а также методы ареальной лингвистики, необходимые для определения зон распространения рассматриваемых единиц. Методологическая основа работы опирается на традиции отечественной сравнительно-исторической школы, заложенные в трудах Б.Я. Владимирцова [18], Н.Н. Поппе [19], С.Е. Малова [20] и др. Существенное значение имеет ареально-типологический подход, позволяющий рассматривать бурятские заимствования как часть общего монгольского пласта с учетом их локальных и диалектных особенностей.

Результаты и обсуждение

Изучение диалектной зоонимической лексики якутского языка показывает значительную роль бурятского компонента в формировании заимствованного пласта. Во многих случаях именно бурятские формы выступают ближайшими соответствиями якутским диалектным названиям животных, объясняя, как семантические сдвиги, так и ареальную специфику их функционирования.

Так, як. *амыдай* ‘название зверя’ [21, с. 99]; ‘человек, имеющий одинаковое с кем-либо имя, тезка’ [22, Т. 1, с. 458]; (Вил., Усть-Ян.) ‘заяц’ [23, с. 46]; ‘1. тезка; 2. медные деньги; 3. название зверя, заяц’ [24, с. 76]. Этимология данной лексемы традиционно определяется как монгольская: ср. *amydai* (< п.-монг. **amindai*, *amidai*) ‘тезка’ [9, с. 15]; *AMIDA?* (*ami-dai?*), халх. *амьдай*, бур. *амидай*, калм. *эмндэ* ‘тезка’ [25, Т. 1, с. 48]; халх. *аминдай* ‘1. однофамилец, соименник; тезка’ [26, с. 214]; п.-монг. *аминдай* ‘тезка’ [24, с. 76], при этом бур. *амидай* ‘тезка’ [25, Т. 1, с. 48] рассматривается как одно из ключевых лексических соответствий. Представляет интерес фонетическая адаптация бур. [и] в як. [ы]: бур. *амидай* – як. *амыдай*, где наблюдается регулярное соответствие гласных [и] – [ы]. Подобное фонетическое явление отражает внутреннюю тенденцию якутского языка к гармонизации вокализма заимствованных основ в соответствии с противопоставлением гласных переднего и заднего ряда.

Як. *адьырба*, *адьыр*, *адьарба* ‘щетиный, зубастый’ [21, с. 32]; *адьырба* ‘1.1) большой хищный зверь, хищник; 2. 1) хищный, кровожадный’ [22, Т.1, с. 295]; ‘зверь (хищник)’ [27, с. 5]. В диалектах фиксируется развитие значения: *адьырба* (Амг., Вил., Лен., М-Канг., Сунт.) ‘старый самец медведя; жеребец, самец’ [28, с. 41]; *адьырба кыыл* (инд.) ‘ойуур уола – волк’ [23, с. 36; 142]. Лексема восходит к п.-монг. *ajirya* [←**adirya*] ‘жеребец’, халх. *азрага*, бур. *азарга*, калм. *ажрh* ‘жеребец’ [25, Т. 1, с. 43]; халх. *азарга(н)* ‘1. жеребец; 2. самец (в сочетаниях с названиями животных)’ [26, с. 187]; **ajirga* ‘stallion ‘жеребец’ [29, с. 266]; *ajirya* ‘жеребец, самец’ [28, с. 42]; Ср. также п.-монг. *аджирба*; бур. *азарга*; монг. *азрага(н)*; калм. *ажрh*, дагур. *адирга* ‘жеребец’. Примечательно, что бур. *азарга* ‘жеребец; самец животных; *азарга баабгай* ‘медведь’ [30, с. 42] наиболее близко отражает семантический сдвиг, наблюдаемый в якутском: от значения ‘жеребец’ к обозначению крупных самцов диких животных.

Особое место в диалектной зоонимии якутского языка занимают лексемы *муруку* ‘бурундук’ [22, Т. 6, с. 364]; «бурундук обыкновенный» [21, с. 1639]; (Вил., Горн., Нюрб., Олекм., Сунт., Усть-Алд., Верхневил.) ‘бурундук’ [28, с. 166-167] и *бурбаа* ‘водяная крыса, крот’ [22, Т. 2, с. 558]; *бурбаа* (Вил., Горн., Коб., Нюрб., Сунт., Верхневил.) ‘водяная крыса, крот’, восходящие к общему источнику – п.-монг. *burki* ‘сурок-самец’. Наиболее близкие соответствия фиксируются в бурятском языке, где форма *бурхи* ‘старый тарбаган-самец’ [30, с. 156] сохранила семантическую основу, ставшую источником для диалектных переосмыслений в якутском. В результате в диалектной системе закрепились два значения:

муруку ‘бурундук’ (Вил., Горн., Нюрб., Олекм., Сунт., Усть-Алд., Верхневил.); *бурбаа* ‘водяная крыса, крот’ (Вил., Горн., Коб., Нюрб., Сунт., Верхневил.). Оба значения формировались зооморфную аналогию. В первом случае семантический переход шел от ‘старого сурка-самца’ к меньшему по размеру, но сходному по образу жизни грызуну – ‘бурундуку’. Во втором – от ‘сурка и барсука’ к ‘водяной крысе’ или ‘кроту’. Подобные метонимические переосмысления связаны с новыми природными условиями и видовой средой Якутии. Фонетическая адаптация также подтверждает бурятское происхождение: в основе *муруку* анлаутный бур. [б] закономерно заменен як. [м], что соответствует процессам адаптации губных согласных в якутском языке [31, с. 53].

Як. *дьирики* ‘бурундук’ [35, Т. 3, с. 357; 14, с. 67]; як. *дьирики* ‘бурундук, *Tamias asiaticus*’ [21, с. 832; 27, с. 73]; як. *дьирики* ‘бурундук’ [32, с. 411]; ‘бурундук азиатский’ [32, с. 418]; як. *дьирики* (Абый., Амг., Бул., Вил., Верхоян., Ордж., Сунт., Усть-Алд., Верхнеколым, Жиг.) // *дьирикки* (Верхоян., Среднекол., Сакк., Верхнекол.) ‘бурундук’ [28, с. 97]. Г.Д. Санжеев относит лексему к монголизмам, источником выступает п.-монг. *jIRKE*¹ (←**jirūke*?), халх. *жирх*, бур. *жэрхи* (зоол.) ‘бурундук’ [25, Т. 2, с. 79]; халх. *жирх* ‘бурундук’ [26, с. 51]. Монгольское происхождение подтверждается рядом регулярных фонетических соответствий: сохранением среднемонгольского [и] – як. *дьирики* ~ п.-монг. *jIRKE*¹ (←**jirūke*?), халх. *жирх*, устойчивостью монгольских аффрикат [j] в анлаутной позиции – як. *дьирики* ~ п.-монг. *jIRKE*¹ (←**jirūke*?), халх. *жирх*, бур. *жэрх*. Семантическая инвариантность формы в якутском и монгольских языках указывает на прямое заимствование без сдвига значения. Широкий диалектный ареал функционирования лексемы, охватывающий как северо-восточные, так и центральные районы, свидетельствует о ее прочном закреплении в системе якутской зоонимической лексики.

Як. *сэйгэн* (Бод., Сунт.) ‘росомаха’ [23, с. 172]: восходит к монгольским формам *jege-gen* / *jegegen*, *jegeken*, ср.: халх. *зээхэн*, калм. *зеекн*, бур. *зээгэн* ‘росомаха’ [25, Т. 3, с. 66; 30, с. 425]. На монгольское происхождение указывают также В.И. Рассадин [14, с. 67] и Н.Н. Широбокова [4, с. 144]. Фонетическая адаптация отразилась в замене начального [j] на як. [с], что соответствует регулярной адаптации монгольских аффрикат в системе якутского языка [17; 9; 14]. Это позволяет отнести лексему к более позднему слою заимствований, вероятно связанному с контактами предков якутов с бурятами. Семантическое значение устойчиво сохраняется. Диалектное наименование росомехи *сэйгэн*, зафиксированное на территории Бодайбинского района Иркутской области и Сунтарского района Якутии [28, с. 172], может свидетельствовать о зоне

активных исторических языковых контактов между монголоязычными народами и якутами, что подтверждается ареальной корреляцией [33, с. 164]. Данное наблюдение согласуется с выводами Н.В. Малышевой и Н.В. Турантаевой о корреляции значительного массива монгольских заимствований якутского языка с восточномонгольской ветвью и о выраженности якутско-бурятских параллелей [34, с. 1951], а также с наблюдением о том, что «среди монгольских лексем бурятская является наиболее устойчивой в якутском языке по структурным и фонетическим показателям» [35, с. 123].

Заключение

Проведенное исследование монгольских заимствований в диалектной зоонимической лексике якутского языка позволило достичь поставленной цели и решить комплекс исследовательских задач, связанных с выявлением, систематизацией и анализом заимствованного пласта.

Полученные результаты уточняют представления о фонетических закономерностях монголо-якутских языковых контактов, дополняют стратификацию монгольских заимствований в якутском языке и выявляют специфику бурятского компонента. Показано, что именно бурятские формы в ряде случаев оказываются ключевыми для объяснения семантических сдвигов: як. *адьырба* ‘жеребец’ – ‘самец медведя’; фонетической адаптации: бур. [б] ~ як. [м:] бур. *бурхи* – як. *муруку*; ареального распределения диалектных форм: *сэйгэн* ‘росомаха’ в западных и южных говорах якутского языка.

Распределение заимствованных форм по диалектам позволяет предположить их проникновение еще в общеп якутский период, тогда как отдельные локальные номинации (*сэйгэн* ‘росомаха’, *орсооху* ‘водяная крыса’) отражают более поздние и регионально ограниченные контакты с бурятами. При этом наибольшее количество бурятских заимствований фиксируется в южных и западных говорах Якутии, что согласуется с историко-географическими условиями взаимодействия якутов и бурят.

Таким образом, бурятский компонент в диалектной зоонимии якутского языка наглядно демонстрирует многослойность монгольских заимствований и выступает важным индикатором этнокультурных и языковых контактов в истории формирования якутского народа.

Сокращения

Абый. – Абыйский район

Амг. – Амгинский район

Бод. – Бодайбинский район Иркутской области

Бул. – Булунский район

бур. – бурятский язык
ВерхнеВил. – Верхневилуйский район
Верхнеколым – Верхнеколымский район
Верхоян. – Верхоянский район
Вил. – Вилуйский район
Горн. – Горный район
дагур. – дагурский язык
Жиг. – Жиганский район
инд. – индигирский говор
калм. – калмыцкий язык
Коб. – Кобяйский район
Лен. – Ленский район
М-Канг. – Мегино-Кангаласский район
монг. – монгольский язык
Нюрб. – Нюрбинский район
Олекм. – Олекминский район
Ордж. – Орджоникидзевский район
п.-монг. – письменно-монгольский язык
Сакк. – Саккырырский район
ср. – сравни
Среднекол. – Среднеколымский район
Сунт. – Сунтарский район
Усть-Алд. – Усть-Алданский район
Усть-Ян. – Усть-Янский район
халх. – халха-монгольский язык
як. – якутский язык

Литература

1. Бетлингк О.Н., Рассадин В.И. *О языке якутов*. Новосибирск: Наука. 1989.
2. Radloff W.W. *Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen*. Санкт-Петербург: типография Императорской академии наук. 1908 (на нем.).
3. Убрятова Е.И. *Якутский язык в его отношении к другим тюркским языкам, а также к языкам монгольским и тунгусо-маньчжурским*. Москва: Издательство восточной литературы. 1960.
4. Широбокова Н.Н. О якутско-монгольских контактах. *Народы и языки Сибири*. Новосибирск. 1980:140–148.
5. Антонов Н.К. *Материалы по исторической лексике якутского языка*. Якутск: Якутское книжное издательство. 1971.

6. Антонов Н.К. О якутских основах неизвестного происхождения. *О.Н. Бетлингк и его труд «О языке якутов»: материалы конференции, посвященной 120-летию выхода в свет труда О.Н. Бетлингка «О языке якутов»*. Якутск. 1972:143–166.
7. Антонов Н.К. *Именное словообразование в якутском языке*: Дис. ... канд. филол. наук. Архив Якутского филиала СО АН СССР. Ф. 5. Якутск. 1953.
8. Антонов Н.К. *Исследования по исторической лексике якутского языка (фонетические особенности именных основ)*. Якутск: Издательский дом СВФУ. 2019.
9. Kałużyński S. *Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo. 1961 (на нем.).
10. Калужинский С. Некоторые вопросы монгольских заимствований в якутском языке. *Труды Института языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР*. 1961;3(8):5–21.
11. Щербак А.М. *Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII–XIV вв.)*. Санкт-Петербург: Издательство Института лингвистических исследований РАН. 1997.
12. Щербак А.М. *Тюркско-монгольские языковые контакты в истории монгольских языков*. Санкт-Петербург: Наука. 2005.
13. Рассадин В.И. Бурятиязмы в якутском языке. *О.Н. Бетлингк и его труд «О языке якутов»: материалы конференции, посвященной 120-летию выхода в свет труда О.Н. Бетлингка «О языке якутов»*. Якутск: Издательство ЯФ СО АН СССР. 1973:167–179.
14. Рассадин В.И. *Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках*. Москва: Наука. 1980.
15. Левин Г.Г. *Историческое отношение якутского языка с древнетюркскими языками VII–IX вв. (в сравнительно-сопоставительном аспекте с восточно-тюркскими и монгольскими языками)*. Якутск: Издательский дом СВФУ. 2013.
16. Шамаева А.Е. *Монгольские параллели диалектной лексики якутского языка*: Дис. ... канд. филол. наук. Якутск. 2012.
17. Малышева Н.В. *Происхождение лексики живой природы: ономазиология и этимология (якутский язык и его диалекты)*: Дис. ... докт. филол. наук. Москва. 2024.
18. Владимирцов Б.Я. *Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия: введение и фонетика*. Ленинград: Издательство Ленинградского Восточного института им. А.С. Енукидзе. 1929.
19. Поппе Н.Н. *Учебная грамматика якутского языка*. Москва: Центриздат. 1926.
20. Малов С.Е. *Памятники древнетюркской письменности: тексты и исследования*. Москва, Ленинград: Издательство Академии наук СССР. 1951.

21. Пекарский Э.К. *Словарь якутского языка: в 3 т.* Ленинград: Издательство АН СССР. 1959.
22. *Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т.* Новосибирск: Наука. 2004–2018.
23. Воронкин М.С., Алексеев М.П., Васильев Ю.И. *Диалектологический словарь языка саха.* Новосибирск: Наука. 1995.
24. Попов Г.В. *Этимологический словарь якутского языка. Ч. 1: А-Дь.* Новосибирск: Наука. 2003.
25. *Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т.* Москва: Институт востоковедения РАН. 2015–2018.
26. *Большой академический монголо-русский словарь: в 4 т. Т. 1: А-Г* / ред. А. Лувсандэндэв, Ц. Цэдэндамба. Москва: Academia. 2001.
27. Hauenschild I. *Lexikon jakutischer Tierbezeichnungen.* Wiesbaden: Harrassowitz. 2008 (на нем.).
28. Афанасьев П.С., Воронкин М.С., Алексеев М.П. *Диалектологический словарь якутского языка.* Москва: Наука. 1976.
29. Nugteren H. *Mongolic phonology and the Qinghai–Gansu languages.* Leiden. 2011 (на англ.).
30. Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. *Бурятско-русский словарь: в 2 т. Т. 1: А-Н.* Улан-Удэ: Республиканская типография. 2006.
31. Широбокова Н.Н. *Историческое развитие якутского консонантизма.* Новосибирск: Наука. 2001.
32. Кулаковский А.Е. *Научные труды.* Якутск: Якутское книжное издательство. 1979.
33. Турантаева Н.В., Малышева Н.В. К вопросу о монгольских заимствованиях в якутской лексике (на материале названий пушных животных). *Вестник СВФУ.* 2024;21(3):159–172. DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2024-21-3-159-172>
34. Malysheva N.V., Turantaeva N.V. The Reflection of Historical and Cultural Contacts in the Language of the Olekminskii Sakha. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences.* 2025;18(10):1946–1963. EDN: OZDUGF (на англ.)
35. Турантаева Н.В., Малышева Н.В. О некоторых монголизмах в диалектной лексике якутского языка (на материале языка олонхо). *Эпосоведение.* 2025;2(38):117–136. DOI: <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2025-2-117-136>

References

1. Bötlingk ON, Rassadin VI. *On the Yakut language.* Novosibirsk: Nauka. 1989 (in Russian).
2. Radloff W.W. *Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türkssprachen.* In 4 Vol. Saint Petersburg. 1899–1911 (in German).

3. Ubryatova EI. *The Yakut language in its relation to Turkic, Mongolic and Tungusic-Manchu languages*. Moscow: Oriental Literature Publishing House. 1960 (in Russian).
4. Shirobokova NN. On Yakut–Mongolic contacts. *Peoples and languages of Siberia*. Novosibirsk. 1980:140–148 (in Russian).
5. Antonov NK. *Materials on the historical lexicon of the Yakut language*. Yakutsk: Yakut Book Publishing House. 1971 (in Russian).
6. Antonov NK. On Yakut stems of unknown origin. *Boetlingk ON and his work "On the Yakut language"*. Yakutsk. 1972:143–166 (in Russian).
7. Antonov NK. *Nominal word formation in the Yakut language*. Candidate's dissertation (Philology). Yakutsk. 1953 (in Russian).
8. Antonov NK. *Studies on the historical lexicon of the Yakut language (phonetic features of nominal stems)*. Yakutsk: NEFU Publishing House. 2019 (in Russian).
9. Kałużyński S. *Mongolic elements in the Yakut language*. Warsaw: Państwowe Wydawnictwo. 1961 (in German).
10. Kałużyński S. Some issues of Mongolic borrowings in the Yakut language. *Proceedings of the Institute of Language, Literature and History*. 1961;3(8):5–21 (in Russian).
11. Shcherbak AM. *Early Turkic–Mongolic language contacts (8th–14th centuries)*. Saint Petersburg: Institute of Linguistic Studies RAS. 1997 (in Russian).
12. Shcherbak AM. *Turkic–Mongolic language contacts in the history of Mongolic languages*. Saint Petersburg: Nauka. 2005 (in Russian).
13. Rassadin VI. Buryatisms in the Yakut language. *Boetlingk ON and his work "On the Yakut language"*. Yakutsk. 1973:167–179 (in Russian).
14. Rassadin VI. *Mongolic–Buryat borrowings in Siberian Turkic languages*. Moscow: Nauka. 1980 (in Russian).
15. Levin GG. *Historical relations of the Yakut language with Old Turkic languages of the 7th–9th centuries*. Yakutsk: NEFU Publishing House. 2013 (in Russian).
16. Shamaeva AE. *Mongolic parallels in the dialect vocabulary of the Yakut language*. Candidate's dissertation (Philology). Yakutsk. 2012 (in Russian).
17. Malysheva NV. *The origin of the vocabulary of living nature: onomasiology and etymology (Yakut language and its dialects)*. Doctor's dissertation (Philology). Moscow. 2024 (in Russian).
18. Vladimirtsov BYa. *Comparative grammar of the written Mongolian language and the Khalkha dialect*. Leningrad: Leningrad Oriental Institute Publishing House. 1929 (in Russian).
19. Poppe NN. *A textbook grammar of the Yakut language*. Moscow: Tsentrizdat. 1926 (in Russian).
20. Malov SE. *Monuments of Old Turkic writing: texts and studies*. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House. 1951 (in Russian).

21. Pekarsky EK. *Dictionary of the Yakut language. In 3 Vol.* Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House. 1959 (in Russian).
22. *Great explanatory dictionary of the Yakut language. In 15 Vol.* Novosibirsk: Nauka. 2004–2018 (in Russian).
23. Voronkin MS, Alekseev MP, Vasiliev YuI. *Dialectological dictionary of the Sakha language.* Novosibirsk: Nauka. 1995 (in Russian).
24. Popov GV. *Etymological dictionary of the Yakut language. Part 1.* Novosibirsk: Nauka. 2003 (in Russian).
25. *Etymological dictionary of the Mongolic languages. In 3 Vol.* Moscow: Institute of Oriental Studies RAS. 2015 (in Russian).
26. *Great academic Mongolian–Russian dictionary. In 4 Vol.* Moscow: Academia. 2001 (in Russian).
27. Hauenschild I. *Lexicon of Yakut animal names.* Wiesbaden: Harrassowitz. 2008 (in German).
28. Afanasyev PS, Voronkin MS, Alekseev MP. *Dialectological dictionary of the Yakut language.* Moscow: Nauka. 1976 (in Russian).
29. Nugteren H. *Mongolic phonology and the Qinghai-Gansu languages.* Leiden. 2011 (in English).
30. Shagdarov LD, Cheremisov KM. *Buryat–Russian dictionary. Vol. 1.* Ulan-Ude: Republican Printing House. 2006 (in Russian).
31. Shirobokova NN. *Historical development of Yakut consonantism.* Novosibirsk: Nauka. 2001 (in Russian).
32. Kulakovskiy AE. *Scientific works.* Yakutsk: Yakut Book Publishing House. 1979 (in Russian).
33. Turantaeva NV, Malysheva NV. On Mongolic borrowings in the Yakut lexicon (based on names of fur-bearing animals). *Vestnik of NEFU.* 2024;21(3):159–172 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2024-21-3-159-172>
34. Malysheva N.V., Turantaeva N.V. The Reflection of Historical and Cultural Contacts in the Language of the Olekminskii Sakha. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences.* 2025;18(10):1946–1963. EDN: OZDUFG (на англ.)
35. Турантаева Н.В., Малышева Н.В. О некоторых монголизмах в диалектной лексике якутского языка (на материале языка олонхо). *Эпосоведение.* 2025;2(38):117–136. DOI: <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2025-2-117-136>

Об авторах

ТУРАНТАЕВА Нина Васильевна – младший научный сотрудник, Международная научно-исследовательская лаборатория «Лингвистическая экология Арктики», Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, Якутск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1776-5603>, WoS ResearcherID: OIR-4617-2025, Scopus Author ID: 60029145800, Elibrary AuthorID: 1280245, SPIN: 4076-1780, e-mail: nv.turantaeva@svfu.ru

ЭРДЭНЭ-ОЧИР Түмэн-Очир – Ph.D. (лингвистика), доцент, Монгольский государственный университет, Улан-Батор, Монголия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5838-2131>, WoS ResearcherID: AAY-7751-2021, Scopus Author ID: 57224354258, e-mail: erdeneochir@num.edu.mn

About the authors

Nina V. TURANTAIEVA – Junior Researcher, Research Laboratory “Linguistic Ecology of the Arctic”, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1776-5603>, WoS ResearcherID: OIR-4617-2025, Scopus Author ID: 60029145800, Elibrary AuthorID: 1280245, SPIN: 4076-1780, e-mail: nv.turantaeva@svfu.ru

Tumen-ochir ERDENE-OCHIR – Ph.D. (Linguistics), Associate Professor, National University of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5838-2131>, ResearcherID: AAY-7751-2021, Scopus Author ID: 57224354258, e-mail: erdeneochir@num.edu.mn

Вклад авторов

Турантаева Н.В. – разработка концепции, методология, верификация данных, проведение исследования, администрирование данных, создание черновика рукописи, редактирование рукописи, визуализация

Эрдэнэ-Очир Т.-О. – разработка концепции, методология, верификация данных, проведение исследования, администрирование данных, редактирование рукописи, визуализация, руководство исследованием, администрирование проекта

Authors' contribution

Nina V. Turantaeva – conceptualization; methodology; validation; investigation; data curation; writing – original draft; writing – review & editing; visualization

Tumen-ochir Erdene-Ochir – conceptualization; methodology; validation; investigation; data curation; writing – review & editing; visualization; supervision; project administration

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author(s) declare no relevant conflict of interests

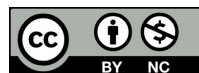
Поступила в редакцию / Submitted 06.10.2025

Поступила после рецензирования/Revised 10.11.2025

Принята к публикации / Accepted 07.12.2025

УДК 811.512.155

<https://doi.org/10.25587/3034-7378-2025-4-94-110>

Оригинальная научная статья

Лексико-семантическая группа «Жилые постройки» в шорском языке на фоне общетюркской лексики

И. В. Шенцова

Институт филологии СО РАН,
Новосибирск, Российская Федерация
✉ ivshen@yandex.ru

Аннотация

В гуманитарном пространстве современной цивилизации большое внимание уделяется феноменам языка и культуры малочисленных этносов и проблеме ревитализации исчезающих языков. В настоящее время проводится изучение языковых систем малочисленных народов, фиксируются результаты исследований. Культуру этноса наиболее ярко отражает лексический фонд языка. Перспективным направлением исследований лексики является тематическая презентация единиц лексикона. Слова, обозначающие жилые постройки, составляют важную часть лексики языка, они являются хранителями сведений о развитии этноса в процессе освоения пространства. Лексические единицы, которые входят в общий фонд шорского языка, сохраняют признаки говоров и диалектов, указывают на межэтнические связи. Целью данной работы является описание лексико-семантической группы как части шорского лексикона. В качестве основных методов использованы положения сравнительно-исторического языкознания и прием тематического описания лексики. В результате определен актуальный состав лексико-семантического подразделения, представлен исторический фон, на котором функционируют шорские лексемы, показана связь шорского языка, его диалектов и говоров с тюркскими языками разных классификационных групп. Интегрированная общетюркская лексика в шорском языке отражает древнее генетическое родство тюркских этносов. Лексикологическое описание единиц шорского языка выявляет и его ареальные особенности. Практическое значение имеет проведенная фиксация тематической лексики и ее контекстов, что позволяет консервировать аутентичные языковые единицы, необходимые для процесса сохранения языка и оптимизации его использования в устной и письменной речи носителей. В перспективе рассмотренная лексико-семантическая группа «Жилые постройки», являясь

составной частью тематического поля «Обитаемое пространство человека», позволяет перейти к описанию названий типов поселений у шорцев. Полученный сегмент лексикона войдет в тезаурус шорского языка как его составная часть.

Ключевые слова: сравнительно-историческое языкознание, ареальная лингвистика, лексикология, лексико-семантическая группа, тезаурус, древнетюркские языки, тюркские языки, шорский язык, сибирские тюрки, малочисленные этносы

Для цитирования: Шенцова И.В. Лексико-семантическая группа «Жилые постройки» в шорском языке на фоне общетюркской лексики. *Арктика XXI век*. 2025;(4):94–110. DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2025-4-94-110>

Original article

The lexico-semantic group “Residential buildings” in the Shor language against the background of common Turkic vocabulary

Irina V. Shentsova

Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation

✉ ivshen@yandex.ru

Abstract

In the humanitarian space of modern civilization, much attention is paid to the phenomena of languages and culture of small ethnic groups and the problem of the revitalization of endangered languages. Currently, the linguistic systems of small-numbered peoples are being studied and research results are being recorded. The lexical fund of the language most vividly reflects the culture of an ethnic group. A promising area of vocabulary research is the thematic presentation of lexicon units. Words denoting residential buildings form an important part of the vocabulary of the language, they are the keepers of information about the development of an ethnic group in the process of space exploration. Lexical units that are part of the general stock of the Shor language retain signs of dialects and indicate inter-ethnic ties. The purpose of this work is to describe the lexico-semantic group as a part of the Shor lexicon. The research materials are original Shor texts, data from dictionaries, grammatical and etymological descriptions. The basic research method uses the provisions of comparative historical linguistics, as well as the method of thematic description of vocabulary. As a result, the current composition of the lexical and semantic division is outlined, the historical background on which the Shor lexemes

function is presented, the connection of the Shor language, its dialects with the Turkic languages of different classification groups is shown. The integrated common Turkic vocabulary in the Shor language reflects the ancient genetic kinship of the Turkic ethnic groups. The lexicological description of the units of the Shor language reveals its areal features. The fixation of thematic vocabulary and its contexts is of practical importance, it helps to preserve authentic linguistic units necessary for the process of preserving the language and optimizing its use in the oral and written speech of native speakers. In the future, the considered lexical and semantic group “Residential buildings”, being an integral part of the thematic field “Human habitable space”, makes it possible to describe the names of settlement types among the Shors. The resulting segment of the lexicon will be included in the thesaurus of the Shor language as an integral part of it.

Keywords: comparative linguistics, areal linguistics, lexicology, lexico-semantic group, thesaurus, Ancient Turkic languages, Turkic languages, Shor language, Siberian Turkic peoples, small ethnic groups.

For citation: Shentsova I.V. The lexico-semantic group “Residential buildings” in the Shor language against the background of common Turkic vocabulary. *Arctic XXI Century*. 2025;(4):94–110 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2025-4-94-110>

Введение

В данной работе проводится системное описание лексики языка шорцев на примере отдельной лексико-семантической группы. Шорцы – коренное тюркское население Кемеровской области, включенное в список миноритарных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока [1, с. 5–12]. Освещение лексики исчезающего языка можно отнести к одному из средств на пути его ревитализации.

Шорский язык, как этнолингвистический феномен, сформировался на базе языков племен, населявших долины верховьев реки Томь, а именно ее крупных притоков: р. Мрассу, Кондома, Аба. Территория Шории с древних времен подвержена процессам активной миграции народов. Длительный этногенетический процесс привел к постепенному стиранию различий между мрасским и кондомским диалектами шорского языка, что позволяет считать современных шорцев единым народом [2, с. 7–154].

В системах шорского языка (фонетике, грамматике, лексике) обнаруживаются следы языков-субстратов и языков-адстратов. Включенный в классификационное подразделение «Сибирские языки» [3, с. 733], шорский язык обнаруживает элементы языков других подразделений

тюрков (огузов, кыпчаков, карлуков, болгар), а также элементы, свидетельствующие о связях шорского языка с палеоазиатскими, самодийскими, тунгусо-маньчжурскими, угорскими, монгольскими языками и китайским языком.

Межэтнические связи наиболее очевидно отражены в лексике. Тюркские языки Сибири (диалекты сибирских татар, чулымско-тюркский, алтайский, хакасский, шорский, тувинский и тофаларский языки) по многим признакам объединены в языковой союз [4, с. 219–231; 2, с. 186–196]. Лексические параллели, отдельные изоглоссы отражены в материалах диалектологического атласа тюркских языков Сибири [5]. Тематический подход к освещению данных о лексике тюркских языков осуществлен в «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика» [6].

Материалы и методы

В основе данной работы лежат методы и приемы сравнительно-исторического языкознания, а также способ представления концептов, разработанный в отечественной тюркологии. Материал сопоставления, полученный из монографий, этимологических и двуязычных словарей, распределен по генетическим группам для выявления шорских межъязыковых контактов.

Метод тематического описания шорской лексики является инновационным. Концепты, касающиеся важных сфер жизни шорцев, и рассмотренные на фоне данных из других языков, достоверно отражают исторические связи и межкультурное взаимодействие в языковом пространстве России и прилегающих территорий, что является актуальной проблемой современного общества.

В русле тематических разработок лексики шорского языка написаны статьи, касающиеся сфер «культура» и «социум». Опубликованы работы о шорских терминах литературных жанров, названиях музыкальных инструментов, лексемах с семантикой 'народ' и др. Шорский материал, освещаемый в сопоставлении с данными из других языков, уточняет «территории покрытия аналоговыми единицами» в системе тюркских лингвистических ареалов [7; 8; 9].

Поступательное описание тематических подразделений шорского языка формирует общую картину его лексической системы, показывает пути формирования языка шорцев в интеграции с языками окружающих этносов.

Названия жилищ – элемент оформления обитаемого пространства. Постройки относятся к денотатам – артефактам, противопоставленным природным объектам (ландшафту). Рассматриваемые лексические

единицы с семантикой «жилье» отражают формы бытования этноса, этапы складывания общешорского языка на основе его диалектов и говоров.

Практическая значимость работы заключается в возможности ее использования при составлении словарей, для кодификации языка. Фиксация аутентичных форм в целом служит целям сохранения исчезающего языка.

В лексико-семантической группе «Жилые постройки» выделяются единицы, обозначающие временные жилища, и единицы, указывающие на круглогодичное проживание. Описание языкового материала осуществляется с привлечением данных из других тюркских языков, служащих фоном истории становления языка шорцев.

Результаты и обсуждение

Лексемы, обозначающие временные постройки

АЛАНЧЫК. Общетюркское слово *alačik* ‘шалаш’ (в фонетических вариантах) отмечено в древнетюркских языках, в тюркских языках раннего средневековья (др.-уйг., крх.-тюрк., ср.-кыпч., чаг., ст.-осм.). В современных тюркских языках и диалектах эта единица представлена в группах: огузской (тур., турк.), кыпчакской (кум., ккал., тат. диал., баш., каз., кир.), болгарской (чув.). В отдельных тюркских языках лексема развила значения ‘сарай для сена’, ‘хлев’, ‘предбанник’, ‘двор’, др. [10, с. 131; 5, с. 497].

В языках сибирских тюрков зафиксированы формы: алт, тел. *аланчык* ‘круглая войлочная юрта’; ‘обруч из прутьев, охватывающий жерди айыла’, хак. *алачых* ‘летнее хакасское жилище конусообразной формы из жердей, покрытое берестой или кошмой’; тув., тоф. *alažu*, як. *алаһа* ‘родной дом, домашний очаг’ [10, с. 131; 6, с. 497; 11, с. 16; 12, с. 51; 13, с. 13].

В структуре лексемы вычленяется аффиксы уменьшительности =к, =чу (с вариантами). Соответственно, в качестве основы рассматриваются формы **алаң* ~ **алаг* ~ **алав* ~ **ала*. Варьирующиеся конечные согласные основы обнаруживаются в диалектных формах турецкого языка [10, с. 131].

Слово *аланчык* ‘юрта из жердей, покрытая корой и иногда войлоком’, ‘шалаш’, как отмечает В. И. Вербицкий, используется в томском и верхнекондомских говорах шорского языка [14, с. 18]. Это слово Э. Ф. Чиспияков относит к словам пассивного фонда в шорском языке [2, с. 162].

ЯЙЛАГ. Лексема *жайлаг*, отмеченная для кондомского диалекта шорского языка, а также тел., н.-б. *јаулу* ‘летнее жительство’, ‘летник’ (‘летняя юрта’, ‘летнее кочевье’) [14, с. 69], имеет параллели с хак.

чайлаг ‘летник’, ‘летняя усадьба’ (а также ‘летнее пастбище’), тув. ‘летнее жилье’, баш. *йәйләү* ‘войлочная юрта’ (баш.) [12, с. 927; 15, с. 78].

Единицы *јаулу* ~ *жайлаг* относятся к общетюркскому фонду, представляют собой субстантивные дериваты глагола *йа:йла*= (< **йа:й* ‘лето’). Однако в большинстве тюркских языков единица *јаулу* ~ *жайлаг* (в фонетических вариантах) обозначает ‘пастбище’ (аз., тур., турк., тур., ног., кум., ккал., уйг., лоб., кир., каз., тат., алт., хак., тув.), ‘летняя стоянка кочевников’ (тат., баш.), ‘летнее кочевье’ (алт.) [15, с. 78–79].

ОТАГ. Общетюркское слово *отау* ‘шалаш, шатер’ (в фонетических вариантах) отмечено в древнетюркских языках, в тюркских языках раннего средневековья (др.-уйг., вост.-тюрк., чаг., осм.). В современных тюркских языках и диалектах эта единица представлена в группах: огузской (аз., тур., турк.), карлукской (узб., уйг., лоб.), кыпчакской (кум., ккал., кбал., ктат., ног., тат. диал., баш., каз., кирг.). В отдельных тюркских языках лексема развила значения ‘стан’, ‘жилище’, ‘очаг’, ‘род’, ‘семья’, др. Форма *ода* имеет значение ‘комната’ (тур., гаг., ктат., кар., уйг.) [10, с. 484–485; 6, с. 496].

В языках сибирских тюрков зафиксированы формы: алт., тел. *оду* ‘стан, шалаш’, хак. *отак* ‘шалаш’, *от отак* ‘шалаш, покрытый травой’, *хахпас отак* ‘шалаш, покрытый корой’; тув., тоф. *отай* ‘охотничий стан, бивак, стоянка с костром’, якут. *отуу* ‘укрытие, стоянка с шалашом из сена’, шор. *одаг* ‘шалаш, балаган’ [11, с. 114; 16, с. 57; 12, с. 317; 13, с. 17; 17, с. 35].

Этимон лексемы *отай* связывают с омонимами: *от* ‘огонь’ [6, с. 496] или *от* ‘трава’ [10, с. 485]. Тюркское слово в качестве заимствования вошло в славянские языки. Так, по данным *F. Miklosich* в польском языке *otak* ‘мелочная лавка’, *oda* ‘комната’, в болгарском и сербском *odaja* ‘комната’ являются тюркского происхождения [10, с. 487]. В русские говоры Сибири лексема *отай* вошла в форме *отоги* ‘место у костра для ночевки в зимнее время’ [18, с. 412].

В шорском языке рассматриваемое слово имеет фонетические варианты. Форма *одаг* фиксируется в нижнекондомском говоре кондомского диалекта (улус Тагдагал, современный г. Осинники) [19, с. 14], в нижнеморасском говоре морасского диалекта (улус Томазак, современный г. Мыски) [20, с. 267]. Форма *одаң* отмечена в верхнеморасском говоре морасского диалекта [Там же, с. 262–264], а также в других местах проживания шорцев по реке Морассу: в селе Корай [21, с. 40–41], в селе Чувашка [Там же, с. 33]. Как отмечено выше, в верхнекондомских говорах в значении ‘шалаш’ используется слово *аланчык*, близкое слову хакасского языка *алачых* ‘шалаш’, отнесенному к историзмам [12, с. 51].

В говорах шорского языка аналоговая единица реализуется в вариантах *одаг* ~ *одаң* (о чередовании *г* ~ *ң* см. [2, с. 128; 140]). Форма *одаң* используется в томском говоре мрасского диалекта шорского языка, что подтверждают тексты охотничьих рассказов М.П. Амзорова и А.И. Чудоякова [21, с. 24–36; 39–41].

В шорских текстах лексема *одаг* ~ *одаң* употребляется в трех основных значениях. Так, объект, именуемый *одаг*, определяется этнографами как ‘летний шалаш, каркасное строение в форме усеченной пирамиды’ [22, с. 99]. В культуре тюрков подобное сооружение используется в процессе свадебного ритуала. Значение ‘шалаш, шатер для молодоженов, комната для молодых’ лексемы *отау* отмечено в нескольких тюркских языках. На территории Саяно-Алтая ‘свадебный шалаш невесты’ в алтайском языке обозначается как *оду* (< *одаг*), а в хакасском языке – *алачых* [10, с. 485; 12, с. 51].

Временное жилище в форме конуса, приготовленное из тонкоствольных березок и покрытых берестой (*одах*), как элемент свадебного обряда кондомских шорцев описывает В.И. Вербицкий: «*Одах*, или супружеская юрта стоит три дня. <...> Супружеский *одах* готов, но юрта, которую жених, по неизменному обычаю для сожительства с молодой женою, должен выстроить новую, стоит еще без чувала» [23, с. 113].

Слово *одаг* в шорском языке относят и к утепленному строению, пригодному для круглогодичного проживания [22, с. 100]. В таком значении слово *одаг* употреблено в тексте о богатом шамане. На русский язык слово *одаг* традиционно переводится как *юрта*: *Ааң ооллары кижги алганда ол пала сайа пир паиқа одаг тургусқан полтур* (н.-мр.) ‘Когда его сыновья женились, он каждому отдельную юрту ставил’ [20, с. 290–293].

Актуальным для шорского языка является значение *одаг* ~ *одаң* – ‘охотничий балаган’. Охотничий сезон открывается зимой. Чтобы построить *одаг*, охотники убрали снег до самой земли и устилали площадку лапником (ветвями хвойного дерева). Стволы сосенок, устанавливаемые наклонно к растущему около площадки дереву, покрывали лапником. Внутри устраивали место для очага (сведения А. В. Адрианова, Д. Ярославцева в: [Там же, с. 395–396]). Примеры из диалектов и говоров: *Ол тайгага келип, одаг тургужуп, шачынганнар. Анаң аңна пергенер* (н.-мр.) ‘В ту тайгу придя и балаган поставя, моление совершили. После того стали промышлять’ [Там же, с. 254, 256]; *Ээде от қажында эрбектешкенмисче, улуг кижилер одаңа чыылыжа пердилер* (том.) [21, с. 34] ‘Пока мы около очага беседовали, в балагане стали собираться взрослые (охотники)’.

Лексемы, обозначающие круглогодичное проживание

В тюркских языках звуковой комплекс из гласной переднего ряда и конечной согласной, каждый из которых вступает в отношения альтернации, составляет единицу с семантикой 'дом'. Гласный звук этой единицы варьируется по подъему и огубленности: $i \sim e \sim \ddot{o} \sim \ddot{y}$. Альтернации конечного согласного являются закономерными для тюркских языков и диалектов: $b \sim v \sim p \sim m \sim \gamma \sim j$. Фонетический облик единицы модифицируется протезами и элизией [10, с. 513].

Формы единицы с семантикой 'дом' с лабиальным ауслаутом: $eb \sim ev \sim ib \sim ep \sim em$: др.-т., саг., койб. *eb*, др. уйг., осм., чаг., аз., тур., ктат., кар. к. *ev*, *jev*, др.-т. *ev*, *ew*, хак. *ib*, кач. *ip*, др.-уйг., койб., кызыл., кюэр., к. *ep*, шор. *em*, шор. диал. *öm*, алт. диал. (туба) *iüw* [10, с. 513]. Конвергентную черту этих форм можно считать огузской, проявляемую в западных, центрально-азиатских и сибирских диалектах.

Форма эм 'дом' является общешорской, хотя другие огласовки сохраняются в говорах. Дериват этой единицы: эмдеги 'хозяйка', 'жена'; 'домашний' [17, с. 73].

Денотат 'дом' в реальности представлен разными типами жилища. До взаимодействия с русскими (начало XVII в.) жилище строилось из бревен, образующих конус. Следует отметить, что в отечественной традиции конусообразные строения коренного населения именовались «юрта» [18, с. 718]. Однако в тюркских языках слово *йурт* > *юрта* в большей степени относится к территории (стойбище, селение, родина, др.) [15, с. 254–255; 24, с. 215–228].

Под влиянием переселенцев коренное население на территории Шории перенимало конструкцию из бревен типа «изба». В XVIII в. для крещеных в православие «инородцев» строились избы в отдельных поселениях [23, с. 9; 2, с. 9].

Фонетический вариант *öm* обнаружен в верхнемрасском говоре на р. Анзасс: *Аңнап чөрүп наныбыскан. Алында өлген кижилердиң кижичатпаанчыган эски өмнер полганнар* [11, с. 328–329] 'С охоты (я) домой возвращался. Передо (мною) умерших людей нежилые дома были'.

В верхнемрасских говорах возможен вариант *öb* (> *öbünge*): *Анаңпазоқ ұжұнчизин өбүнге четтир-пара-чөр, пазоқ, қабын тала шаптыр, тәужүрбискен* 'Потом снова в третий раз, когда (он) почти дошел и донес рыбу уже до дома, опять рыба прорвала мешок, и он ее уронил' [20, с. 236–237].

В речи одного и того же лица формы *эп* (эбенең) ~ *эм* (эмде) чередуются: *Улуг кижичи өлгенде ааң сүрүнези қанче-қанче күнге шығара чатқан эбенең чарыл полбаан эбере чөрча. Кижичи өлген соонда ол эмде*

чети кўнге шығара қарағызын от кўйча ‘Когда умрет взрослый человек, его душа в продолжение нескольких дней ходит кругом дома, где этот человек жил, не в силах отойти (оттуда). После того как умрет человек, в его доме в течении семи дней ночью горит огонь’ [20, с. 334–335].

Дериват *эпчи* ‘женщина’, ‘жена’ (< *эп* ‘дом’) отмечен для говоров мрасского диалекта шорского языка (н.-мр., в.-мр.), в верхнекондомском говоре – *апкай* (*ап* < *эп*, =*кай* – ум.-ласк. аффикс) [1, с. 174]. В словаре [17, с. 73] *эпчи* приводится с семантикой ‘женщина’.

Фонетическая форма *эм* ‘дом’ как литературная норма используется в шорской учебной и в авторской литературе XX–XXI вв.: *Ол темде аймақтарда мағат чақшы эмнер кәдүрдүлер* [21, с. 36] ‘В то время в селах очень хорошие дома возводили’ (из рассказа А. И. Чудоякова, п. Корай, томский говор мрасского диалекта); *Түк-малды чақшы тапқанда, эмге аңчылар үргүнүшкенче нанчылар* [21, с. 36] (мр.) ‘С хорошей добычей (букв. когда добычу хорошо найдут) домой охотники, радуясь, возвращаются’; *Қашқачақ қысна оол, օзәлынаң эм иштеп, чада пертирлер* ‘Парень с девушкой-кашкачкой, построив отдельный дом, стали жить’ [2, с. 407] (мр.; *кашкачак, кашкачачка* – люди недружественного племени).

Формы со среднеязычным *j* используются в огузских и кыпчакских языках и диалектах: турк., тур. диал., уз. диал., уйг., лоб., тар., чаг., казан., каз. *өj* ‘дом’ [10, с. 513]. В языках Алтайского нагорья: алт. *үй* ‘дом, жилище, юрта’, тел. *үй* ‘дом’, шор. диал. *үй* ‘дом’ (к.) [11, с. 171; 16, с. 94; 17, с. 59; 2, с. 128]. В.И. Вербицкий форму *үй* ‘дом’ отметил для нижнекондомских и томских говоров кузнецких инородцев и верхне- и нижнебийских говоров алтайцев: *үй киж(и)зи*, *үй ээзи* ‘женщина’ (‘дом’ + ‘человек’, ‘хозяин’). Корень *үй* ‘дом’ есть в производном слове *үйчек* ‘гробница, надмогильный сруб’ [14, с. 411].

Формы с гуттуральным ауслаутом *ү* отмечены для небольшого ареала: тув. *öү*, шор. диал. *үг* (в.-к.), *үг* (в.-мр.) ‘дом’ [10, с. 513; 14, с. 398; 2, с. 414]. Производные формы в верхнекондомских говорах: *үгези киж(и)зи* ~ *үгэзе кэжэ* ~ *үгесе киж(и)зи* ‘женщина, жена’ [2, с. 174].

Форма с ауслаутом *ү* может быть объяснена действием субстратов, а также нельзя не учитывать внутриязыковые закономерности чередования *j* ~ *ү*. На территории Шории единицы с ауслаутом *ү* используются в верхнекондомском и верхнемрасском говорах: *үгда кьжил’ерьна ул’үгезен айдъ бер* (в.-к.) [2, с. 414] ‘дома своим людям большой привет передавай (букв. скажи)’; *Шаалга аара қузуқ одуң тик салтырлар, от чалбырап кўйча: үг ишти чарық та, изиг да* [21, с. 97] ‘Из-за того, что в очаг положили кедровые поленья, огонь горит, потрескивая: внутри дома *үг* и светло, и тепло’ (в.-мр., из рассказа Ф.С. Чиспиякова).

В мрасских текстах (рассказы Ф.С. Чиспиякова) выявляется составное слово *қас-ўғ*, построенное по принципу изафета-I. Единица *қас* является названием племени качинцев, соседствующем с мрассцами. В хакасском языке качинцы закономерно обозначаются как *хаас* [12, с. 767].

Көзүнек чоқтаң аара қас-ўғ иштинде кўн шалбаанча [21, с. 66] ‘Из-за того, что в жилище *қас-ўғ* нет окна, солнце его не освещает’;

<...> *чуладақ қажында қас-ўғ тўдўнепча*. <...> *Қас-ўғдиң ишти постарыңның-оқ ошқаш: эбире чалбақ оруңнар, эжиктиң сол чанда шаал* ‘<...> на берегу речушки юрта дымится (дым выходит из отверстия на вершине строения). <...> Внутри юрта такая же, как у них: кругом нары, слева от двери шаал (очаг)’ [2, с. 404].

Лексема *өрге* ‘дворец’ (в фонетических и семантических вариантах) отмечена в основном в тюркских ареалах Средней, Центральной Азии и Сибири: др.-т., чаг., вост.-тюрк., кир., турк. диал., алт., тел., хак., тув., шор., лоб. [10, с. 546].

Семантика рассматриваемой лексемы охватывают значение ‘жилое помещение’: ‘дом, богатая юрта героя, замок, ставка правителя, храм’, як *ürgüö d’ie* ‘юрта для свадебного обряда’. Тюркские лексемы Г. Рамстедт, М. Рэсэнен, Б.Я. Владимирцов возводят к монгольским формам, семантику которых можно обобщенно обозначить как ‘ставка’. В монгольской и тюркской формах слова отмечается наличие генетически общей производной основы – глагола с семантикой ‘поднимать’, ‘возводить’. Значение ‘возвышение’ наличествует в единицах: чаг. ‘возвышенность для установления юрты’, тат. диал. ‘фундамент’, др.-т., лоб. ‘трон, престол’ [10, с. 547; 6, с. 502].

В шорском языке слово *өрге* ‘дворец’ является маркером эпического текста: *Улуг чуртуң орта черде алты азақтыг алтын өрге турган полтыр* (к.) [19, с. 10] ‘В середине земли великих поселений шесть опор имеющий золотой дворец стоит, оказывается’; *Алтын өргеең иштинде қарғаның қаны қара албатқы чоннуң пийи Қаан-Арго печелиг Қан Мерген чуртапча* (мр.) ‘Внутри золотого дворца царь воронов, черного подданного народа начальник, имеющий старшую сестроу Кан Арго, Кан Мерген живет’ [20, с. 82–83].

Лексические единицы, рассмотренные в статье, являются частью исторического профиля шорского языка. Распределение этих лексем в говорах шорского языка показывает контакты населения Шории со времен Раннего Средневековья с племенами, которые в дальнейшем образовали крупные подразделения огузов, кыпчаков, карлуков, болгар. При анализе фонетических форм шорских единиц причины вариативности

форм могут быть объяснены также внутренними закономерностями языка и влиянием субстратов.

Так, лексема *аланчык*, принадлежащая верхнекондомским говорам, имеет параллели с огузскими, кыпчакскими и болгарскими языками. Лексема *одаг* с вариантом *одаң* в говорах шорского языка позволяет провести параллели с единицами в кыпчакских, огузских, карлукских языках.

Единица, обозначающая жилье на летнем пастбище, широко распространенная в языках тюрков, занятых скотоводством, в языке шорцев, жителей тайги, не получила широкого распространения. Лишь в верхнекондомских говорах, носители которых территориально близки к алтайцам, зафиксировано слово *жайлаг* ‘летняя юрта кочевника’.

Фонетические формы единицы **eb* ‘дом, жилище’ составляют многочисленные территории, на которых представлены все фонетические варианты этой единицы: *эн ~ өн*, *эм ~ өм*, *јг ~ јй*. Поскольку в сводной таблице «Примерное заполнение номинационной решетки “Жилище” в тюркских языках» [25, с. 461–468] отмечены не все шорские варианты: только формы *эм*, *эмдеги* и конд. *јј* [25, с. 462], в последующих публикациях могут быть учтены результаты данного исследования.

Контакт с монгольскими племенами и «данничество» монголам в средневековье нашло отражение в использовании единицы *örge* ‘дворец’, ареал которой охватывает тюркские языки Сибири, Центральной Азии и, частично, территорию Предуралья.

В отношении кодификации шорского языка можно отметить, что естественные процессы привели к установлению единой литературной единицы со значением ‘дом’ – форму *эм*, хотя это слово имеет омоним *эм* лекарство. Остальные фонетические формы стали стилистически окрашенными, их можно отнести к историзмам, поскольку они обозначают такие конструкции жилищ, которые сейчас не используются, но их использование возможно при расширении семантики. Так, слово *örge* ‘дворец’, встречающееся в эпических текстах, может найти применение в контекстах ‘дворец спорта’ и под.

Отмеченные параллели с единицами из всех генетических групп тюркских языков, несомненно, отражают динамику миграций тюркских племен в определенные исторические периоды. Состав шорской лексико-семантической группы не включает слова, обозначающие разные виды кибиток, отмеченные для языков тюркских народов, населяющих степи [6, с. 502]. Эта особенность является характеристикой языков народа, проживающего в тайге. Слово, обозначающее средство для перемещения вещей, в шорском языке – *абра* ‘телега’ [17, с. 138]. Однако,

перемещение груза у кочующих автохтонов тайги осуществлялось по узким тропам на нагруженной лошади. Жители таежной зоны при миграции оставляли свои дома (построенные из стволов деревьев) и забирали собой самые необходимые вещи (кухонные и охотничьи принадлежности). На другом месте отстраивались новые жилища.

Заключение

Результатом исследования является продукт – компактно представленное описание сегмента шорского лексикона. В анализ были привлечены все имеющиеся данные говоров и диалектов шорского языка.

При современном состоянии шорского языка можно констатировать, что лексико-семантическая группа «Жилые постройки» сформирована. Расширение состава этого лексического подразделения возможно за счет действующих языковых процессов: создания неологизмов на материале родного языка и заимствования лексики. Полученные данные могут быть использованы при разработке новых словарей шорского языка, в практике речевого общения на родном языке, а также в учебной и творческой деятельности. Использованный метод представления фрагмента лексической системы является перспективным для создания лексического тезауруса шорского языка.

Сокращения

Языки и диалекты

аз. – азербайджанский
алт. – алтайский
баш. – башкирский
вост.-тюрк. – восточнотюркский
др.-т. – древнетюркский
др.-уйг. – древнеуйгурский
диал. – диалект
каз. – казахский
казан. – казанский
кар. – караимский
кар. к. – крымский диалект караимского языка
кач. – качинский
кбал. – карачаево-балкарский
койб. – койбальский
ктат. – крымско-татарский
крх.-тюрк. – караханидско-тюркский

кир. – киргизский
ккал. – каракалпакский
кум. – кумыкский
кызыл. – кызыльский
кюэр. – кюэрикийский
лоб. – лобнорский
н.-б. – нижебийский
ног. – ногойский
осм. – османский
саг. – сагайский
ср.-кыпч. – среднекыпчакский
тар. – тарачинский
тат. – татарский
тел. – телеутский
тоф. – тофаларский
тув. – тувинский
тур. – турецкий
турк. – туркменский
узб. – узбекский
уйг. – уйгурский
хак. – хакасский язык
чаг. – чагатайский
чув. – чувашский
шор. – шорский
як. – якутский

Диалекты и говоры шорского языка

в.-мр. – верхнемрасский говор
в.-к. – верхнекондомский говор
к. – кондомский диалект
мр. – мрасский диалект
н.-мр. – нижнемрасский говор
н.-к. – нижнекондомский говор

Литература

1. Нерознак В.П. Языки малочисленных народов России: проблемы экологии и ревитализации. *Языки народов России. Красная книга. Энциклопедический словарь*. Москва: Academia. 2002.

2. Чиспияков Э.Ф. *Язык, история, культура тюрков Южной Сибири. Собрание научных статей*. Новосибирск: Сибирский хронограф. 2004.
3. *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции* / ред. Э.Р. Тенишев. М.: Наука. 2002.
4. Рассадин В.И. Проблема общности в тюркских языках саяно-алтайского региона. *Тюркологический сборник*. Москва: Наука. 1997:219–231.
5. Широбокова Н.Н. Лексические изоглоссы в «Диалектологическом атласе тюркских языков СССР». *Тюркские ареалы Сибири*. Новосибирск: Академиздат. 2022:148–199.
6. Тенишев Э.Р., Благова Г.Ф., Добродомов И.Г., Дыбо А.В. и др. *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика*. М.: Наука. 1997.
7. Шенцова И.В. Шорская лексика на фоне данных других тюркских языков. Термины «Литературные жанры». *Языки и фольклор коренных народов Сибири*. 2021;1(41):107–122. DOI: <https://doi.org/10.25205/2312-6337-2021-1-107-123>
8. Шенцова И.В. Лексико-семантическая группа «Музыкальные инструменты» в шорском языке. *Российская тюркология*. 2019;(22-23):111–124.
9. Шенцова И.В. Лексемы с семантикой «народ» в шорском языке в ареальном освещении. *Тюркские ареалы Сибири*. Новосибирск: Академиздат. 2022: 234–245.
10. Севортян Э.В. *Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные*. Москва: Наука. 1974.
11. Басакаев Н.А., Тоцакова Т.М. *Ойротско-русский словарь*. Москва: ОГИЗ Гос. издательство иностранных и национальных словарей. 1947.
12. *Хакасско-русский словарь. Хакас-орыс сөзтік* / ред. О.В. Субракова. Новосибирск: Наука. 2006.
13. *Лексика материальной культуры в якутском языке*. Новосибирск: СО РАН. 2025.
14. Вербицкий В.И. *Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка*. Изд. 2. Горно-Алтайск: Ак-Чечек. 2005.
15. Севортян Э.В., Левитская Л.С. *Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й»*. М.: Наука. 1989.
16. Рюмина-Сыркашева Л.Т., Кучигашева Н.А. *Телеут-орус сөзлик. Телеутско-русский словарь*. Кемерово: Кемеровское книжное издательство. 1995.
17. Курпешко-Таннагашева Н.Н., Апонькин Ф.Я. *Шорско-русский и русско-шорский словарь*. Кемерово: Кемеровское книжное издательство. 1993.
18. Аникин А.Е. *Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков*. М., Новосибирск: Наука. 2000.

19. Токмашов Б.И. *Қаан Оолақ. Богатырское сказание кондомских шорцев*. Новокузнецк: Кузбасская государственная педагогическая академия. 2009.
20. Дыренкова Н.П. *Шорский фольклор*. Москва, Ленинград: Академия наук СССР. 1940.
21. Ёлгер. *Книга для чтения на шорском языке* / сост. Г.В. Косточаков. Кемерово: Кемеровское книжное издательство. 1995.
22. Кимеев В.М. *Шорцы. Кто они? Этнографические очерки*. Кемерово: Кемеровское книжное издательство. 1989.
23. Вербицкий В. *Записки миссионера Кузнецкого отделения Алтайской духовной миссии священника Василия Вербицкого*. Новокузнецк: Сретение. 2008.
24. Тюттешева Е.В., Байыр-оол А.В., Озонова А.А., Шагдурова О.Ю. и др. *Жизненное пространство и духовный мир человека через призму языков Сибири*. Новосибирск: Академиздат. 2021.
25. *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка* / ред. Э.Р. Тенишев, А.В. Дыбо. М.: Наука. 2006.

References

1. Neroznak VP. Languages of indigenous peoples of Russia: problems of ecology and revitalization. *Languages of peoples of Russia. A Red Book. Encyclopaedic dictionary*. Moscow: Academia. 2002:5–12 (in Russian).
2. Chispiyakov EF. *Language, History, Culture of South Siberian Turks. Collection of articles*. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf. 2004 (in Russian).
3. *Historical Grammar of Turkic Languages: Regional Reconstructions* / ed. ER. Tenishev. Moscow: Nauka. 2002 (in Russian).
4. Rassadin VI. Problem of Turkic Languages Community in Sayan-Altay Region. *Selection of Works on Turcology*. Moscow: Nauka. 1997:219–231 (in Russian).
5. Shirobokova NN. Lexical isoglotic lines in “Dialect Atlas of the USSR Turkic Languages”. *Siberian Turkic Areas*. Novosibirsk: Academizdat. 2022:148–199 (in Russian).
6. Tenishev ER, Blagova GF, Dobrodomov IG, Dybo AV et al. *Historical Grammar of Turkic Languages: Lexics*. Moscow: Nauka. 1997 (in Russian).
7. Shentsova IV. Shor vocabulary against the lexical background of other Turkic languages: terms of “literary genres”. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2021;1(41):107–122 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.25205/2312-6337-2021-1-107-123>
8. Shentsova IV. The Shor namings of musical instruments as a lexical set. *Russian Turcology*. 2019;(22-23):111–124 (in Russian).

9. Shentsova IV. Shor Lexemes Denoting “People” against the Areal Background. *Siberian Turkic Areas*. Novosibirsk: Akademizdat. 2022:234–245 (in Russian).
10. Sevortyan EV. *Dictionary of Turkic ethymology. Common Turkic, inter-Turkic roots beginning with vowels*. Moscow: Nauka. 1974 (in Russian).
11. Baskakov NA, Toshchakova TM. *Oyrot-Russian Dictionary*. Moscow: OGIZ, State Publishing of Foreign and National Dictionaries. 1947 (in Russian).
12. *Khakas-orys söstik. Khakas-Russian Dictionary* / ed. OV Subrakova. Novosibirsk: Nauka. 2006 (in Russian).
13. *Yakut lexemes denoting material cultural phenomena*. Novosibirsk: Publishing House: Siberian Department of Russian Academy of Sciences. 2025 (in Russian).
14. Verbitsky VI. *Dictionary of the Altay and Aladag Turks’ dialects*. 2nd edition. Gorno-Altaysk: Ak-Chechek. 2005 (in Russian).
15. Sevortyan EV, Levitskaya LS. *Dictionary of Turkic ethymology. Common Turkic, inter-Turkic roots beginning with letters “Ж”, “Ж”, “Й”*. Moscow: Nauka. 1989 (in Russian).
16. Ryumina-Syrkasheva LT, Kuchigasheva NA. *Teleut-orus sözlik. Teleut-Russian Dictionary*. Kemerovo: Kemerovo Publishing House. 1995 (in Russian).
17. Kurpeshko-Tannagasheva NN, Aponkin FY. *Shor-Russian and Russian-Shor Dictionary*. Kemerovo: Kemerovo Publishing House. 1993 (in Russian).
18. Anikin AY. *Ethymological Dictionary of Russian Dialects in Siberia. Uralic, Altay, Paleo-Siberian Loan Words*. Moscow, Novosibirsk: Nauka. 2000 (in Russian).
19. Tokmashov BI. *Qaan Oolaq. The Kondom Shor heroic saga*. Novokuznetsk: Kuzbass State Academy of Pedagogics. 2009 (in Russian).
20. Dyrenkova NP. *The Shor Folklore*. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of USSR. 1940 (in Russian).
21. Ülger. *A book for reading practice in Shor* / comp. GV. Kostochakov. Kemerovo: Kemerovo Publishing House. 1995 (in Russian).
22. Kimeyev VM. *The Shor. What are they? Ethnographic essays*. Kemerovo: Kemerovo Publishing House. 1989 (in Russian).
23. Verbitsky V. *Memoirs of Vasilii Verbitskiy, a priest, member of the Altai Orthodox Mission’s Kuznetsk Department*. Novokuznetsk: Sreteniye. 2008 (in Russian).
24. Tyuntesheva EV, Bayyr-ool AV, Ozonova AA, Shagdurova OYu. et al. *Area of Habitation and Human Spiritual Life as an Outlook through Prism of Siberian Languages*. Novosibirsk: Nauka. 2021 (in Russian).
25. *Historical Grammar of Turkic Languages: Pre-Turkic Basic Language. Pre-Turkic people’s World View* / ed. ER. Tenishev, AV. Dybo. Moscow: Nauka. 2006 (in Russian).

Об авторе

ШЕНЦОВА Ирина Витальевна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Сектор языков народов Сибири, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3064-7791>, Scopus Author ID: 57222247404, Elibrary AuthorID: 144345, e-mail: ivshen@yandex.ru

About the author

Irina V. SHENTSOVA – Dr. Sci. (Philology), Chief Researcher, the Siberian Languages Sector, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3064-7791>, Scopus Author ID: 57222247404, Elibrary AuthorID: 144345, e-mail: ivshen@yandex.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 31.10.2025

Поступила после рецензирования / Revised 25.11.2025

Принята к публикации / Accepted 12.12.2025

УДК 304.2; 811.551

<https://doi.org/10.25587/3034-7378-2025-4-111-140>*Оригинальная научная статья*

В поиске эрыма: представления о лидерах и лидерстве в сельских сообществах Чукотки

А. А. Ярзуткина

Чукотский филиал Северо-Восточного федерального
университета им. М.К. Аммосова,
Анадырь, Российская Федерация
✉ jarzut@mail.ru

Аннотация

В социальной антропологии проблематика лидерства сопряжена со сложностями определения, анализа и изучения этого феномена в различных обществах с различным пониманием власти. Представление исследователя о «лидерстве» и «лидерах» может не совпадать с этнографической реальностью и препятствовать поиску лидера в локальных сообществах. В статье предлагается вариант выявления лидеров через исследование представлений об эрыме, что в переводе с чукотского языка означает «начальник», «хозяин», «насильник», «сильнейший». На основании анализа полевого этнографического материала, полученного в десяти национальных селах Чукотки, рассматривается, как жители труднодоступных арктических поселений конструируют образ лидера в своей конкретной локации, по каким критериям стоит искать лидера в поселении и как чукотский язык и мировоззрение повлияли на формирование образа современного лидера. Выделяется два аспекта, с помощью которых можно «увидеть» лидера в конкретном сообществе Чукотки: административное положение и такие качественные характеристики, как сила и способность подчинять. Делается вывод, что человек, занимающий руководящую должность в селе, уже имел определенные лидерские характеристики или же развивал их, чтобы соответствовать образу «лидера», сконструированному в данном сельском сообществе. Локальные черты лидера выражались в основном посредством описания деятельности человека, то есть через определенные действия, которые были важны именно для этой конкретной территории и сообщества. Неизменными, универсальными чертами лидера были сила (физическая и психологическая) и способность к защите и насилию. Чаще всего в процессе поиска лидеров эти характеристики стабильно приводили к людям, которые оказывались главными и самыми влиятельными в сообществе.

© Ярзуткина А. А., 2025

Ключевые слова: антропология власти, лидеры, лидерство, Арктика, Чукотка, сельские сообщества, властные отношения, коренные жители Чукотки, культурный контекст, мировоззрение

Финансирование. Исследование выполнено в рамках научного проекта РНФ «Лидерство в удаленных арктических поселениях: антропологическое и социолингвистическое исследование властных отношений» по соглашению № 24-28-00556

Для цитирования: Ярзуткина А.А. В поиске эрыма: представления о лидерах и лидерстве в сельских сообществах Чукотки. *Арктика XXI век*. 2025;(4):110–140. DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2025-4-111-140>

Original article

In search for ‘erym’: views on leaders and leadership in rural communities of Chukotka

Anastasiia A. Yarzutkina

Chukotka Branch of North-Eastern Federal University,
Yakutsk, Russian Federation

✉ jarzut@mail.ru

Abstract

In social anthropology, the problem of leadership lies in the complexity of defining, analysing and studying this phenomenon in different societies, each understanding power in their own unique way. A researcher’s conception of ‘leadership’ and ‘leaders’ may not coincide with ethnographic reality and may hinder the search for leaders in local communities. This article proposes a method for finding leaders by studying perceptions of ‘erym’, which translates from the Chukot language as ‘chief’, ‘master’, ‘rapist’, or ‘strongest’. Based on field ethnographic material obtained in ten national villages in Chukotka, the article examines how residents of remote Arctic settlements assemble the image of a leader in their specific location, what criteria should be used to search for a leader in a settlement, and how the Chukchi language and beliefs system have influenced the contemporary understanding of what a modern leader is. We have identified two aspects which can be used to pinpoint a leader in a specific Chukotka community, namely, a person’s social position and qualities such as strength and the ability to command. We have arrived at the conclusion that a person holding a leadership position in a village had already had certain leadership traits or had developed them in order to fit the image of a ‘leader’ formed in that specific rural community. Local traits of a leader were expressed mainly through a description of a person’s activities, i.e. through certain actions that were important

for that particular territory and community. The unchanging universal characteristics of a leader were strength (physical and psychological) and the ability to defend and exercise violence. Most often, when searching for leaders, these characteristics have consistently produced results, leading to people who turned out to be the most important and influential in a specific community.

Keywords: anthropology of power, leaders, leadership, Arctic, Chukotka, rural communities, power relations, indigenous peoples of Chukotka, cultural context, world view

Funding. This study was funded by the grant of the Russian Science Foundation “Leadership in Remote Arctic Settlements: the Anthropological and Sociolinguistic study of Relations of Power”, No. 24-28-00556)

For citation: Yarzutkina A.A. In search for 'erym': views on leaders and leadership in rural communities of Chukotka. *Arctic XXI Century*. 2025;(4):111–140 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2025-4-110-140>

Введение

Лидерство не является универсальным феноменом и в различных сообществах проявляется в зависимости от контекста, обладая социальной обусловленностью. Социальные антропологи отмечают, что существуют противоречия между аналитическими концепциями власти и пониманием власти и лидерства среди изучаемых ими людей. Сложность определения таких понятий, как «лидерство», «власть», «авторитет», «влияние», «лидер», и само их понимание в различных культурах и обществах оказывается важной проблемой, причем не только для антропологии, но и для других наук [1, с. 179; 2, с. 107; 3, с. 4].

В процессе полевой этнографической работы в удаленных арктических поселениях я сталкивалась с тем, что на мой вопрос, кто является лидером в селе, люди терялись с ответом или долго раздумывали над ним. В некоторых случаях они сразу указывали на главу села, но в дальнейшем высказывали сомнения по поводу своего ответа. При этом на вопрос о «власти» неизменно определяли ее через представителей государства: президента, губернатора или главу района. Такая, с одной стороны, растерянность, а с другой стороны, персонализация навели меня на мысль о том, что, возможно, мои информанты понимают идею лидерства по-другому и в их условиях жизни, социальном окружении и культурно-историческом контексте фигура лидера и его образ оказываются иными.

Ситуации, когда этные понятия, сформулированные антропологом для проведения исследования, не совпадают с эмными понятиями, кото-

рые он встречает в изучаемом сообществе в поле, не являются редкими [4, с. 39]. В процессе своего поиска лидера в селах Чукотки я поняла, что в какой-то мере столкнулась с ситуацией, которую описывали авторы статьи «Между эмным и этным: методология исследования неопределенности в российской Арктике» (К.В. Истомин, Е.В. Ляльская, В.А. Васильева). В ходе полевого исследования они поняли, что в эмной реальности понятие неопределенности, которое было центральным в их проекте, не определяется или определяется людьми совершенно иначе. В результате авторы статьи выработали несколько типов инструментария для полевого исследования: 1) переформулировка этного понятия в эмных терминах; 2) поиск эмного значения понятия и соотнесение его с этным; 3) сконструирование понятия – провоцирование информанта на трактовку слова и формулировку своего понимания его смысла [4, с. 40].

В какой-то мере все эти инструменты так или иначе использовались и в моей полевой работе. Однако, так как моей целью была персонафикация лидера/лидеров и понимание того, почему тот или иной человек может быть соотнесен с понятиями «лидер» и «власть», я не была сфокусирована на выяснении эмного определения лидерства. Вместе с тем в процессе выявления лидеров и изучения косвенных и скрытых процессов проявления власти в изучаемых сообществах я сталкивалась с тем, что представления о лидерстве и сконструированный людьми образ лидера так или иначе приводят меня к нахождению лидера/лидеров в изучаемом сообществе.

В предлагаемой работе, основываясь на анализе полевого этнографического материала, полученного мной в десяти селах Чукотки, я попробую рассмотреть, как жители труднодоступных арктических поселений понимают лидерство в своей конкретной локации, по каким критериям стоит искать лидера в поселении и как чукотский язык и мировоззрение повлияли на формирование образа современного лидера.

Материалы и методы

В гуманитарных науках существует множество концепций власти [5, с. 82–91]. Точно так же понятия «лидерство» и «лидер» имеют массу интерпретаций, каждая из которых по-своему справедлива и приложима к своему контексту. Как писал Дж. М. Бернс, чтобы понять природу лидерства, необходимо понять сущность власти, поскольку лидерство – это особая форма власти [6, с. 12]. Приступая к исследованию, я определила лидерство как особую социальную позицию человека в сообществе и процесс определенных социальных отношений, связанных с властью и влиянием. Это понимание позволило мне использовать в качестве источника результаты моих наблюдений и интервью, которые я проводила

в селах Чукотки до того момента, когда изучение лидерства оказалось в фокусе моего основного внимания. Из исследованных мной сообществ десяти сел Чукотки в шести поселениях я целенаправленно искала лидеров и брала предметные интервью у жителей¹. В каждом из поселений я проводила включенные наблюдения от двух недель до полутора месяцев и вела глубинные интервью с жителями. Часть интервью фиксировалась в полевой дневник, другая часть была записана на аудионоситель и затем дословно транскрибирована, что позволило проанализировать речь информанта и употребляемые им слова и термины.

Также в качестве источников использовались чаты в социальных сетях: два чата социальных групп Чукотки, в которых объединены коренные малочисленные народы, интересующиеся поддержанием родного чукотского языка и национальной культурой; три другие чата – объединения жителей конкретных сел, в которые я была включена, когда вела полевую работу.

Население национальных сел Чукотки в среднем на 90% состоит из представителей коренных малочисленных народов: чукчей, эвенов и эскимосов. Я проводила исследование в основном в чукотских селах с численностью населения 150–800 человек, расположенных как на побережье Чукотского полуострова, так и в материковой части. История большинства поселений в существующих сегодня административных и территориальных границах началась в 50-х годов XX века. До этого времени отдельные оленеводческие стойбища кочевали по тундре, а небольшие поселения морских охотников были рассеяны по побережью. После укрупнения и централизации сел началась история новых отношений людей с властью, переход на иной хозяйственный уклад, и, соответственно, стало возникать новое лидерство. Сложная транспортная схема и труднодоступность сел способствовали складыванию в поселениях особого микромира, со своими социальными и родственными связями, инфраструктурой, традициями и проблемами.

В настоящее время в каждом селе есть глава поселения (выборная должность) или уполномоченный главы администрации,

¹ В статье я ссылаюсь на полевые материалы автора (ПМА) и привожу измененные имена информантов и название села с целью сохранения конфиденциальности. Цитаты из интервью отредактированы для удобства читателя, но при этом сохранены авторские оценки, выражения и обороты. Также в квадратных скобках по тексту цитаты приводятся уточнения, в круглых – пояснения, многоточия означают пропуски части цитаты или паузы в процессе беседы. Ссылки на авторов цитат содержат следующие сведения: пол, год рождения, имя, должность и/или национальность. Например: ПМА: м – 1968, Владимир, глава села, чукча.

назначаемый главой района. В ряде изученных мной побережных сел действуют территориально-соседские общины, специализирующиеся на морском зверобойном промысле, а также работают муниципальные сельхозпредприятия, поддерживающие оленеводство и рыболовство. Эти организации, как и большинство учреждений в селе (центр образования, дом культуры, фельдшерский пункт и др.), так или иначе содержатся на бюджетные средства, следовательно, могут быть соотнесены с государственными структурами. Бизнес-структуры в селах практически отсутствуют, не считая торговцев спиртным, которые работают нелегально, и мелких предпринимателей, торгующих отдельными товарами на дому.

В данной статье я использую понятие «лидер» как отправную точку, имея в виду под этим термином человека, играющего в сообществе определенную социальную роль, связанную с руководством, главенством, влиянием, властью, авторитетом. При этом я допускаю, что понятия «лидер» и «лидерство» являются дискурсивными конструкциями, которые могут не совпадать с этнографической реальностью. Среди современных исследований лидерства вставал вопрос о том, существует ли оно на самом деле [7; 8] и, будучи эмпирическим объектом этнографических исследований, не исчезает ли в среде повседневной жизни [9, с. 765].

На перекрестке дискуссий о том, является ли лидерство объективным явлением и, следовательно, существует независимо от действий человека, либо это социальная конструкция, и реального объекта, соответствующего термину «лидерство», нет, возникает вопрос о способе его изучения. С. Спозэльстра предложил подход, который рассматривает лидерство как феномен действительно существующий, но не проявляющий себя объективно [10]. При таком подходе «лидер» оказывается, пользуясь выражением Ж. Деррида, «видимым невидимым» [visible invisible], то есть вне поля зрения, но при этом его интериорность временна, и она подчиняется порядку видимости [11, с. 90]. В качестве способа распознавания С. Спозэльстра предлагает «исследование образа лидера». Если исследователь не может увидеть «лидерство», то сами представители сообщества его видят. И они видят «лидеров» через свой образ, то есть характерные лидерские черты и атрибуты. Соответственно, лидерство всегда предстает в форме образа [10, с. 185, 186], и для того, чтобы исследователь увидел лидера, он должен зафиксировать этот образ и далее смотреть на потенциальных лидеров через этот образ или с помощью него. Следуя этому пути в процессе поиска «лидера», я фиксировала представления жителей поселений Чукотки о лидере и лидерстве.

Результаты и обсуждение

Традиционное представление о «лидере» в языке и дискурсах

Само слово «лидер» употребляется в основном в официальном дискурсе (научном, политическом), а в повседневной речи люди для обозначения определенной социальной роли человека употребляют такие слова, как «начальник», «глава», «бригадир», «директор», «бугор», «главный». На Чукотке крайне редко можно услышать разговорную чукотскую или эскимосскую речь. Большинство коренных жителей говорят на русском языке. Однако, по моим наблюдениям, те, для кого чукотский язык является родным, часто включают в свои диалоги отдельные чукотские слова. К таким словам относятся чукотские *эрым* и *эрмечин*. Например, в беседе женщина сказала такую фразу: «...все хотят *эрымами* быть, никто не хочет работать»².

В чате одной из общечукотских социальных групп был зафиксирован комментарий под фотографией губернатора Чукотского АО. Одна из участниц написала: «*Эрым* женился». В этой же группе губернатора еще несколько раз называли *эрым*, при этом при обсуждении других должностных лиц их называли по фамилии или имени и отчеству, а иногда просто «их начальник».

И.В. Шкловский в конце XIX века писал, что «как у оленных, так и у собачьих чукчей есть свои царьки – *эрем*, хотя никаким особым почетом среди своих подданных не пользующиеся» [12, с. 150]. В.Г. Богораз в своем словаре пишет, что чукотское слово *эрым* (сущ.), означающее изначально «начальник, староста, поставленный русскими» и производное от основы «сильный», «насильник», «силач», стало употребляться в значении «председатель», «административное лицо» [13, с. 30]. В отчетах и воспоминаниях путешественников и чиновников середины XIX – начала XX века встречается термин *эрым/эрем*. Например, в 1873 году миссионер Дионисий писал об одном чукче – «*Эрем Армаургин*»³. Этот чукча имел власть, по словам Г. Майделя, только над теми чукчами, «которые чаще могли приходить в соприкосновение с колымскими жителями», побережные же жители его власть не воспринимали [14, с. 96, 97].

В настоящее время слово *эрым* использовалось участниками чата в социальной сети не только по отношению к губернатору. Под фотографией женщины – руководителя общественного объединения, выступающей за сохранение родного языка, также была подпись: «Дорогой

² ПМА: ж – 1967, Ирина, чукчанка.

³ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф. 1508. Оп. 1. Д. 1. Л. 15.

эрым». Или, например, фото детского рисунка сопровождала подпись: «Эрым Кумлю – герой иллирнейской детворы». Речь шла о главе чукотского села Владимире Кумлю, отправившемся на СВО. Еще в одном сообщении женщина просит написать обращение главе ее села и пишет о нем «эрым глава».

Анализ интервью и бесед показал, что некоторые информанты в отношении местных чиновников употребляли слово *эрмичин*. В чукотской лексике слово *эрмэчын* (чук. *erm(e)*, кор. *aim(a)*) в буквальном переводе означает «сильный», «сильнейший, богатырь» [15, с. 173; 16, с. 156]. По свидетельствам В.Г. Богораза и И.С. Вдовина, это слово также имеет другие значения, в частности «воин», «влиятельный человек», «насильник», «грабитель», которые в фольклоре объединяются [17, с. 162; 18, с. 252]. В одном из чукотских текстов, которые приводит В.Г. Богораз, отец, гордясь своим сыном, говорит: «Ого! Вот я создал будущего насильника, грабителя чужих стад, воина я создал. Я – хороший человек» [17, с. 102].

В оленеводческих стойбищах слово *эрмэчын* употреблялось в значении «хозяин шатра», «хозяин стойбища». В 1895 году И.В. Шкловский взаимодействовал с одним чукчей, с которым познакомился в Средне-Колымске и у которого гостил. Все называли его *Эрмичен*, и автор обращался к нему так, как будто это было его имя. *Эрмичен* был хозяином стойбища, имел несколько жен, активно торговал и ездил по поселкам [12, с. 67, 115]. Проведя анализ властных отношений в семейно-родственных коллективах оленных чукчей в XIX – первой половине XX века, Е.А. Давыдова сделала вывод, что властный ресурс у них не был закреплен за субъектом, а распределение власти между людьми в коллективе постоянно переопределялось контекстом конкретной ситуации [19, с. 199].

В приморских поселках номинацию *эрмэчын* могли употреблять в отношении силача, лучшего борца, торговца, объезжающего поселки на собачьих упряжках [17, с. 163]. Слово *эрмэчын* инкорпорируется с другими словами. Например, в одном из интервью Борис Ыттыгыргин (1947 г.р.) рассказывал: «Дед и отец были охотниками-промысловиками. По чукотским меркам дед считался состоятельным человеком – *ы'твэрмэчын*, имел байдары, вельбот»⁴. Слово *ы'твэрмэчын* переводится как «хозяин байдары», «старший на байдаре» и состоит из двух слов: *ы'твыльын* – морской охотник, лодка; *эрмэчын* – сильнейший,

⁴ Антонов А. Тот самый Ыттыгыргин. *Крайний Север*. 2022. 13 мая. Режим доступа: <https://www.ks87.ru/obshchestvo/94/14220> (дата обращения: 11.09.2025).

силач [20, с. 425, 422, 572]. Интересно, что для обозначения капитана (судна) в чукотском языке используется слово *ы'твэрым*, состоящее из *ы'твыльын* – лодка и *эрым* – начальник [Там же, с. 425, 574].

По словам В.Г. Богораза, «чукчи сами понимают различие оттенков этого слова» [17, с. 162], каждое стойбище живет совершенно независимой от других отдельной жизнью, и влияние *эрымэчын* на жителей соседних стойбищ весьма неопределенно [17, с. 163]. Исследователь приводил множество примеров, когда люди называли или считали кого-то *эрымэчын*, и все эти примеры показывали неоднозначность признаков. В каждом отдельном случае это были определенные качества или действия, значимые и ценные именно для конкретного сообщества.

Отправные точки поиска лидера

Такое разнообразие смыслов чукотских слов *эрым* и *эрымэчын* в языке может отражать разноаспектность культурных значений лидерства и в прошлом, и в современном чукотском сообществе. Анализ языковых оттенков слов *эрым/эрымэчын* и исторических материалов с примерами лидерства в чукотской культуре повел меня по пути классической этнографии – реконструировать настоящее, опираясь на язык и традиционную культуру. В результате я выделила и опробовала два аспекта, с помощью которых можно «увидеть» лидера в конкретном сообществе Чукотки.

1. Административное положение. Согласно М. Фуко, не власть исходит от государства, а скорее, государство является ее порождением [21, с. 52]. Территория Чукотки была официально присоединена к Российской империи в XVIII веке, однако принадлежность чукчей к государству долгое время оказывалась номинальной. Несмотря на то, что из-за малодоступности, необжитости этой территории и непонимания местным населением институтов подданства государству, полноценного государственного управления на Чукотке не складывалось [22], привилегии, предоставляемые российской, а затем и советской властью, а также повседневные взаимодействия коренных жителей с чиновниками в итоге превращались в ресурс для получения/расширения собственной власти [19, с. 201]. В начале XX века В.Г. Богораз указывал, что слово *эрым*, наряду с уже обозначенными выше переводами, означает и «начальник, староста, поставленный русскими» или «административное лицо» [13, с. 30]. В настоящее время государство проникло почти во все сферы жизни местных сообществ, и, хотя должностные иерархии и локальные представления о лидерских качествах не всегда совпадают [23, с. 286], административные должности в селе сохраняют за собой не случайные люди.

2. Сила и способность подчинять. В традиционном понимании чукчей, как было указано выше, «силач», «наильник» и «начальник» обозначаются одним словом. Даже в современных реалиях физическая сила человека и его способность оказать помощь и дать защиту окружающим («сила» в широком понимании) являются важными для выживания и благополучия в экстремальных условиях Чукотки. Насилие же и власть взаимосвязаны, несмотря на свою асимметричность. Анализ власти концентрируется на подчинении как определяющем свойстве власти [5, с. 93], соответственно, способность к насилию, то есть принудительному воздействию на других, может рассматриваться в качестве потенциала для выявления лидера.

В моем арсенале были вопросы: «Кто самый сильный в селе?», «К кому вы идете, если у вас что-то случается?», «Кому из села вы не можете отказать?» и другие. Я не ограничивала людей в выражении понимания «силы», но после ответов или указаний на конкретных людей задавала уточняющие вопросы, о какой именно «силе» идет речь, как она проявляется и каким образом эта «сила» демонстрирует авторитет и влияние. Также «силу» человека и его превосходство можно было увидеть в процессе коллективных практик: на праздниках, похоронах, при разделке мяса крупных морских животных, на пожаре, сельских сходах и собраниях.

Учитывая, что исторически в сообществах жителей крайнего Северо-Востока России власть не была закреплена за одним человеком и имела разнообразные проявления [19, с. 199; 24, с. 544, 607], я предположила, что в современных чукотских селах лидерство может быть «рассеянным» между несколькими людьми, проявляться ситуационно и переопределяться с течением времени или в случае каких-то перемен. Соответственно, я не искала одного-единственного лидера или завершенный идеальный образ лидера, а допускала, что лидерские черты могут быть диффундированы среди представителей сообщества.

Видимые «лидеры»: администрация села и сельские учреждения

Внешние связи являются одной из функций лидера, и поэтому, когда я приезжаю в село, в большинстве случаев тот, кто меня встречает, является тем человеком, который в селе эту функцию обеспечивает. Для сообщества села я «чужак», но так как у меня обычно есть официальные письма или поддержка районной власти, то взаимодействие со мной должно быть кем-то обеспечено. Интересно, что в воспоминаниях путешествующих по Чукотке людей начиная с XVIII века одним из критериев того, что местного жителя называли «тойоном», «князьцом» или «начальником», была как раз помощь и сопровождение в поездке,

а также обеспечение возможности общения с другими жителями [25, с. 104–105].

В большинстве сел, в которых мне удалось побывать, это был/была глава села. Должность главы поселения накладывает на человека ряд обязанностей, которые идентичны функциям «лидера» в целом. Если обобщенно, то кроме внешних связей это организационно-управленческая роль, распоряжение сельскими ресурсами и регулирование внутренних процессов в селе. Соответственно, даже если человек до вступления в должность не обладал способностью эти функции исполнять, то, становясь главой, он должен был освоить эти навыки и включить их в свое поведение и повседневную деятельность.

Мои интервью с главами сел показали, что начало работы в должности главы села означало для них не только получение статуса чиновника или новой работы, но и обязанность быть/стать лидером в местном сообществе. Как выразился один из глав сел, *«работа хороша тем, что ты теряешь много комплексов, но плоха тем, что теряешь много хороших качеств»*⁵. Не все люди, ставшие главами поселений, осознавали себя лидерами или были ими. Только в одном из всех изученных мной поселений жители говорили о том, что глава села был явным лидером еще до вступления в должность.

Глава села Гыроелгын рассказывал, что сразу после выбора его главой стал читать все законы, связанные с его деятельностью: *«Там черным по белому написано: “Глава сельского поселения является высшим должностным лицом”. Понимаешь? “Возглавляет и руководит на принципе единоначалия”. Это не я сказал. Это в законе так. Значит, я должен стать здесь хозяином»*⁶.

Читая слова закона «Глава муниципального образования является высшим должностным лицом муниципального образования и наделяется... собственными полномочиями по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения»⁷, человек перформативно принимает на себя роль «лидера» – главного руководителя в сельском сообществе. Соответственно, каждый глава поселения вырабатывает свою стратегию становления лидером, и во многом от того, насколько успешной она будет, зависит его способность сохранить свою должность в будущем.

⁵ ПМА: м – 1966, Константин, глава села, украинец.

⁶ ПМА: м – 1968, Владимир, глава села, чукча.

⁷ Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Статья 19.

Например, глава села Лелгын описывала этот процесс как трансформацию своих принципов и поведения. До вступления в должность в 2021 году тридцатидвухлетняя Ольга, уроженка этого села, работала в местной больнице и не имела особого влияния на жителей.

«Депутатов собирала сама. Это кошмар. Дежурство в праздничные дни. У всех же выходной, все же отдыхать хотят, а им нужно быть тут и на связи. Это их сильно напрягало. На общественных началах вся эта работа. Не оплачиваемо. Некого. И в самом начале мне было сложно. Потом постепенно я... ну, сильнее стала. Как бы уже так... твердо. Не грубо, но, знаете, вот прямо серьезно с ними... Собрала. Работали...

Есть такие люди, которым нужна власть. Им надо все знать, надо обо всем быть информированными. Вот они приходят ко мне и говорят: “А ты знаешь, что тот – вот это сделал? А ты знаешь, что та – вот то?” Я говорю: “Нет, не знаю”. [Они мне:] “Ты же глава – ты должна все знать!” [Глава:] “Я знаю, что мне положено по должности. Остальное мне зачем? Вплоть до того, кто там с кем и как... Потом я уже думаю: пусть говорят, рассказывают мне вот это всякое, я молчу, киваю, потом такая: “Где?!” (смеется). Думаю: ну, раз я глава, буду все знать (смеется)...

Вот у меня жизнь стала: работа-дом, работа-дом. Ну, иногда на рыбалку я схожу. И вот я стала замечать, что за мной все следят. Вот настолько людям стала интересна моя жизнь. Как будто все, вот любое за мной посмотреть, любая информация. Раньше жила и жила, и никому не нужна была... теперь каждый шаг я думаю, стоит или нет. Я одна живу и даже ни..., ну, с мужчинами. Нет. Пусто. Зато никто за моей спиной ничего не скажет...

Я из-за этой работы немножко от всех отстранилась, и у меня теперь очень-очень узкий круг общения стал. Ну, потому что никак по-другому. И стали считать, что я высокомерной стала... В костюмах на работу прихожу – тоже высокомерная (смеется)... Я должна быть “лицом” села. В командировку ездила, сразу много купила...

Когда сильно дистанцию держишь, они думают, что ты типа зналась и к тебе не подъехать, не подойти. Я со всеми по-обычному, по-человечески стараюсь. То есть кто пришел, даже мимо проходит, может зайти поздороваться. Спросить, как дела. Те же олениводы – стучит сюда: «Что у тебя тут новенького?» От него такой запах... дышать нечем. И я бы раньше, конечно, терпеть не стала. А сейчас я не могу, надо поговорить, раз пришел»⁸.

⁸ ПМА: ж – 1993, Ольга, глава села, чукчанка.

Для укрепления своего статуса главы Ольге необходимо было научиться быть «начальником», и в ее понимании это означало изменить отношение людей к себе для возможности организовать население, а также изменить свою одежду, повседневную и личную жизнь.

Глава села является промежуточной фигурой, и его деятельность можно сравнить с образом двуликого Януса: одно лицо развернуто в сторону «большой власти» (районной, окружной и т.д.), другое лицо смотрит на жителей его небольшого села. И «большая власть», и жители ждут от главы села проявления лидерства. Например, для районной администрации глава села – это главный человек, который способен влиять на все население и в случае необходимости организовать людей на выполнение любого дела.

Глава районной администрации рассказывал: *«У уполномоченного главы такие же функции, как и выборного главы. Ничего особо менять не стали, все привыкли. Но, конечно, мы ставим человека, который может там все организовать и с людьми взаимодействует. Это даже важнее. С документами мы поможем, а вот чтобы тебе людей собрать или повлиять на них, это должен глава уже знать, как сделать. Например, я ставлю задачу: население проинформировать, подобрать людей для мероприятия, участия в чем-то, собрать там людей, чтобы что-то сделали, ну, выборы, конечно. Понятно, что это все жители бесплатно должны делать. Ну, там за конкурсы могут им дать, но, по большому счету, никто не хочет. Все своими делами занимаются... И конечно, зачем мне глава, которого люди посылают? Или который говорит: “Надо то-то и то-то”, – а его не слушают»⁹.*

Сообщество села по-своему видит лидерство главы. Обычно люди рассказывают об этом не отвлеченно, а на конкретных примерах из прошлого, то есть обо всех «главных» – «настоящих начальниках», председателях и «сильных людях», которых они наблюдали в своей локации. Образ лидера не появляется просто так и не формируется из ничего. Он складывается и совершенствуется со временем в результате опыта взаимодействия людей с реальными лидерами [26, с. 45].

«Лидия Ивановна [бывшая глава села] ... ну, она “лидером” не была. Спокойная, старалась не нервничать, “сердечница”. Чуть, что: “Я не знаю, звоните сами”. Район [районные власти] устраивала. Бумажки в порядке, но не “лидер”... До нее Галя С. была главой. Вот она активная. Серега сразу свою кандидатуру снял, как узнал, что она тоже идет на выборы. Анжела [жена бывшего председателя общины

⁹ ПМА: м – 1969, Евгений, русский.

морзверобоев] подговаривала всех, чтобы не голосовали... Ее быстро выбрали... Как проблема – она сразу же в район звонила, требовала для села. Говорила, как есть. Не боялась... Потом собрали депутатов, сняли ее. Район поработал. Хотя для жителей она была авторитетом, защитником. Уехала потом»¹⁰.

Анализ наших интервью показывает, что жители оценивают лидерство главы села по нескольким критериям. В частности, по способности защитить и отстоять интересы жителей села перед «большой властью». Это характеризуется как признак силы и смелости. Важным качеством считается способность координировать людей и брать на себя главенствующую роль в разрешении конфликтов.

«Житель 1: Зачем на честного человека нападать? Глава должна разобраться с этим.

Глава села: ГЛАВОЙ тут и любой может стать!!!

Житель 2: Надо им БЫТЬ!

Житель 1: Когда были Нина Станиславовна и Виктор Леонидович, они на “слухи” собирали руководителей и обсуждали ситуацию! А не выносили “сор из избы” на публику!!!»¹¹.

Активность в деятельности и решении проблем, ежедневное общение с людьми также оказывались вариантами признания в главе села лидера.

«Вроде нормальная власть. Устраивает глава. Но я их не вижу, как будто их нет. Невидимки... Руководителя такого, его должно быть видно, он вот, должен быть везде, среди нас, делать, проблемы решать»¹².

Эталоном лидера для большинства наших информантов были директора колхозов и совхозов, строившие село в 60-х годах XX века или работавшие в позднесоветское время. Образ сильного русского начальника, приехавшего героически осваивать Север и выучившего чукотский язык, представлялся идеальным менеджером, который мог решить любую проблему и заставить работать любого человека на благо сообщества. Как писал Ю. Слезкин, «коренные северяне смотрели на каждого русского как на начальника и поступали соответствующим образом; большинство туземных старшин считали русских писарей высшими лицами и выполняли их приказы» [27, с. 49].

Приезжему начальнику, без сомнения, необходимо было завоевать доверие не только коллектива своей организации, но сообщества села

¹⁰ ПМА: ж – 1960, Зоя, учитель, чукчанка.

¹¹ ПМА: чат села Лелгын.

¹² ПМА: ж – 1959, Екатерина, чукчанка.

в целом. Я не раз записывала истории об этом. Однако лидерство приезжего руководителя в какой-то мере было привычкой. Сообщество ожидало от него «грамотных решений» и посредничества в отношениях с другими приезжими, но уже районного или окружного уровня. Кроме того, приезжие руководители должны были обладать особыми знаниями по работе с «бумагами» и организации труда, несвойственного для коренных жителей. В большинстве изученных сел директор центра образования и начальник предприятия жилищно-коммунального хозяйства выступали важными фигурами и, по мнению наших информантов, имели большое влияние в селе, несмотря на свой статус «приезжих». Я даже наблюдала, как в селе Ыннэн директор школы, приехавшая в село с материка, конкурировала за власть и главенство в селе с главой этого поселения – местным коренным жителем. При детальном рассмотрении биографий приезжих руководителей было установлено, что несомненными лидерами являлись те, кто были замужем/женаты на местных и, соответственно, считались включенными в местное сообщество.

Особая категория людей, которых сообщество причисляет к «лидерам», – учителя из числа коренных жителей. Согласно данным о населении сел¹³ и моим наблюдениям, учителей с высшим образованием из числа местных жителей очень мало. Обычно это один или два человека на всю школу, а в некоторых поселениях нет ни одного. Так, из девяти учителей школы в селе Эпчиит только двое были из числа коренных жителей, а из пяти учителей начальной школы села Гыроелгын не было ни одного местного жителя.

Эти люди в представлениях остальных жителей являются носителями знания, а обладание особым знанием является одним из путей к лидерству.

«А.Я.: Кто лидер в селе?»

М.В.: Я думаю, Клавдия и Роман. Учителя. Интеллигенция. Очень уважаемые люди. Без них ничего в селе не будет. Везде помогут, грамотные, подкованные, мудрые. Не сразу “в лоб”. Высказали мнение – и ушли. А вы думайте! Ни одно дело в селе без них не делается»¹⁴.

В прошлом такой путь проходили шаманы, которые, развивая свою ритуальную компетентность, увеличивали авторитет [19, с. 200]. Однако и другие люди обладают теми или иными особыми знаниями, потенциально полезными для сообщества. Авторитетность и влияние

¹³ Данные получены из официальных списков жителей поселения, предоставленных мне в администрации поселения. Как правило, в этих списках указываются ФИО человека, дата рождения, адрес, национальность и образование.

¹⁴ ПМА: ж – 1962, Анна, чукчанка.

именно учителей складывалась из самого статуса «учитель» – образа грамотного и образованного «своего», который прошел трудный путь к своему образованию и помогал вписаться в «новый» для своих односельчан мир. Были живы воспоминания о том, какие трудности в недавнем прошлом приходилось преодолевать «туземцам», чтобы добраться до Ленинграда, изменить свое мировоззрение и быт, получить образование на неродном для себя языке и вернуться домой [27, с. 81]. Кроме того, «коренные северяне усвоили господствующие ценности советского общества», и образование постепенно стало важнейшим символом социального статуса для значительного большинства коренного населения [Там же, с. 155].

Школа является дисциплинарным пространством, где, согласно М. Фуко, порядок сам формирует субъекта и обеспечивает его подчинение. Школьная дисциплина, производителем которой является учитель, делает возможным непрерывный контроль над всеми [28].

«[Зоя Васильевну] все уважают в селе. Учительница. Она тут половину жителей выучила (смеется). Она идет по улице, и вот, я вижу, она смотрит на меня. Я сразу начинаю думать: “Что я сделала? Торчит у меня что? Сказала кому не так?” Так собираюсь сразу, подтягиваюсь как будто... Она к любому начальнику заходит, если это ее бывший ученик, и он уже все сделал, считай. Ей даже говорить не надо»¹⁵.

В небольших поселениях учитель, осуществляющий надзор, наказание и поощрение в школе, даже вне школьного пространства является обладателем дисциплинарной власти. Соответственно, представления о том, что учитель является носителем знаний и «просветителем», в сумме с образом человека, который способен добиться дисциплины и исполнения своих приказов, сформировали у многих представителей сообщества чукотских сел идею о лидерстве учителей.

Современные «силачи» и «наильники»: ключевые лидерские черты

Обладание силой в широком ее понимании (физическая, психологическая, социальная, экономическая и др.) является ключевой характеристикой «лидера». В поселениях Чукотки именно физическая сила традиционно была одним из важнейших признаков власти. Более того, если человек, которого люди принимали в качестве лидера, не обладал этой физической силой, для подтверждения статуса носителя власти ему эту физическую силу придумывали, либо он должен был ее найти вовне.

¹⁵ ПМА: ж – 1985, Мария, чукчанка.

В разных вариациях мне рассказывали историю про бывшего губернатора Чукотского автономного округа Романа Абрамовича¹⁶, в которой он выступает «силачом» именно с позиции обладания физической силой и смелостью. *«Абрамович приехал сюда [на Чукотку]. Ну, это те годы. Вообще страшно было. Голод, зарплату не платили... Благодаря ему мы тогда выжили... Помню, как привозили мешки с мукой, рисом... И вот он однажды приехал. Ну, в Анадырь. Со своей командой. Там вот все его, ну, кто с ним. И сразу к Назарову¹⁷. Заходят в кабинет, прямо вот так. Без всякого. И Абрамович с ним там начинает говорить... А он [Абрамович], знаешь, спокойный такой, вежливый всегда... И тут Абрамович своим говорит: выйдите. Ну, они вышли, в общем. И как дверь закрылась, он к Назарову подходит – и в морду ему. Тот на стол повалился, кровь там у него. Вот и все. С тех пор Абрамович стал губернатором»¹⁸.*

Отталкиваясь от того, что сила, в том числе физическая сила, и насилие¹⁹ являются важными признаками власти для изучаемых сообществ, то и лидера можно найти среди тех, кто имеет приоритет в силе и совершает насильственные действия в отношении других. Практически каждое мое интервью, касающееся лидерства и обсуждения глав сел, руководителей учреждений, старейшин, председателей общин и просто уважаемых в селе людей, сопровождалось характеристиками «сильный – слабый». Мои информанты вкладывали в эту дихотомию широкий смысл и чаще всего не разделяли физическую силу/слабость и силу/слабость характера. Соответственно, важнейшей характеристикой образа лидера была эта комплексная «сила».

Например, глава одного из тундровых сел описывал, как после выборов на должность ему приходится строго следить за своим поведением и физической формой. В беседе он попытался объяснить, что считается «силой» у коренных жителей, кроме непосредственно физической силы.

«Нужно сохранять невозмутимость. Важно. Я раньше мог... ну, эмоции там, сорваться. Сейчас хоть что там внутри, кипит все – на лице я спокоен. Нельзя быть эмоциональным. Эмоции – это слабость... Наши чукчи не любят, когда врут. Если тебе перестали доверять,

¹⁶ Абрамович Роман Аркадьевич – Губернатор Чукотского автономного округа с 2001 по 2008 гг.

¹⁷ Назаров Александр Викторович – Губернатор Чукотского АО с 1991 по 2001 гг.

¹⁸ ПМА: ж – 1952, Валентина, русская.

¹⁹ Под «насилием» и «насильственными действиями» я понимаю воздействие одного человека на другого физического или психологического характера, помимо или вопреки воле последнего.

даже вот чуть-чуть соврал, – все. Заново доверие сложно вернуть. Невозможно... Тебе надо что-то – лучше прямо скажи, без всяких там уловок. Вот прямо: «Хочу на тебе заработать», «Хочу остаться главой, и мне вот то и это надо от тебя»... И это лучше, люди поймут... У нас уважают твое “хочу”. Все что-то хотят. Ты просто должен иметь силу сказать это прямо ему... Нельзя быть суетливым. Ценится спокойствие и такое вот, как бы сказать, ровность... Сложно было. Теперь привык»²⁰.

Женщина-лидер уступает по своей физической силе мужчине в силу своей природы, и это может оказаться препятствием для реализации власти. Наши наблюдения показывают, что женщины, имеющие влияние и авторитет в селе, разными средствами демонстрировали наличие физической силы у себя или рядом с собой.

Одна из глав сел, с которой я познакомилась в аэропорту, везла с собой ружье. В беседе оказалось, что она лучший во всем районе стрелок и активно участвует в спортивных соревнованиях. *«У нас уважают только сильных»²¹*, – сказала она. Другие женщины – главы сел, кроме силы в лице местного полицейского (в случае хорошего контакта с ним), имеют «сильного» мужа или мужчин-родственников, способных повлиять на людей с помощью физической силы. У двух глав-женщин в изученных мной поселениях мужа являются председателями общин морских зверобоев и, по сути, сами выступают носителями власти, при этом их лидерство, как правило, основано на удачливости в охоте, физической силе и способности заставить других мужчин работать.

В двух других поселениях женщины-главы сформировали вокруг себя команду физически активных и сильных мужчин из числа родственников и друзей, которые в случае необходимости эту силу могли продемонстрировать.

«Я в эту квартиру одна не хожу. Зову своих мужиков, и мы идем разбираться. Они все здоровые. Кто что против скажет? Сразу тихие такие: “Все, [Ольга Михайловна], сделаем...” Медведь в село пришел – думаете, кто с ним разбирается? Конечно, сразу мне звонят. Я – мужикам своим. Прыгнули в машину, поехали»²².

В другом случае женщина, не занимающая руководящего поста и, соответственно, не имеющая власти от государства, а также сильных родственников-мужчин, демонстрировала и постоянно подтверждала свою силу через агрессивное поведение:

²⁰ ПМА: м – 1968, Владимир, глава села, чукча.

²¹ ПМА: ж – 1994, Оксана, глава села, чукчанка.

²² ПМА: ж – 1993, Ольга, глава села, чукчанка.

«[Оксана] у нас. Она с мужиками просто: так может отmaterить, что он летит куда подальше. Приходит в контору – такие разборки устраивает, что здоровые мужики сидят хвост поджавши... Подралась как-то. Сказала Вике обратиться, а та... загуляла. Ну, и потом наши разнимали их. Да это постоянно... Но она все двигает в селе. Все работает у нее. Грубая. Но активная»²³.

В селе Гыроелгын, в котором я жила около полутора месяцев, мне нужен был спортивный инвентарь для занятий. В разговоре с главой я спросила, есть ли у кого-то гантели или гири взаймы, на что он ответил, что есть у него. *«Мне нужно поддерживать свои мышцы и тело. Я мнут сорок каждый день. Турник дома сделал. А иначе как я буду с этими алкашами справляться? Нельзя слабинку давать. Тут все чувствуют сразу. Слабый – все! Ты – никто. Пустое место... Упал в полынью человек. Надо быстро действовать, вытащить его, силы нужны»²⁴.*

Сила и насилие взаимосвязаны и выражают двойственную природу власти, основанной на дихотомии «сильный – слабый». Насилие может осуществляться посредством демонстрации впечатляющей силы, «провоцировать которую было бы безумием» [29, с. 132, 133]. Человек не может быть лидером, если он слабее остальных или не способен эту силу продемонстрировать. Об этом свидетельствуют и исторические материалы по чукчам [19, с. 59]

«Настоящим начальником, вот “лидером”, как ты говоришь (улыбается), у нас был Князев. Строитель. Даже осужден был. Начальником участка [ЖКХ] работал здесь. Вот он вес имел. Всех утром собирал в 08:00, все слушались... Не жадный, взаймы всегда давал. Доверие к людям. На улице мог отругать. Здоровый мужик. Даже треснуть мог. Но все слушались. Что бы ни сказал, всегда делали»²⁵.

Насилие не рассматривается в мировоззрении чукчей в качестве моральной категории. Насильник – это человек, который обладает силой, и, так как он сильнее других, он может взять, отобрать, подчинить. В чукотском фольклоре есть сюжет, объясняющий связь силы, насилия и власти: орел, подобно силачу, насильнику, имеет шесть жен, которых он отобрал у людей; белый медведь тоже *эрмэчын*, отниматель жен даже у людей [18, с. 252]. Насилие относится к средствам власти, то есть к тем способам, приемам, с помощью которых субъект власти осуществляет свою волю [30]. К таким «насильникам» и обладателям власти над людьми жители сел относят торговцев спиртным.

²³ ПМА: ж – 1960, Зоя, учитель, чукчанка.

²⁴ ПМА: м – 1968, Владимир, глава села, чукча.

²⁵ ПМА: ж – 1962, Анна, чукчанка.

«Идет белоухий [торговец спиртным]... по улице – король! Пьющий мимо него и начинает тоненьким голоском с этим барыгой. В роли “просящего”. Потому что знает, что чтобы дали [продали алкоголь], нужно лебезить... Унижается, потому что ему плохо без выпивки. Торговец как спаситель. И этому барыге нужно почувствовать свою власть. Чтобы в подчинении были... Бывает, и бесплатно нальет. Но потом не успеет человек копеечку свою получить, тот уже стоит. Дети там, есть нечего – его не волнует. Все равно отберет»²⁶.

В сельском сообществе торговец алкоголем существует в двойственном положении, находясь одновременно на противоположных концах сельской социальной лестницы [31, с. 217]. С одной стороны, его критикуют, ругают и ненавидят, с другой стороны, он встроен в социальную жизнь села как обладатель ресурсов, помощник в сложных ситуациях и человек, имеющий власть над теми людьми, которые, в силу своей зависимости от алкоголя, зачастую оказываются неуправляемыми. Несмотря на противоречивое положение, некоторых сельских торговцев спиртным можно назвать неформальными лидерами. Были случаи, когда возможность «налить каждому стопку» и периодически предоставляемая для помощи жителям села техника влияли на результаты выборов главы поселения или принятие важных решений. В отличие от других сельских лидеров, власть которых связана или с официальным положением, или с особыми качествами, власть торговца часто основана на применении психологического насилия. В одном случае насилие осуществляется над людьми, употребляющими алкоголь. Торговец использует тягу к алкоголю в качестве «рычага управления» личностью пьющего. В другом случае торговец, обладающий большими ресурсами (техникой, финансовыми средствами) и в нужный момент, предоставляющий их безвозмездно, может манипулировать моральным долгом людей, которым он оказал помощь.

Такие характеристики лидерства вписываются в модель лидера, предложенную Г. Бейли. Он рассматривает лидерство как тип экономической транзакции и нарушение общепринятой морали, а лидеров – как искусных стратегов и «обманщиков», которые стремятся максимизировать пользу для себя и завоевать поддержку посредством хитроумных маневров. Соответственно, важно увидеть не врожденные качества лидера, а эффективность конкретных тактик и стратегий в контексте власти. Бейли утверждает, что независимо от культурного контекста у лидеров имеются схожие принципы политической конкуренции [32].

²⁶ ПМА: м – 1968, Владимир, глава села, чукча.

Лидерство торговца спиртным и главы села, несмотря на моральную амбивалентность, очень схоже. И тот и другой выступают и «наильниками», и «спасателями». И к главе села, и к торговцу спиртным люди обращаются для решения проблем, помощи в сложных ситуациях. Эти лидеры обладают разными ресурсами, и люди в разных ситуациях рассчитывают на то, что смогут воспользоваться ими. Например, я наблюдала, как одна женщина, которой срочно нужно было попасть в районный центр к стоматологу, вначале пошла к главе села, чтобы тот договорился с руководителем строительной компании, строившей дорогу недалеко от села, довезти ее на «вахтовке» до районной больницы или же в приоритетном порядке, без очереди посадить на ближайший рейсовый вертолет. После того как машина строительной компании перенесла поездку, а вертолет по погодным условиям задержался, женщина пошла к торговцу спиртным, который периодически ездил на своей машине в райцентр, чтобы он взял ее с собой. В итоге она оказалась должна и тому и другому «спасителю».

Торговец спиртным, по рассказам информантов и моим наблюдениям, совершает психологическое и физическое насилие над людьми, употребляющими алкоголь, через манипуляции их тягой к алкоголю. Например, если человек истратил все деньги на спиртное, а утром ему необходимо похмелиться, он может попросить торговца налить ему выпить. Торговец может записать это в долг [33] или же при случае, когда ему нужна помощь в хозяйстве, заставить человека отработывать выпивку физическим трудом. Я наблюдала, как один житель села ежедневно кормил собак торговца спиртным и убирал его двор в счет отработки долга.

Глава села в качестве рычага насилия использует веру людей в необходимость сохранения поддержки со стороны государства и боязнь эту поддержку утратить. Глава села, главным ресурсом которого выступает как раз владение «государственным капиталом», включающим социальные связи с руководителями учреждений, районными властями и иные возможности, которые доступны должностному лицу, может заставить жителей делать то, что не является их желанием. Например, безвозмездно очистить от мусора территорию села, сшить национальный сувенир для участия в конкурсе, выкопать ров, собраться на митинг. Институты современного государства неизбежно носят принудительный характер, поскольку основаны на неравенстве сил. Органы государственной власти вынуждены опираться на систему принуждения для выполнения своих основных функций, и некоторое насилие может быть оправдано достижением благородных и общих целей [34, с. 388].

Физическая сила лидера и ресурсы, которыми он владеет (включая власть), может использоваться для манипуляции другими людьми и являться формой психологического насилия. Что же касается самих сельских жителей, то, по словам Э. Фромма, «повиновение сильной власти – один из путей, на котором человек избегает чувства одиночества и ограниченности». Временная потеря независимости и подчинение насилию обменивается на чувство защищенности [35, с. 167]. Соответственно, насилие в таком контексте не может рассматриваться в качестве моральной категории, но выступает в качестве одной из черт образа лидера, возникшей в конкретном культурном контексте. Культурные различия обуславливают различные модели лидерского поведения, и для изучения лидерства необходимы знания того, как конкретная культура влияет на поведение человека [36]. В изучаемых мной сообществах жесткость/жестокость лидера рассматривается как желательное качество, и это связано с особенностями культуры коренных жителей Чукотки. На лидере лежала основная ответственность за благополучие людей, соответственно, при необходимости он применял насилие к членам своего коллектива. Они не сопротивлялись и не возражали, признавая его власть [19, с. 63]. Таким образом, насилие и жестокость рассматриваются как конструктивные для всех сторон и могут восприниматься как действия подлинного лидера [34, с. 383].

Заключение

С точки зрения исследователя, «лидерство представляется скользким явлением: его трудно уловить» [10, с. 175]. Моя работа в чукотских селах и поиск в них лидера привели к мысли, что лидерство в современном сельском сообществе может быть размытым и может воспроизводиться через образы того, какими чертами должен обладать «начальник» – *эрым*.

Для меня как исследователя фигура лидера в селе была неочевидна, потому что я не была включена в сложно переплетенные социальные связи местного сообщества и была относительно независима от внутренних процессов в селе. Но чаще всего я не могла увидеть лидера потому, что мой образ «лидера» не совпадал с образом «лидера» местных жителей. Именно через этот образ (или отдельные его черты) люди воспринимали человека не просто как своего односельчанина, но и в качестве «начальника». Более того, оказалось, что, занимая определенную должность, человек начинает играть роль лидера по тому образу, который сконструирован сообществом.

Например, главы сел сами являются местными жителями и понимают, какие именно черты и качества помогут им быть «главными».

Соответственно, они пытаются эти качества у себя развить или компенсировать. Административное положение человека ставит его в двойственное положение: дарит лидерство через причастность к «большой власти» и одновременно обязывает стать лидером через соответствие локальному образу. Становясь начальниками или главами, люди начинали примерять на себя образы, созданные в местном локальном сообществе из предыдущего опыта общения с прошлыми начальниками. В каждом поселении это были разные люди – соответственно, и образы лидера различались.

Локальные черты лидера выражались в основном посредством характеристики деятельности человека, то есть через определенные действия, которые были важны именно для этой конкретной территории и сообщества. Например, «видимость» лидера, его включенность и активность или же представительские функции лидера в виде взаимодействия с «чужаками». В каждом селе это была своя особенная характеристика. В отличие от сел на севере Якутии, образ лидера не связывался с наследственностью – родственными связями, семьей или возрастом²⁷.

Неизменными, универсальными чертами лидера были сила (физическая и психологическая) и способность к защите и насилию. Чаще всего в процессе поиска лидеров эти характеристики работали устойчиво и приводили к людям, которые оказывались главными и самыми влиятельными в сообществе.

Глава села, которая описывала свое «становление на должность» и изменение образа жизни в связи с необходимостью «быть главой», фактически принимала на себя черты маскулинной силы. Она окружила себя физически сильными родственниками-мужчинами, но при этом отказалась от личной жизни; изменила одежду на строгие костюмы, стала выдержанной и строгой в общении, но вместе с тем должна быть защитницей жителей от угрозы (медведей) и другом оленеводов.

Образ одновременности защитничества и насилия лучше всего проявился через торговцев спиртным, которые оказывались чаще всего неформальными лидерами в селе.

Другой вид «силы» как характеристики образа лидера можно увидеть на примере учителей – местных жителей, имеющих высшее образование. С одной стороны, их влиятельность связывалась с владением «особыми знаниями». Однако при более глубоком рассмотрении их вес и авторитет строились на обладании дисциплинарной властью – силой установления и поддержания порядка.

²⁷ ПМА: полевой дневник экспедиции в села Усть-Янского района Республики Саха (Якутия). 2025 г.

Дисциплинарная власть в основном осуществляется посредством наблюдения, которое внедряется и поддерживается социальными учреждениями, и это постоянное наблюдение, согласно М. Фуко, побуждает субъекта контролировать свое поведение, как будто он находится под надзором, даже когда наблюдения нет. Школы задуманы как учреждения, использующие дисциплинарную власть для нормализации и контроля личности посредством наблюдения и проверки. Именно факт постоянной видимости и возможности быть увиденным удерживает дисциплинированного индивида в подчинении [37].

Дисциплинарная власть школьных учителей заключается в их способности поддерживать порядок и обеспечивать соблюдение правил, норм поведения, внешнего вида, успеваемости, которым учащиеся должны соответствовать. Учителя постоянно наблюдают за учащимися, влияя на их поведение посредством «взгляда и контроля со стороны» [38].

Учителю необходимо быть психологически сильным и иметь самодисциплину, чтобы добиться дисциплины от других. Он должен быть способен превратить хаос сельской свободы в порядок, даже вне школьного дисциплинарного пространства. Школьные учителя, например, влияют на тела и организацию жизни родителей, злоупотребляющих алкоголем. Родителю нужно быть более-менее трезвым, чтобы собрать и отправить ребенка в школу, потому что, если ученик *«пришел в школу неумытым, не отглаженным, грязным или проспал»*, учитель *«бьет тревогу»*²⁸, призывая родителя соблюдать дисциплину, и в качестве наказания может поставить вопрос о лишении родительских прав. В общесельском пространстве эта способность человека дисциплинировать тела осмысливается как сила, соответствующая образу лидера. Я зафиксировала как минимум две истории, в которых учителя становились председателями исполкомов, директорами совхозов и после расширяли свою роль держателей порядка и наблюдателей на все сельское сообщество. Об этих людях говорили как о сильных начальниках, и именно эти их качества в последующем дополняли образ локального лидера.

Литература

1. Волков В.В., Хархордин О.В. *Теория практик*. СПб.: ЕУСПб. 2008.
2. Ледяев В.Г. *Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2012.

²⁸ ПМА: ж – 1959, Екатерина, чукчанка.

3. Bennis W., Nanus B. *Leaders: The strategies for taking charge*. New York: Harper & Row. 1985 (на англ.).
4. Истомин К.В., Лярская Е.В., Васильева В.В. Между эмным и этным: методология исследования неопределенности в российской Арктике. *Сибирские исторические исследования*. 2025;(1):12–48. DOI: <https://doi.org/10.17223/2312461X/47/2>
5. Ледяев В.Г. Концепции власти: аналитический обзор. *Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии. Власть в Антропологическом дискурсе*. 1 том. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета. 2006:82–102.
6. Burns J.M. *Leadership*. New York. 1978 (на англ.).
7. Alvesson M., Sveningsson S. The Great Disappearing Act: Difficulties in Doing 'Leadership'. *The Leadership Quarterly*. 2003;14(3):359–381. DOI: [https://doi.org/10.1016/S1048-9843\(03\)00031-6](https://doi.org/10.1016/S1048-9843(03)00031-6) (на англ.).
8. Gemmill G., Oakley J. Leadership: an alienating social myth? *Human Relations*. 1992;45(2):113–129. DOI: <https://doi.org/10.1177/001872679204500201> (на англ.).
9. Kelly S. Leadership: a category mistake? *Human Relations*. 2008;61(6):763–782 (на англ.).
10. Spoelstra S. Is leadership a visible phenomenon? On the (im)possibility of studying leadership. *Management Concepts and Philosophy*. 2013;7(3/4):174–188 (на англ.).
11. Derrida J. *The Gift of Death*. Chicago: The University of Chicago Press. 1995 (на англ.).
12. Дионео – Шкловский И.В. *На крайнем Северо-Востоке Сибири*. СПб.: Издание Л.Ф. Пантелеева. 1895.
13. Богораз В.Г. *Луораветланско-русский (чукотско-русский) словарь: с приложениями краткого очерка грамматики*. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 2011.
14. Майдель Г. *Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868-1870 гг.* СПб. 1894.
15. Молл Т.А., Инэнликэй П.И. *Чукотско-русский словарь*. СПб.: Просвещение. 2005.
16. Мудрак О.А. *Этимологический словарь чукотско-камчатских языков*. М.: Языки русской культуры. 2000.
17. Богораз В.Г. *Чукчи: Социальная организация*. М. 2011.
18. Вдовин И.С. Природа и человек в религиозных представлениях чукчей. *Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.)*. Л. 1976:217–253.
19. Давыдова Е.А. *Оленеводы Чукотки: власть, родство, отношения с государством (по материалам XIX – середины XX в.)*. СПб.: МАЭ РАН. 2021.

20. Венстен Ш. *Чукотско-французско-англо-русский словарь*. Т. 3. СПб.: Лема. 2018.
21. Низовцев Д.Б. Проблема власти в работах Мишеля Фуко. *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2015;(4):49–57.
22. Зуев А.С. *Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII – XVIII век)*. Новосибирск: СО РАН. 2009.
23. Давыдова Е.А. Традиционное лидерство и государственные иерархии на Чукотке в советское и постсоветское время. *Материалы XXXI Международного конгресса по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: Россия и Восток*, Т. 2, г. Санкт-Петербург, 23–25 июня 2021 г. СПб.: НП-Принт. 2021:285–286.
24. *Народы Северо-Востока Сибири* / ред. Е.П. Батьянова, В.А. Тураев. М.: Наука. 2010.
25. Нефедкин А.К. *Prosopographia Tschucotica: Историко-библиографический справочник жителей Чукотки (середина XVII – первая четверть XX в.)*. СПб: Алмаз-Граф. 2022.
26. Offermann L.R., Kennedy J.K., Wirtz P.W. Implicit leadership theories: content, structure and generalizability. *The Leadership Quarterly*. 1994;5(1):43–58. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.leaqua.2017.12.003> (на англ.).
27. Слезкин Ю. *Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера*. М.: Новое литературное обозрение. 2008.
28. Волков В.Н. Концепт «дисциплинарной власти» в современном культурологическом дискурсе. *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*. 2012;19(2):10–17.
29. Луман Н. Власть и физическое насилие. *Социология власти*. 2003;(3):127–146.
30. Залысин И.Ю. Насилие как средство власти: сущность и политические возможности. *В контексте конфликтологии* / ред. Т.М. Дридзе, Л.Н. Цой. М.: Институт социологии РАН. 1997. Режим доступа: <https://conflictmanagement.ru/nasilie-kak-sredstvo-vlasti-sushhnost-i-politicheskie-vozmozhnosti/> (дата обращения: 17.10.2025).
31. Ярзуткина А.А. «Тяжелый бизнес»: торговля алкоголем в селах Чукотки. *Антропологический форум*. 2022;(54):191–224. DOI: <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2022-18-54-191-224>
32. Bailey F.G. *Humbuggery and Manipulation: the art of leadership*. Ithaca. New York: Cornell University Press. 1988 (на англ.).
33. Yarzoutkina A., Koulik N. «Ils boivent parce qu'ils n'ont pas d'argent, et ils n'ont pas d'argent, parce qu'ils boivent»: Relations à l'alcool et l'argent dans les villages de Tchoukotka. *Études Inuit Studies*. 2021;45(1–2):283–31. DOI: <https://doi.org/10.7202/1090319ar> (на франц.).

34. Sewell Gr. Can a leader be authentic and cruel? What happens when a vice becomes a virtue. *Leadership*. 2024;20(6):382–401. DOI: <https://doi.org/10.1177/17427150241283135> (на англ.).

35. Фромм Э. Психоанализ и религия. *Сумерки богов* / сост. и общ. ред. А.А. Яковлева. М.: Издательство политической литературы. 1990:143–221.

36. House R. J., Hanges P.J., Javidan M., Dorfman P.W., Gupta V. *Culture, Leadership and Organizations: The GLOBE Study of 62 Societies*. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications. 2004 (на англ.).

37. Deacon R. From confinement to attachment: Michel Foucault on the rise of the school. *The European Legacy: Toward New Paradigms*. 2006;11(2):121–138. DOI: <https://doi.org/10.1080/10848770600587896> (на англ.).

38. Ceven G., Korumaz M., Omur Y.E. Disciplinary Power in The School: Panoptic Surveillance. *Educational Policy Analysis and Strategic Research*. 2021;16(1):153–171. DOI: <https://doi.org/0.29329/epasr.2020.334.9> (на англ.).

References

1. Volkov VV, Kharkhordin OV. *Theory of Practice*. Saint Petersburg: EUSPb. 2008 (in Russian).

2. Ledyaeв VG. *Sociology of Power: Theory and Empirical Research of Power in Urban Communities*. Moscow: Publishing house of the Higher School of Economics. 2012 (in Russian).

3. Bennis W, Nanus B. *Leaders: The strategies for taking charge*. New York: Harper & Row. 1985.

4. Istomin KV, Lyarskaya EV, Vasileva VV. Between the Emics and the Etics: Methodology for Studying Uncertainty in the Russian Arctic. *Siberian Historical Research*. 2025;(1):12–48. DOI: <https://doi.org/10.17223/2312461X/47/2> (in Russian).

5. Ledyaeв VG. Concepts of Power: An Analytical Review. *A Reader on Political Anthropology: Power in Anthropological Discourse*. Saint Petersburg: Publishing house of St. Petersburg University. 2006:82–102 (in Russian).

6. Burns JM. *Leadership*. New York. 1978.

7. Alvesson M, Sveningsson S. The Great Disappearing Act: Difficulties in Doing 'Leadership'. *The Leadership Quarterly*. 2003;14(3):359–381. DOI: [https://doi.org/10.1016/S1048-9843\(03\)00031-6](https://doi.org/10.1016/S1048-9843(03)00031-6)

8. Gemmill G, Oakley J. Leadership: an alienating social myth? *Human Relations*. 1992;45(2):113–129. DOI: <https://doi.org/10.1177/001872679204500201>

9. Kelly S. Leadership: a category mistake? *Human Relations*. 2008;61(6):763–782.

10. Spoelstra S. Is leadership a visible phenomenon? On the (im)possibility of studying leadership. *Management Concepts and Philosophy*. 2013;7(3/4):174–188.

11. Derrida J. *The Gift of Death*. Chicago: The University of Chicago Press. 1995.
12. Dioneo – Shklovsky IV. *In the extreme north-east of Siberia*. Saint Petersburg. 1895 (in Russian).
13. Bogoraz VG. *Luoravetlan-Russian (Chukchi-Russian) dictionary: with appendices of a brief outline of grammar*. Moscow. 2011 (in Russian).
14. Maydel G. *Travels through the north-eastern part of the Yakut region in 1868-1870*. Saint Petersburg. 1894 (in Russian).
15. Moll TA, Inenlikey PI. *Chukchi-Russian Dictionary*. Saint Petersburg. 2005 (in Russian).
16. Mudrak OA. *Etymological Dictionary of the Chukchi-Kamchatkan Languages*. Moscow. 2000 (in Russian).
17. Bogoraz VG. *Chukchi: Social Organization*. Moscow. 2011 (in Russian).
18. Vdovin IS. Nature and man in the religious beliefs of the Chukchi. *Nature and man in the religious beliefs of the peoples of Siberia and the North (second half of the 19th – early 20th century)*. Leningrad. 1976:217–253 (in Russian).
19. Davydova EA. *Reindeer herders of Chukotka: power, kinship, relations with the state (based on materials from the 19th – mid-20th centuries)*. Saint Petersburg: MAE RAS. 2021 (in Russian).
20. Vensten Sh. *Chukchi-French-English-Russian Dictionary. Vol. 3*. Saint Petersburg. 2018 (in Russian).
21. Nizovtsev DB. The Problem of Power in the Works of Michel Foucault. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series “Humanitarian and Social Sciences”*. 2015;(4):49–57 (in Russian).
22. Zuev AS. *The annexation of Chukotka to Russia (second half of the 17th – 18th century)*. Novosibirsk: SO RAN. 2009 (in Russian).
23. Davydova EA. Traditional leadership and state hierarchies in Chukotka during the Soviet and post-Soviet periods. *Proceedings of the XXXI International Congress on Source Studies and Historiography of Asian and African Countries: Russia and the East. Vol. 2*. Saint Petersburg: NP-Print. 2021 (in Russian).
24. *Peoples of North-East Siberia* / ed. Batyanova EP, Turaev VA. Moscow: Nauka. 2010 (in Russian).
25. Nefedkin AK. *Prosopographia Tschukotica: Historical and bibliographical reference book of the inhabitants of Chukotka (mid-17th – first quarter of the 20th century)*. Saint Petersburg. 2022 (in Russian).
26. Offermann LR, Kennedy JK, Wirtz PW. Implicit leadership theories: content, structure and generalizability. *The Leadership Quarterly*. 1994;5(1):43–58. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.leaqua.2017.12.003>
27. Slezkin Yu. *Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North*. Moscow: New Literary Review. 2008 (in Russian).

28. Volkov VN. The concept of “disciplinary power” in contemporary cultural studies discourse. *Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts*. 2012;19(2):10–17 (in Russian).
29. Luman N. Power and physical violence. *Sociology of power*. 2003;(3):127–146 (in Russian).
30. Zalyzin IYu. Violence as a means of power: essence and political possibilities. In *the context of Conflictology* / ed. Dridze TM, Tsoy LN. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. 1997. Available at: <https://conflictmanagement.ru/nasilie-kak-sredstvo-vlasti-sushhnost-i-politicheskie-vozmozhnosti/> (date of access 17.10.2025) (in Russian).
31. Yarzutkina AA. “A stressful Business”: Alcohol Trading in Chukotka Villages. *Anthropologicheskij Forum*. 2022;(54):191–224. DOI: <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2022-18-54-191-224> (in Russian).
32. Bailey FG. *Humbuggery and Manipulation: the art of leadership*. Ithaca. New York: Cornell University Press. 1988.
33. Yarzoutkina A, Koulik N. «Ils boivent parce qu'ils n'ont pas d'argent, et ils n'ont pas d'argent, parce qu'ils boivent»: Relations à l'alcool et l'argent dans les villages de Tchoukotka. *Études Inuit Studies*. 2021;45(1–2):283–31. DOI: <https://doi.org/10.7202/1090319ar> (in French).
34. Sewell Gr. Can a leader be authentic and cruel? What happens when a vice becomes a virtue. *Leadership*. 2024;20(6):382–401. DOI: <https://doi.org/10.1177/17427150241283135>
35. Fromm E. Psychoanalysis and religion. *Twilight of the Gods* / ed. Yakovleva AA. Moscow: Publishing house of political literature. 1990:143–221 (in Russian).
36. House RJ, Hanges PJ, Javidan M, Dorfman PW, Gupta V. *Culture, Leadership, and Organizations: The GLOBE Study of 62 Societies*. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications. 2004.
37. Deacon R. From confinement to attachment: Michel Foucault on the rise of the school. *The European Legacy: Toward New Paradigms*. 2006;11(2):121–138. DOI: <https://doi.org/10.1080/10848770600587896>
38. Ceven G, Korumaz M, Omur YE. Disciplinary Power in The School: Panoptic Surveillance. *Educational Policy Analysis and Strategic Research*. 2021;16(1):153–171. DOI: <https://doi.org/0.29329/epasr.2020.334.9>

Об авторе

ЯРЗУТКИНА Анастасия Алексеевна – кандидат исторических наук, начальник, Научно-образовательный центр «Циркумпольная Чукотка», Чукотский филиал в г. Анадыре, «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», Анадырь, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5157-7166>, WoS ResearcherID: AAF-3748-2019, Scopus Author

ID: 55815641600, Elibrary AuthorID: 489809, SPIN: 4311-7968, e-mail: jarzut@mail.ru

About the author

Anastasiia A. YARZUTKINA – Cand. Sci. (History), Head, the Scientific and Educational Center “Circumpolar Chukotka”, Chukotka brunch of M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Anadyr, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5157-7166>, WoS ResearcherID: AAF-3748-2019, Scopus Author ID: 55815641600, Elibrary AuthorID: 489809, SPIN: 4311-7968, e-mail: jarzut@mail.ru

Конфликт интересов

Автор Ярзуткина А.А. является членом редакционной коллегии журнала «Арктика XXI век» и не участвовал в рецензировании данной статьи. Автору неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью

Conflict of interests

The author Yarzutkina A.A. is a member of the editorial board of the journal “Arctic XXI Century” and did not participate in the review of this manuscript. The author is not aware of any other potential conflict of interests related to this manuscript

Поступила в редакцию / Submitted 16.10.2025

Поступила после рецензирования / Revised 30.11.2025

Принята к публикации / Accepted 15.12.2025

АРКТИКА XXI ВЕК
ARCTIC XXI CENTURY

Научный журнал
4(42) 2025

Главный редактор *Н. В. Малышева*
Заместитель главного редактора *Л. С. Заморщикова*
Ответственный секретарь *М. А. Осорова*
Технический редактор *А. П. Васильева*
Компьютерная верстка *Л. М. Винокурова*
Дизайн обложки *С. С. Павлов*
Фото обложки *Н. Н. Слепцова*

При использовании материалов журнала ссылка на источник является обязательной
Печать цифровая. Подписано в печать 26.12.2025
Формат 70x100/16. Печ. л. 11,38. Уч.-изд. л. 11,63. Тираж 25 экз. Заказ № 278
Дата выхода в свет 29.12.2025
Цена свободная

Издательский дом Северо-Восточного федерального университета
Адрес типографии: 677000, г. Якутск, ул. Белинского, 58

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-88190 от 16 сентября 2024 г.
Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

АРКТИКА XXI ВЕК
ARCTIC XXI CENTURY

Academic periodical
4(43) 2025

Editor-in-Chief: *Ninel V. Malysheva*
Deputy Editor-in-Chief: *Liudmila S. Zamorshchikova*
Executive editor: *Marina A. Osorova*
Technical editor: *Alina P. Vasileva*
Computer design: *Lira M. Vinokurova*
Cover design: *Stepan S. Pavlov*
Cover photo: *Nina N. Sleptsova*

Any use of the journal's materials must be accompanied by a mandatory reference to the source
Digital printing. Submitted for printing on December 26, 2025
Format: 70×100/16. Print sheets: 11.38. Authorial quires: 11.63. Circulation: 25 copies. Order No.278
Publication date: December 29, 2025

Publishing House of NEFU
Address: 58 Belinskogo St., Yakutsk, Russia, 677000

Accreditation certificate ПИ № ФС77-88190 on September, 16, 2024 by the Federal Service for
Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications
(Roskomnadzor)